

АЛЕКСАНДРЪ

литературно-исторически журнал № 1 (16),
ISSN 2542-0135

январь, 2018

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами первый номер 2018 года литературно-исторического журнала «Александръ». Совершенно не случайно было принято решение открыть наступивший новый год произведениями о Тамбове, авторы которых связаны с главным городом Тамбовской области. У многих тамбовчан и гостей города остались в памяти прекрасные впечатления, полученные на прошлогодних новогодних праздниках. Тогда Тамбов достойно справился с ролью «Новогодней столицы России», а сейчас, не сбавляя темпа, продолжает своё духовное и нравственное развитие.

Открываются новые литературные таланты, раскрываются тайны и интересные моменты в истории региона и страны, совершенствуются творческие люди и творят захватывающие произведения. Всё это находит своё отражение на страницах литературно-исторического журнала «Александръ».

В наступившем новом году был несколько обновлён состав редколлегии журнала, что, на наш взгляд, качественно улучшит содержание и отбор публикаций и расширит географию распространения, а сотрудничество с такими изданиями, как «Литературная газета» и «Русское воскресение», позволит «Александрю» переступить местечковый порог и занять свою нишу среди федеральных изданий.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

*От всей души поздравляю вас с наступившим Новым годом!
Искренне желаю вам реализовать свой творческий потенциал,
осуществить свою мечту и достигнуть поставленной цели в новом, 2018 году!
А ваш верный друг – литературно-исторический журнал «Александръ» –
поможет в этом и облегчит выполнение поставленных задач!*

*С искренним уважением,
директор и главный редактор
Анатолий ТРУБА*

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Рад приветствовать вас на страницах первого в наступившем году номера журнала «Александръ»!

На Новый год принято строить планы на будущее, ставить перед собой цели, собирать вокруг самых близких и преданных друзей, поздравлять и принимать поздравления.

Журнал, который вы держите в руках, за свою короткую историю успел покорить уже не одну вершину и стал заметным явлением в культурной среде Тамбовщины. Среди друзей журнала сегодня писатели и поэты, художники и театральные деятели, учёные и краеведы. На его страницах можно познакомиться не просто с людьми разной творческой направленности, но, в первую очередь, с настоящими патриотами.

Ведь только тот, кто искренне любит свой родной край и свою страну, чтит её великую историю, память предков, – только такой творец способен талантливо воспеть всё это в своих произведениях, вкладывая душу в каждую строку и строфу. В наши дни целая плеяда талантливых людей трудится в Тамбове, сохраняя и обогащая нашу культуру, поэтому нет ничего удивительного в том, что многие свои труды, как и свою жизнь, они посвящают любимому городу.

Тамбов может гордиться своим богатым духовным наследием, славной историей, крепкими традициями. В нашем городе жили и творили люди, которыми сегодня славится Россия, – это поэт и государственный деятель Г. Р. Державин, композиторы и музыканты В. И. Агапкин и И. А. Шапуров, писатели С. Н. Сергеев-Ценский, А. П. Платонов, Н. Е. Вирта и многие другие. Так пусть и в дальнейшем наш город вносит свой весомый вклад в золотой фонд российской культуры!

В наступившем году от всей души желаю замечательному журналу «Александръ» расширить круг своих друзей, открыть новые имена и таланты, смело ставить цели и успешно их достигать! А всем читателям хочется пожелать неизменного благополучия, счастья, мира и добра!

Сергей ЧЕБОТАРЁВ

Глава города Тамбова Тамбовской области

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,
член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ, шеф-редактор (Мичуринск), член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ;

Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Л. Н. ВАСИЛЬЕВА (Москва), поэтесса, прозаик и драматург, президент музея «История танка Т-34»;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обзора «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

А. И. НОВИКОВ (Екатеринбург), член Союза писателей России;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва); председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ;

В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 1 (16), январь, 2018 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А.С. Труба.

Шеф-редактор В.С. Аршанский.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.01.2018

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

- 4** Валентина Дорожкина.
Тамбов – самый любимый город

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 8** Поэтическое признание в любви
13 Молодёжь о Тамбове

ЗАПОВЕДНОЕ

- 19** Игорь Мартынов.
Казаки и основание Тамбова

ПРОЗА

- 22** Ольга Луценко. Лидуся
28 Зинаида Королёва. Замок любви
31 Марина Елютина.
Счастливым человеком
35 Василий Кравченко.
Таблица Менделеева

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

- 46** Анатолий Труба. Испытание

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 52** Евгений Харланов

- 54** Василий Краснов.
В сотах памяти
57 Владимир Чистяков.
О войне и о любви

ПРОСТОРЫ ОТЧИЗНЫ

- 60** Александр Сухачёв.
Трудно быть медведем.
Экстрим

СВЕТ ДАЛЁКОЙ ЗВЕЗДЫ

- 71** Юрий Казаков.
О квашеной капусте, сыром
сиге и малосольных огурчиках

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

- 76** Владимир Юрченко.
Эквадор

САТИРА И ЮМОР

- 85** Валерий Седых.
Ферапонт и Гарем.
Умар алым амам.
Эмансипация

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

- 91** Шаги «Александра»

ТАМБОВ – *самый любимый город!*

У каждого человека, наверное, есть любимый город. Может, и не один. А город, в котором родился и вырос или с которым связано всё лучшее в жизни, – самый любимый. Для меня это город Тамбов. Хотя я родилась в Мичуринске, но в Тамбове живу уже более полувека, и с ним связаны у меня значительные события в жизни.

Здесь я стала студенткой педагогического института, здесь началась моя профессиональная деятельность редактора, поэта и журналиста. Именно в Тамбове я встретила людей, которые стали моими учителями и друзьями на всю жизнь. И если я добилась каких-то успехов в работе, то это – благодаря им, благодаря любимому городу Тамбову, который дал мне так много для творчества, для

того чтобы в характере выработались качества, помогающие не просто проводить время, а жить полноценной, активной жизнью.

Не могу не радоваться, когда вижу, как обновляется и хорошеет Тамбов, сколько появилось новых памятников, достопримечательных мест, радующих глаз парков и скверов. И как же всё это надо беречь!

Конечно, не случайно в моём творчестве большое место занимает образ родного города. Ему посвящены мои лучшие поэмы, стихи и песни...

Валентина ДОРОЖКИНА,
член Союза писателей России,
почётный гражданин города Тамбова

МОЙ ТАМБОВ

Когда я возвращаюсь из далёка,
Из южных или северных краёв,
Не отхожу я от вагонных окон –
Я признаюсь тебе в любви, Тамбов.

Твоё тепло в разлуке согревает.
Я знаю, какова ему цена,
Когда меня приветливо встречает
Зелёная и ласковая Цна.

– Моя Москва!
– Мой Петербург!
– Мой Киев! –
Так патриоты этих городов
Не называют города другие.
И я им отвечаю: – Мой Тамбов!

В моём Тамбове – труженики добрые.
В моём Тамбове – светлые дома...
Меня увозит вновь дорога долгая.
Я снова у вагонного окна.

Проеду много-много километров,
Увижу много новых городов.
Но в каждом переулке незаметно
Я признаюсь тебе в любви, Тамбов!

МОСКВА – ТАМБОВ

Москва, ты слышала признаний много.
Они звучали несколько веков.
Вот и меня зовёт к тебе дорога –
Я покидаю город мой Тамбов.

А поезд мчится, поезд мчится,
поезд мчится,
И я шепчу заветные слова:
Ну что ж, встречай,
встречай меня, столица,
Я еду в поезде «Тамбов – Москва».

Столица милая ошеломила,
Втянула в шумный свой водоворот.
Москва, как ты меня в себя влюбила!
Но голос внутренний в Тамбов зовёт.

А поезд мчится, поезд мчится,
поезд мчится,
И стук колёс,
и стук колёс яснее слов:
Москва великая, Москва – столица...
Но я тебе не изменю, Тамбов!

Мелькают станции и полустанки...
Берёзки милые, привет, привет.
Прощайте, Сретенка, Арбат, Останкино! –
Моей Тамбовщины дорожке нет.

А поезд мчится, поезд мчится,
поезд мчится,
И стук колёс,
и стук колёс яснее слов...
И вот в судьбе ещё одна страница –
Я еду в поезде
«Москва – Тамбов».

* * *

Плывут над городом рассветы,
И в речке Цне вода светла.
Я счастлива, что вижу это,
Как мне Тамбовщина мила!

Иду по улицам знакомым,
Над головою – тополя.
И это всё зову я домом,
И это всё – моя земля...

Рассветный час всё ближе, ближе.
И вспыхнет лучик золотой.
И я увижу, я увижу,
Какой мой город молодой...

Я буду вечно торопиться
Под сень тамбовских тополей –
Увидеть лица, родные лица
Моих друзей, моих друзей.

НА УЛИЦАХ ТАМБОВА

Опять пешком иду с работы,
Чтобы увидеть ещё раз
Весенне-летние красоты –
Отраду для души и глаз.

Не выразить все чувства в слове.
И остаётся лишь сказать:
Как хорошо в родном Тамбове
Жить и любить, стихи писать

И Набережной восхищаться,
Пред храмами благоговеть
И низко кланяться за счастье
Не просто жить, дышать, а петь!

За этот дар – красоты видеть
И злом на зло не отвечать...
Клён у дороги – словно витязь,
Пред ним – берёзовая рать...

Пропахли улицы сиренью,
И воздух – терпкое вино.
И просто было бы грешно
Не написать стихотворенье.

ГИМН ТАМБОВУ

Снова с полей свежий ветер повеет:
Город любимый весною рождён.
Наша Россия была бы беднее,
Если б на карте не значился он.

Город Тамбов – это любовь,
Это великих людей имена.
Город родной, ты молодой –
Наша надежда на все времена.

Города нет и родней, и милее,
Родиной малой его мы зовём.
Глянешь вокруг – и на сердце светлее.
Вечную славу Тамбову поём!

Он с каждым днём нам дороже, дороже –
Всё здесь родное, куда ни пойдёшь.
Славу Тамбова ещё приумножит
Гордость, надежда его – молодёжь...

Солнце восходит опять над Тамбовом,
Над лучезарной серебряной Цной...
Как не прославить и делом, и словом
Место, которое стало судьбой!

Поэтическое признание в любви

*Не выразить все чувства в слове,
И остаётся лишь сказать:
Как хорошо в родном Тамбове
Жить и любить, стихи писать
И Набережной восхищаться,
Пред храмами благоговеть
И низко кланяться за счастье
Не просто жить, дышать, а петь!*

Наверное, подобные чувства к родному городу испытывает каждый, кому дорога его история, его люди. Не писать о Тамбове невозможно: настолько он притягателен, красив, поэтичен. Трудно назвать точное количество произведений классиков русской литературы, где упоминается город Тамбов, – так их много: у Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, Тургенева, у поэтов Серебряного века, не говоря уж о современниках. О нашем городе писали поэты разных времён и поколений: Вячеслав Афанасьев, Иван Кучин, Семён Милосердов, ныне живущие поэты, в том числе и молодые.

Задолго до начала Великой Отечественной войны её участник, наш земляк Вячеслав Афанасьев, погибший в 1943 году, написал стихотворение, в котором выразил тихую, нежную любовь к этому тихому, нежному городу. Поэт, объездивший, как он выразился, «весь белый свет», нигде не нашёл другого города, который был бы так дорог его сердцу:

*Только милого, родного
Не могли стереть года:
Я родимого Тамбова
Не забуду никогда.*

Немало лет прошло с того момента, как, вступив в полемику с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, сказавшим, что «Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда», наш земляк поэт Иван Сергеевич Кучин описал достопримечательности и достижения областного центра и с патриотическим пафосом сделал вывод:

*Растущий, строящийся, индустриальный,
Распахнутый в солнечные года,
Тамбов на карте генеральной
Кружком означен навсегда!*

Несколько лет назад был издан коллективный сборник стихов местных авторов. Все стихи они посвятили городу, в котором жили, живут и трудятся. У сборника простое название – «Люблю тебя, Тамбов!». Здесь каждое стихотворение – частица истории города, поэтическое проникновение в её глубины. Примером служит произведение Семёна Милосердова «Татарский вал», которое заканчивается такими строчками:

*Давным-давно истлели орды,
Чуть виден вал среди хлебов,
Но будто слышен голос гордый:
– Не сдался врагу Тамбов!*

В стихи о любимом городе поэты вложили столько любви, восторга, тревоги за его благополучие, сознания невозможности отплатить сполна за красоту, которую дарит нам родной Тамбов! Разве только стихами, как это сделал Геннадий Якушенко:

*Какою такую цену,
Безденежный, буду платить
За эти туманы над Цною,
За буйность воды у плотин?*

«Ты любовью мне сердце поранил...» – многие могли бы согласиться с такими словами поэта Аркадия Макарова, давшего свой образ Тамбова:

*На лице – азиатская мета,
И славянская грусть на лице,
Пламя белое знойного лета,
Божий храм в золотистом венце...*

Евстахий Начас, родившийся на Украине, но с юности живущий в Тамбове, называет его своей второй родиной. В венке сонетов «Я в России прописан» Тамбов предстаёт красивым, надёжным, уверенно шагнувшим в XXI век:

*Искать на карте мне не надо точку,
Он в моём сердце обозначен точно,
Без разных параллелей и кружков,
Весной вишнёвым светом осиянный,
Многоэтажный, древний, деревянный,
Моя вторая родина – Тамбов.*

Андрей Белкин в стихах о Тамбове стремится передать своё восхищение родным городом всем, кто живёт в нём или просто приезжает в гости. Поэт уверен: если кто-то хоть один раз побывал в Тамбове, увидел речку Цну, прекрасную Набережную, сады, скверы и парки, тот навсегда запомнит эту красоту и, может быть, захочет вернуться сюда:

*Вижу с пылкой радостью я снова
С детства мне знакомое лицо
Города старинного Тамбова –
Края наших дедов и отцов.*

*В этом прочность наша, наша гордость,
И в душе ты с юных лет носи
Наш Тамбов – соборность и духовность
Серединной песенной Руси.*

Старинным и обновлённым, праздничным и трудовым, с памятниками и фонтанами – таков Тамбов в стихах Альфреда Мильрата:

*Город мой, ты краше стал, чем прежде,
Я успехам радуюсь твоим.
Для меня в любой своей одежде
Навсегда останешься родным...*

О чём бы ни писали поэты, прославляя Тамбов, – о его истории или современности, – всех их объединяет одно чувство – любовь. Но как по-разному оно выражено в поэтических произведениях! И это естественно: у каждого – свой Тамбов, каждый находит в нём то, что близко и дорого именно ему, увидевшему влюблёнными глазами и чутким сердцем такие особенности, какие не смог увидеть никто другой. Кому-то он нравится весной, кому-то летом или осенью. А вот у поэта и учёного-лингвиста Владимира Руделёва есть книга стихотворений и поэм, которая называется «Зима в Тамбове». Наверное, даже тот, кто не любит зиму, прочитав стихи Владимира Георгиевича, изменит своё отношение к этому времени года: так ярко, светло и перевозданно описан снег:

*В глазах от солнышка рябит,
А снег пушист и розов.
Вихрастым вихрем с крыши сбит
Какой-то древний лозунг.
Теперь история сама
Своё напишет слово.
Такая русская зима
На улицах Тамбова!*

То прекрасным рыцарем называет Тамбов Галина Ходякова, то другом, нуждающимся в помощи. Город для неё – не каменный и

деревянный, он живой, одушевлённый, ранимый, и с ним она делится своими сокровенными мыслями. Конечно, Тамбов не в каждое время года может очаровать красотой. Бывает он и невзрачным, особенно в ненастье. Но сколько в нём и в такие дни красоты, видимой тем, кто смотрит на всё поэтическими глазами! Вот как описала Галина Ивановна Тамбов в дождливую погоду:

*Город мой насквозь промок, до нитки,
Не спасли его и модные ботинки
Из асфальта и травы зелёной.
Утонули в лужах все газоны.*

*Город мой лицом ко мне прижался,
Он дрожал, он плакал, хоть стеснялся.
Успокойся, славный мой Тамбов,
Добрый другом я приду к тебе из снов.*

*Обниму, согрею и укрою.
Ты не бойся, я всегда с тобою.*

А каким видят Тамбов совсем юные поэты? Сказочным, древним; молодым, растущим, как они сами. Сказочным он представляется Елене Захаровой; с колоколами, «вызывающими счастье», – Марии Знобищевой; таинственным – Татьяне Софинской; городом, который нельзя описать словами, – Ольге Кульковой; музыкальным – Александре Николаевой. С родным городом у молодёжи связаны большие надежды, потому что:

*Город Тамбов – это любовь,
Это великих людей имена.
Город родной, ты молодой,
Наша надежда на все времена.*

Валентина ДОРОЖКИНА

Молодёжь о Тамбове

Анастасия СЕРОВА

ТАМБОВУ

А Тамбову сегодня не спится,
И подушка его горяча.
Одеялом из синего ситца
Одевается город в печаль.

Я к нему подойду осторожно:
Что, любимый, тревожит тебя?
Вспоминаешь о лете острожном
И в набегах сожжённых хлебах?

О бесчинствах татар и калмыков,
Стеньки Разина временах?..
Небесами земля не забыта:
Чудотворцы молились в скитах...

Восемнадцатый век на исходе –
Пугачёвщина, злая чума.
Дай нам, Господи, в смрадном болоте
Не сломаться под игом ярма.

И в холеру, в пожары – молитва
Нам оружием верным была.
За Тамбов на земле – в небе битва
Неусыпно врагами велась...

Год семнадцатый, год сорок первый...
Сны из прошлого так тяжелы.

Град, крещённый пасхальным апрелем,
Стойко тысячи жизней прожил.

Кровь мордовская – русское сердце,
Не тревожься, родная душа!
Чернозёмная дремлет окрестность,
И печали её не страшат...

Спи, Тамбов, спи, надеждами полный,
В колыбели грядущих веков.
Три пчелы на лазоревом поле
Охраняют твой мир и покой.

Ольга ТЕРЕХОВА

ЗИМНИЙ ТАМБОВ

Тамбов – заснеженные улицы,
Разбросанные пятна фонарей.
Старинные деревья хмурятся,
Скрывая звёзды меж ветвей...

Тамбов – река в оковах холода,
Цна величавая меж берегов;
Переpletения дорог...
Здесь всё когда-то было молодо...

Тамбов – заводы и вокзалы,
Свет от церковных куполов,
Дворца Асеевского залы...
Всё это – город мой Тамбов!

Мария ЗНОБИЩЕВА

ТАНК «ТАМБОВСКИЙ КОЛХОЗНИК»

Зачем под гладью неба голубого,
Где тонко тают тучи в вышине,
Стоит на мирной улочке Тамбова
Огромный танк, как память о войне?
Навеки он застыл на пьедестале –
Суровый и холодный, но родной,
Как будто просит, чтоб не забывали,
Что сросся он с тамбовскою землёй...
Шёл год сорок второй – жестокий, грозный.
Беду в ту пору каждый сознавал,
И всё, чем мог помочь стране колхозник,
Он без остатка фронту отдавал.
Измученный, но в Родину влюблённый,
Народ старался из последних сил
И танковую мощную колонну
В священный путь кровавый снарядил.
И до непобедимости отважный,
В тылу ль, на фронте, в час свой роковой
С войной лицом к лицу столкнулся каждый –
Не каждый был помилован войной.
Почин тот первый славен был и честен,
Но не об этом думали тогда.
В огне былой войны стояли вместе
Деревни, сёла, люди, города,
Колхозники, рабочие, солдаты,
И жёны, и мужья, и стар и млад,
Чтоб слышать, как торжественно и свято
Колокола победы зазвонят.
Тамбовская безудержная сила
И воли несгибаемая власть,
Как маленькая капелька России,
В большом огне победы разлилась!
Затем под гладью неба голубого
В вечернем полумраке тишины
Стоит наш танк, что фронту дан Тамбовом,
Чтоб вечно помнить: мы сильнее войны!

Анастасия ЧЕЛЮБЕЕВА

В Тамбове нашем памятник стоит.
Он установлен русскому поэту.
И я хочу вам рассказать об этом
И ничего от вас не утаить.

Поэт великий Лермонтов... Скорблю
(Со мною вместе – взрослые и дети).
Хоть Лермонтова нет давно на свете,
Но я его по-прежнему люблю...

Когда уже исполнилось сто лет,
Как он погиб (то было в сорок первом),
То памятник установили, верно,
В Тамбове – никаких сомнений нет.

И сквер здесь появился в честь него.
Всегда в том сквере можно прогуляться
(И в шесть часов, и в десять, и в двенадцать)
И взять с собою друга своего...

Тамбов! Ты, безусловно, связан с ним –
С тем гением, которого мы помним...
Всё изменилось с давних пор, и в корне,
Но огонёк любви неугасим!

И пусть сегодня, завтра и всегда
Становятся отчётливей и ярче
Воспоминания, и нельзя иначе,
В таких прекрасных и родных местах!

Маргарита ШИТИКОВА

**ТАМБОВ – ПОЭТИЧЕСКИЙ
ВДОХНОВИТЕЛЬ**

Закат струится сквозь листву на лица
Да отблеском играет в очах.
И суждено реке моей разлиться
Столь вольно, сколько воронью ворчать...

По капле Цна живёт в стихах тамбовцев,
По звону «благост» – в сонетах их.
И по-тамбовски греет даже солнце,
Лучом слегка прокравшееся в стих.

По-васнецовски март встречают крики
Грачей, соскучившихся по посевам.
Их слышал в своё время Боборыкин,
В своей усадьбе наблюдал Асеев...

Тамбов роднит и малых, и великих,
С радушием встречает всех гостей...
Закат оставит матовые блики,
Желание творить – сейчас и здесь.

Елена ЯЦКОВА

УТРО В ТАМБОВЕ

Тамбов окутан пеленой тумана,
И в тишине рождается заря.
И только дворник, вновь проснувшись рано,
Сметает второпях дни февраля.

И речка Цна вдохнула полной грудью
Весенний воздух. И оковам льда
Не справиться с теченьем бурных будней...
По улице Советской, как всегда,

Спешит народ. Машины, светофоры...
Все в пробке снова ждут зелёный свет.
Тамбов недавно нежил в сне,
С рассветом – встречи вновь, переговоры...

А в парке – тишина и благодать.
И дышит лес, и мысли так легки...
Эх, посидеть бы утром у реки,
В стихотворенье красоту объять!

Но снова пробуждается рассвет,
И не хватает времени на чай...
Но как приятно мне с утра встречать
На жизненном пути зелёный свет.

Елизавета СЕМЁНОВА

ОСЕННИЙ ТАМБОВ

Тамбов, ты осенью прекрасен!
Ты, как пожар, – огнеопасен,
Ты просто чудо из чудес...
Прекрасен твой осенний лес!

Люблю твой холм и речку нашу.
А Набережной нету краше!
Ты посмотри на липы, ивы
И на берёзы – как красивы!

Не видел ты тамбовский клён?
Как осенью прекрасен он!
Фонтаны в городе у нас –
От них не оторвёшь ты глаз...

Какие чудные аллеи,
Где деревца уже алеют...
Попробуй описать Тамбов –
Найдёшь хороших много слов.

Елизавета НАЗАРОВА

ТАМБОВ ВСТРЕЧАЕТ ВЕСНУ

Вот Цна, окутанная утренним туманом,
За нею – лес в прозрачной синеве.
Проникла в город к нам зима обманом
И затаилась в придорожной мгле.

Синеет даль, за нею солнце всходит,
Зарёю освещая наш Тамбов.
Весна бочком, так тихо к нам приходит
И ищет среди деревьев себе кров...

Родительским теплом, добром и лаской
Весну встречает снова город мой.
Ну а зима под белоснежной маской
Скользит в карете – поскорей домой...

Весна преобразила сонный город,
Согрела ярким солнцем день его.
А от зимы уж не осталось ничего,
И наш Тамбов по-прежнему так молод!

Дмитрий ОРЛОВ

ГОРДЫЙ МОЙ ТАМБОВ

Как много городов великих!
А мой Тамбов хранит сам Бог...
Среди лесов, над Цной поднявшись,
Стоишь ты гордо, мой Тамбов.

Ни рать татар, ни немцев орды
Господь к тебе не допустил.
Раскаянье в грехах во храме
Услышав, он тебя простил.

Небесной благодатью край мой
Покрыл святитель Питирим,
И Серафим Саровский вместе
Тамбов оберегает с ним.

И нет защиты той сильнее
Во все века и времена:
Ведь святостью и добротой
Велика русская земля...

Пусть лет немало миновало,
Тебя всегда хранит сам Бог...
Среди лесов, над Цной поднявшись,
Стоишь ты гордо, мой Тамбов.

Никита СОБОЛЕВ

МОЙ ТАМБОВ

В самом сердце России
Есть город старинный на Цне,
Заложен был в годы лихие,
Как крепость – защита извне.

Царским указом поставлен
Город Тамбов на века.
Воздвиг его сам Боборыкин
Для пущей острастки врага.

Здесь храмы святые поставил
Вдоль чистой реки Студенца...
И есть у Тамбова начало,
И нет у Тамбова конца.

Стоит и поныне красавец,
Мой город любимый на Цне.
Всё так же липовым духом
Плывёт аромат по весне.

Блестят купола золотые,
Как яркое солнце горят,
И в них в самом сердце России
Со всех колоколен звонят.

И звук этот добрый, звенящий
Подарит надежду и мне,
Что выстоит город вовеки
На нашей священной земле.

А имя он носит такое,
Чтоб каждый сказать сразу мог:
Тамбов – это крепость, защита,
Его охраняет сам Бог.

Евстахий НАЧАС

* * *

* * *

Делит нас земля, а перед небом
 Все мы одинаково равны.
 Ранний месяц, как краюха хлеба,
 Засветился с южной стороны.
 Вся она затянута перкалью
 Низких сыроватых облаков,
 Ветры их прицининские соткали
 Из туманов, плывших над рекой.
 Я молюсь о том, что небо вижу,
 Рядом с храмом я живу в селе.
 Чем к высотам горным мы поближе,
 Тем родней друг другу на земле.

* * *

Морозная в округе тишина,
 Лишь снег хрустит, шаги мои считая,
 Мне кажется, что каждая сосна
 Все мои мысли про себя читает.
 А вот одна – причудливый портал
 В другое время, в жизнь совсем иную,
 Но там никто из близких не бывал,
 С кем до сих пор делю судьбу земную.
 Прости, сосна, я тоже не смогу
 Уйти туда, где, может, всё чудесней –
 Мне по душе сосновый бор в снегу,
 Где никому и никогда не тесно!
 Молюсь Христу за то, что даровал
 Высоких крон хрустальные узоры,
 Что открываю каждый день портал –
 Калитку деревянную в заборе.

* * *

А люди скажут то, что скажут, –
 У всех на всё есть свой ответ,
 И только время всем покажет,
 Кто прав тогда был, а кто нет.
 Умы горячие остудит
 Всех осуждавших часто нас,
 А нас с тобой Господь рассудит
 И всё за каждый грех воздаст.

*Предавайте меня, предавайте...
 Майя Румянцева*

Роняет в сквере листья клёнов осень,
 За ним знакомый многим дом стоит.
 Второй этаж, квартира номер восемь,
 Поэт читает нам стихи свои.
 О том, как предавали равнодушно,
 Стараясь поскандальней, побольней...
 Как распинают и любовь, и душу,
 Как долго плачет женщина над ней...
 Как можно быть в любви своей бесстрашной,
 Прощаньем и теченьем рек и рук...
 Поэты молодые с сыном Сашей –
 Наш самый незабвенный ближний круг.
 Мы видели: глаза её лучатся,
 Как после гроз озёрная вода.
 Она читала редко нам, но часто
 Во многолюдных залах, как всегда.
 «Балладу о седых» читала всюду,
 Седых от пепла лицах, лебеде...
 Пока живу, я слов тех не забуду:
 «Не буду плакать и грустить ночами...
 Ведь я волшебница из сказки и печали
 И появляюсь только при беде...»
 Остались книги, памятные дали,
 И соловьи весной над Цной поют...
 Когда таких, великих, предавали,
 Таких, как я, поныне предают.

* * *

Я в России век свой доживаю –
 Господом отпущенный мне срок,
 Что посеял, то и пожинаю,
 Но я счастлив – я не одинок.
 Листопад кленовый догорает,
 Свет его в твоих родных глазах,
 А союз земной наш, дорогая,
 Верю – заключён на небесах.

* * *

А завтра быть чему, то будет.
Фёдор Тютчев

В открытую твердят все о войне,
И это будет третья мировая.
Подснежников хрустальный свет весне
Не прозвенит, с росой густой играя.
А если прозвенит, то лишь для тех,
Кто в ядерном аду спасётся чудом.
Убежища принять не смогут всех,
Поскольку сладить их нельзя повсюду...
Моя тревога, может быть, грешна,
Но не могу никак с собой поладить.
Лежит в траве сентябрьской тишина,
Как внуков, я хочу её погладить.
Своею болью с ними не делюсь –
Никто меня за это не осудит.
Живу, надеюсь, как могу тружусь,
А что поделать: будет то, что будет!

* * *

В том октябре, как ныне, выпал снег,
Озябли клёнов жёлтые ладошки,
В снегу увязли травы и дорожки,
И был глубоким даже птичий след.
Зазимок первый – это как пролог
Метелей, вьюг, сугробов и морозов,
А утром солнце вытерло мне слёзы –
Передо мной больничный был порог.
За ним ходили нянечки, светясь,
А перед ним мужья в душе молились,
За тем порогом аисты роились,
За ним Оксана-дочка родилась.
Мне тот октябрь в душе оставил свет,
Я по нему шаги все поверяю,
Я октябрю и свету доверяю,
Встречаю, словно чудо, первый снег.

* * *

Всё, что на земле, с землёю движется,
Он в движенье, наш живучий шар.
Всё труднее пишется и дышится,
Всё сильней болит моя душа.
Время никогда не возвращается,
Надо каждый миг, как дар, ценить,
А душа болит – как бы прощается
С миром, что успела полюбить.

* * *

На кронах иней – сказочный салют,
Куда ни глянь – сугробы снеговые.
Воды крещенской в храме мне нальют,
Как все, поставлю свечи восковые.
Я в Божьем доме тихо помолюсь,
В нём и молитва шепчется иначе,
Я всем святым иконам помолюсь,
А перед образом Христа заплачу.
Нежданных я не стану прятать слёз,
Да и душа ранимая не станет.
Минувшей ночью многие в мороз
Купались в освящённой иордани.
Как мост, гудела ледяная гладь,
Светилась Русь крещенскими снегами...
Спаситель ниспослал мне благодать –
Грехи смыть не водою, а слезами.

* * *

Я говорю и думаю по-русски,
Но есть такие, для кого я нем.
Я понимаю их, и всё ж мне грустно,
Что я ушёл от многих насовсем.
Но на просторах русских я не лишний,
Я свой для добрых искренних людей.
Мы даже вдалеке друг друга слышим,
И голосов нет ближе и родней.

КАЗАКИ И ОСНОВАНИЕ ТАМБОВА

ОСВЕЩАЯ ИСТОРИЮ ТАМБОВА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ИЛИ НА РАЗЛИЧНЫХ ВСТРЕЧАХ, ЭКСКУРСИЯХ ИЛИ МЕРОПРИЯТИЯХ, ЗАЧАСТУЮ НЕ УДЕЛЯЮТ ВНИМАНИЯ УЧАСТИЮ КАЗАКОВ В ОСНОВАНИИ И СТАНОВЛЕНИИ ГОРОДА-КРЕПОСТИ. КАЗАЧЕСТВО ВНЕСЛО ОГРОМНЫЙ ВКЛАД НЕ ТОЛЬКО В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА, НО И В СТАНОВЛЕНИЕ ТАМБОВА КАК ОДНОГО ИЗ ФОРПОСТОВ НА РУБЕЖАХ РОССИИ.

Во второй половине XVII века правительство приняло ряд мер, которые должны были прекратить набеги крымских, ногайских татар и калмыков на юго-восточные окраины Российского государства. Согласно этим планам в середине 30-х годов XVII века были основаны города-крепости Козлов (современный Мичуринск) и Тамбов. Города, выполняющие функцию крепостей, нуждаются в опытных воинах, имеющих практику и навыки ведения как оборонительных, так и наступательных действий. Козлов и Тамбов начали заселяться служилыми людьми, и в первую очередь казаками.

Первыми тамбовскими служилыми стали выходцы с Дона и Запорожья. 17 марта 1636 года правительство издало указ, согласно которому в место строительства новой

крепости Тамбов переехало на жительство 45 атаманов и казаков с Дона. Донские казаки разместились в слободе Кузьмино-Гать (там и сейчас живут их потомки). По прибытии на новое место казакам выделили земельные наделы, хлебное жалование и денежное пособие для каждой семьи «на дворовую селитьбу и зов», «на ружьё» и другие расходы. Много казаков и атаманов с Дона поселились отдельной слободой Лысые Горы, образовав своеобразный форпост с северной стороны нового пограничья.

Запорожские казаки прибыли на Тамбовщину в количестве 73 человек и стали селиться в Панской слободе города-крепости Тамбова, пользовались привилегиями белослободцев, а позднее слились с полковыми

Казак на сторожевой службе. Епифань, XVII в.

казаками. За «выход» бывшие запорожцы получали по 5 рублей, их матери и жёны – по 1 рублю, дети возрастом до 15 лет – по полтине, дети старше 15 лет – по 1 рублю. Кроме того, казаки получали «государево» денежное жалованье в размере 5 рублей, а атаманы – по 7 рублей и хлебное жалованье.

Одновременно с Тамбовом возникла Покровская казачья слобода. Казаки Покровской слободы в основном несли службу на Татарском валу, защищая и охраняя город от набегов и осад. Тамбов выдержал 86 осад, принимая на себя удар как пограничный форпост Белгородской черты.

Освящение города-крепости Тамбова состоялось 1 октября 1937 года, в день Покрова Пресвятой Богородицы. Таким образом, Покровская церковь была не только местом

духовного окормления служилых людей, но и особым символом покровительства Богородицы защитникам города-крепости. В 60-х годах XVIII века деревянная Покровская церковь сгорела, и на её месте в 1763 году построили новую, каменную, которая стоит по сей день. Рядом с церковью было казачье кладбище, где находили последний земной приют казаки, павшие в боях против недругов. Покровское кладбище функционировало ещё до 1800 года, а в начале 1801 года по указу Синода было закрыто. Это место не застраивалось, т.к. это считалось большим грехом и оскорблением памяти первых защитников города Тамбова и упокоенных при церковном погосте. Покровская церковь была передана под управление военного ведомства, но для народа она всё ещё была казачьей церковью. Только после 1917 года она стала именоваться «солдатской». До 1918 года в этой церкви хранились все военные трофеи тамбовских полков и тамбовского ополчения, добытые в Отечественной войне 1812 года, в турецкой войне 1877–1878 годов. После известных революционных октябрьских событий Покровская церковь была разграблена. Сейчас на этом месте находится Кронштадтская площадь, также известная как парк «Сочи».

Хочется заметить, что до революции у здания духовной семинарии (сейчас корпус Тамбовского государственного технического университета) стоял памятный крест, установленный в честь казаков, похороненных на Покровском кладбище, погибших в бою при отражении набегов на Тамбов. В настоящее время на казачьем кладбище стоит памятник Тамбовскому мужику.

Казаки селились также в Полковой слободе, которая находилась за восточной стеной современного Вознесенского монастыря. Полковая слобода была построена без всякого плана, и дома стояли в хаотическом порядке. Казаки, как и другие служилые люди, проживали своими семьями в маленьких избушках, сделанных из дерева, с соломенными крышами. Отапливались дома по-чёрному, а вместо стёкол в окнах были бычьи пузыри. Только спустя 200 лет все 148 казачьих семей (!)

были переселены на земли близ границ города Тамбова. Так появилось село Полковое, которое существует и ныне, располагается недалеко от села Донское, пригорода современного Тамбова. Село Донское основано полковыми казаками во время строительства крепости. В те времена оно называлось Пячихильской слободой в честь речки Пячихильки, левого притока реки Цны. В 1719 году первые ревизские сказки упоминают, что к тому времени в слободе проживало 55 казачьих семей общим числом мужского населения 898 человек.

С другой стороны города-крепости, на левом берегу Цны, в 1648 году расположилось село Бокино, перенесённое с правого берега. Мужское население села было переведено в казаки и стало охранять валовые укрепления. В 1676 году монах Антоний при исчислении налога местной церкви писал: «Церковь Николая Чудотворца в с. Тамбовщине. Да в приходе к той церкви казачьих 131 двор, бобыльских три двора». В первой ревизской сказке 1719 года можно прочитать, что в селе Бокино проживают казаки, есаулы, солдаты. Только одних есаулов и казаков насчитывается 133 человека.

Как мы видим, строительство города-крепости Тамбова началось с прибытия казаков на нашу тамбовскую землю. Именно казаки стали костяком тех служилых людей, которые стояли в основе строительства крепости и тамбовского войска, защищавшего рубеж Российского государства. Скорбит душа современных казаков, что нет в Тамбове памятника, посвящённого тем казакам-воинам, потомки которых впоследствии прославляли своими подвигами на исторических полях брани Тамбовскую область. Отечественная война 1812 года, Первая мировая война, Великая Отечественная война 1941–1945 годов, военные конфликты новейшей истории России дали множество ярких примеров таких подвигов.

Современный Тамбов расстраивается и расширяется. Старый город постепенно уходит в небытие, унося с собой память о наших предках-казаках. Военно-патриотическое и историческое воспитание молодёжи строится в основном на периоде, начинающемся с

1941 года. Таким образом, из сознания народа постепенно уходят подвиги и героизм тех, кто строил великую Российскую империю, являя чудеса силы духа и любви к Отечеству. Вместе с тем в учебных заведениях не только города Тамбова, но и всей Тамбовской области проводится большая работа по изучению тамбовского краеведения. Отдельной и важной темой в рамках этой дисциплины может стать ознакомление с ролью казаков в строительстве и защите города-крепости Тамбова.

Тамбовское казачество, история которого начинается с первой половины XVII века, было, есть и будет на нашей земле! Храня память о казаках-воинах, строителях и защитниках нашего любимого города Тамбова, казаки Тамбовской области будут нести ответственность перед своими потомками за сохранение и укрепление родного края. А

Игорь МАРТЫНОВ,
войсковой старшина, заместитель
атамана Тамбовского отдельского
казачьего общества

Лидуся

Где-то вдали на реке протяжно прокричал пароход. Лидия Михайловна открыла глаза.

Ах как не хотелось отрываться ото сна! Как не хотелось прерывать тот прекрасный танец, в котором она кружилась с молодым красивым лейтенантом на задымлённой площади Будапешта. В её пшеничных кудрях сверкали жемчужные бусины запоздалого дождя, а синие глаза излучали счастье. Ну почему во сне мы всегда так молоды и прекрасны? И почему

невозможно оставаться такими всегда?

Лидия Михайловна опустила ноги на пол, с трудом нащупав там тапочки. Боже мой, как болит спина! Ничего, надо поставить на плиту чайник и заварить крепкий чай. Шаркая тапками по полу, она медленно вышла в коридор.

– Привет, страшилище! – сказала она старинному, в тяжёлой кованой оправе зеркалу.

И всё было бы, как всегда: Лидия Михайловна зажгла бы газовую горелку и поковыляла бы в ванную умываться. Потом сделала бы себе бутерброд, а после завтрака пошла

бы гулять в сквер. Всё было бы именно так, если бы вдруг в ответ не прозвучало:

– Ты что же, совсем-совсем меня не любишь? Ни капельки?

Лидия Михайловна остановилась. Уже много лет она жила в квартире одна. Дети выросли и разъехались. Да что там дети! Даже внуки и те уже выросли!

– За что ты меня так не любишь? – Из зеркала на неё смотрела седая сутулая старуха. – Разве я виновата перед тобой?

– Ты кто? – испуганно прошептала Лидия Михайловна.

– Я – Лидуся! Неужели ты забыла своё имя? – Бесцветные глаза старухи были печальны.

Лидия Михайловна взглянула на неё ещё раз. Её лицо вызывало жалость и разочарование.

– Хочешь чаю?

– Да.

Лидия Михайловна придвинула к зеркалу кресло-качалку, принесла чашку чаю и села напротив. Старуха в зеркале держала в руке такую же чашку и слегка покачивалась в кресле.

– Что? Тоже спина донимает? – Лидия Михайловна усмехнулась.

Старуха кивнула.

– Так ты говоришь, что тебя Лидусей зовут? Старуха снова кивнула.

Лидия Михайловна пристально вгляделась в зеркало:

– Какая же ты Лидуся? Ты – старая развалина, сморщенное, горбатое страшилище, а никакая не Лидуся! У Лидуси, к примеру, были синие, как небо, глаза и пушистые ресницы!

– Я подарила их своей дочери, – вздохнула старуха. – И своей внучке.

– У Лидуси были такие красивые густые волосы и обаятельная улыбка! – ворчала Лидия Михайловна.

– Да, – кивнула старуха. – Как у моего сына...

– Где же теперь стройная Лидусина фигурка? Лидуся могла бесконечно кружиться в танце, завораживая всех вокруг!

– Теперь у меня жутко болят колени и сводит мышцы...

– Пстой-ка, – Лидия Михайловна нацепила очки, – а ты помнишь?..

– Что?

– Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять? Неужели ты забыла это?

– Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет. – Отражение в зеркале улыбнулось, а Лидия Михайловна откинулась на спинку кресла, скептически разглядывая свою собеседницу.

Ароматный чай с продолговатыми ягодами барбариса неотвратимо остывал. Лидия Михайловна рассеянно помешала его ложкой.

– Послушай, Лидуся, – она примирительно взглянула в зеркало, – а ты помнишь того лейтенанта? Как его звали? Петька?

– Его звали Пётр, – Лидуся вдруг стала серьёзной. – Он был таким взрослым тогда... Ему было так много лет... Кажется, двадцать семь... Сегодня мой внук старше...

– А как вы с ним танцевали в Будапеште? Помнишь? И дядя Ваня играл на гармонивальс...

– Да. «Амурские волны». А наутро снова был бой, и дядя Ваня из него не вернулся. – Лидуся отвернулась, смахивая слезу. – А я, дурочка, тогда думала, что в сорок пять это уже не страшно...

– А Петькин подарок ты помнишь? Кисет с вышивкой?

– Это вовсе не подарок, старая ты развалина! – Лидуся торжествовала. – Он сказал, что бросает курить, и отдал мне этот кисет, чтобы я хранила его и вернула ему после войны. В знак нашей Победы. Я обещала вернуть...

– Он был такой выдумщик! Последний вечер перед боем... Что он говорил тогда? Не помнишь? – Лидия Михайловна даже не обиделась на «старую развалину».

– Это ты не помнишь! А я помню. Он сказал, что однажды после войны я сяду на белый пароход и поплыву вверх по реке...

– По какой реке?

– Да какая разница? Будет лето, на пароходе будет играть музыка, а на берегах будут цвести ромашки... Целое море ромашек... Красиво, правда? А потом я сойду на маленьком деревянном причале. А вокруг будет солнце

и трава по пояс... А он встретит меня в новеньком костюме, с цветами... Одним словом, выдумщик.

– Его тогда ранило. – Лидия Михайловна печально покачала головой. – Осколочным в голову... Послушай, Лидуся, а ты сохранила этот кисет? Что-то не припомню, где он?

– Эх ты! Старая развалина! – Старуха в зеркале демонстративно надула губы. – В комод, под мешочком с сушёной лавандой! Забыла?

– Верно, под лавандой. – Лидия Михайловна силилась вспомнить ещё что-то. – «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять...» Дразнилка такая была. Он меня всегда ею донимал...

Тяжёлый ящик комода открылся легко и плавно. На самом его дне, под старательно выглаженными белоснежными простынями, рядом с полотняным мешочком, источавшим горьковатый запах горной лаванды, лежала старая солдатская пилотка с алой звездой. Лидия Михайловна бережно взяла её в руки.

– Вот он, Петькин кисет. – Она вынула из пилотки кисет из домотканого полотна с нехитрой вышивкой: по зелёному полю, высоко поднимая ноги, гордо шагал красный петух. – «Петя, Петя, петушок, золотой гребешок! Петька! Береги мою Лидусю!» – так он говорил тогда...

Сквозь аромат лаванды настойчиво сочился терпкий запах крепкой солдатской махорки.

– Вот что, Лидуся! – Лидия Михайловна решительно встала и направилась к выходу. – Подожди меня тут, никуда не уходи! Я сейчас.

* * *

Лидия Михайловна вернулась с широкополой белой, в красных маках, панамой.

– Лидуся! Гляди, чего я тебе купила! Нравится?

Старуха в зеркале кивнула.

– Тогда собирайся, старая развалина, и пошли!

– Куда?

– К реке. – Лидия Михайловна бросила в сумочку кисет с вышитым петухом, очки

и старенькое зеркальце с красной пластиковой ручкой. – Погляди-ка, на улице солнце, лето и целое море цветов! Там улыбаются люди и смеются дети. А мы с тобой сидим и киснем у засиженного мухами зеркала! Слышишь, Лидуся? Мы с тобой пойдём нынче к реке, сядем на белый пароход и поплывём на нём далеко-далеко... Надо выполнять свои обещания!

Лидуся сквозь зеркало испуганно смотрела на Лидию Михайловну, улыбка застыла на её губах, а по морщинистой щеке скатилась крупная слеза.

– Прекрати сейчас же! – прикрикнула на неё Лидия Михайловна. – И не жалуйся! Старой развалиной ты будешь завтра. А сегодня ты – Лидуся!

* * *

...Пароход устало рявкнул на причал и покати́л вверх по реке. Тёплый летний ветерок теребил поля панамы и ласково касался щёк. Народу на палубе было немного: две кругленькие тётушки с тяжёлыми сумками, стайка молоденьких девиц в коротких юбочках да мальчик лет восьми с очень печальной мамой.

А вокруг было лето, много лета – все берега утопали в нём. На пароходе играла музыка, а на берегах цвели ромашки, целое море белых ромашек...

Печальная мама с мальчиком выходили на старенькой понтонной пристани. Много раз перекрашенный деревянный дебаркадер устало качался на волнах.

– Идём скорее! Иначе мы опоздаем на автобус! – суетилась мама, пропуская вперёд сына.

– Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять, – бормотал себе под нос мальчик, сходя с парохода.

Лидия Михайловна вздрогнула. Она краем глаза взглянула на стекло иллюминатора и, поймав боковым зрением нарядное отражение старушки в панаме с маками, тихонечко шепнула:

– Лидуся! Мы приехали!

Догонять пузатый пыльный автобус Лидия Михайловна не стала. Солнце заливало

всё вокруг, и только широкополая панама с алыми маками давала спасительную тень. Просёлочная дорога ныряла в высокие, по пояс, заросли ромашек. Звонко пели птицы.

– Идём?

– Идём!

Дорожная пыль забиралась в балетки и липла к ногам.

– Ты ноги сотрёшь, – осторожно напомнила Лидуся. – И снова неделю проваляешься в постели.

– Прекрати! Ты брюзжишь, как самая настоящая старуха!

– А я и есть старуха. Причём самая настоящая.

– Глупости! Сегодня ты просто Лидуся!

К полудню дорога привела Лидию Михайловну в уютный, словно домашний коврик, посёлочек. В маленьком парке было людно, играла музыка, ребягтя кружилась на карусели.

– Хочешь мороженого? – Лидия Михайловна скрывала усталость.

– Хочу!

Ну наконец-то можно было присесть на скамеечку, вытянуть ноющие ноги и с наслаждением развернуть прохладную фольгу эскимо.

– А сколько тебе тогда было?

– Когда?

– Когда на фронт уходила. Шестнадцать?

– Я себе год приписала, соврала... И то не хотели брать, говорили, мало...

– А что ты сильнее всего запомнила тогда?

– Как безутешно плакала моя мама... Она вцепилась в меня руками и беззвучно шептала «Доченька моя»... А я повторяла одно: «Мамочка! Я обязательно вернусь».

– Но ты же вернулась! Выполнила своё обещание. И без единой царапины за всю войну, между прочим!

– Ну, вспомнила... Просто повезло.

– Да, вспомнила! Война – дело нешуточное. А вот ты что вспомнишь?

– Как горько плакала моя мама... Она сжала меня в объятиях и долго не отпускала. И всё время повторяла: «Лидуся! Девочка моя! Живая!» А её слёзы капали мне на макушку и были такими горячими...

– Ладно. Хватит воспоминаний.

Лидия Михайловна доела мороженое и оглянулась. Неподалёку раскинул купол пёстрый шатёр с табличкой «Тир» над входом.

– Зайдём?

– Баловство. – Лидуся пожала плечами.

– Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять! Пошли, старая ты развалина!

Под куполом было жарко. Лидия Михайловна встала в сторонке. За стойкой молодой парень в камуфляже и с тонкой повязкой на лбу, как у модного героя Рэмбо, раздавал патроны.

Ватага деревенских мальчишек с оттопыренными, обгоревшими на солнце ушами, получив заветные патроны, выстроилась у стойки. Застрекотали затворы, запахло порохом.

– Лидуся! – побледневшими губами шепнула Лидия Михайловна. – Сколько их было тогда, в самый первый раз?

– Пятеро. «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять...»

– Эх, ты! Мазила!

Знакомый мальчик с парохода упрямо закусил губу. Лицо его было сосредоточенным.

– Куда тебе! Малявка! Нос утри! – с досадой подначивали его деревенские стрелки.

Выиграв двух плюшевых мишек, они разочарованно шарили по карманам, пересчитывая оставшиеся монеты. А главный приз – настоящий полевой бинокль – оставался недосыгаемым.

Мальчик с парохода, зажав в потном кулаке монетку, подошёл к стойке.

– Тут только на один патрон, – улыбнулся парень в камуфляже. – Мамка не заругает?

Мальчик положил монетку на стойку и взял патрон. Винтовка дрожала в его руках, а щека липла к прикладу.

– На цыпочки встань! – загоготали деревенские мальчишки. – Пиф-паф! Ой-ой-ой!

Лидия Михайловна подошла к мальчику и осторожно отвела винтовку в сторону:

– погоди, малыш. Скажи мне, зачем тебе полевой бинокль?

– Деду подарю. – По щекам мальчика текли слёзы.

– Деду?

– Да. Он обещал, что выиграет этот бинокль для меня.

– Обещал? И что же?

– Он не может, – мальчик всхлипнул. – Я сам!

– Пстой, пстой. – Лидия Михайловна достала носовой платок и вытерла крупные горошины слёз, что катились по его щекам. – Я правильно тебя поняла? Ты хочешь выиграть бинокль для своего дедушки?

– Да, – мальчик кивнул. – Но у меня, наверное, ничего не выйдет...

– Выйдет! Обещания надо выполнять. – Лидия Михайловна решительно встала у стойки. – Ты разрешишь?

Мальчик удивлённо взглянул на маленькую, худенькую и совсем седую старушку в белой, с красными маками панаме.

– Вот, держи. – Лидия Михайловна протянула ему монетку. – Это тебе за патрон.

Винтовка на деле оказалась легче, чем выглядела. Лидия Михайловна щёлкнула затвором, зарядив патрон. Ватага лопоухих мальчишек притихла, а парень в камуфляже вышел из-за стойки.

Лидия Михайловна рывком сняла с головы панаму и внимательно взглянула на мишень сквозь прицел.

– Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять...

* * *

Батальон застрял намертво у этой дороги. До заветной цели было рукой подать – не больше трёх километров. Но уже вторая группа разведчиков возвращалась с потерями. Опытные стрелки сутками следили за дорогой, но немецкий снайпер был неуловим.

Лидуся приехала в часть поздно вечером. Маленькая, худенькая, с пригоршней веснушек на носу. Она сидела за столом, угнетала за обе щеки гречневую кашу, запивая её обжигающе горячим чаем, и слушала разочарованный голос командира, который басил в телефонную трубку:

– Ты что?! Не понимаешь, что ли? У меня люди каждый день гибнут на этой чёртовой дороге! Я у тебя снайпера просил, а не школьницу!

Но трубка что-то монотонно булькала в ответ, не соглашаясь с полевым командиром. Лидуся уже привыкла к такой реакции, поэтому спокойно закончила ужин, вышла из-за стола и обратилась к расстроенному командиру:

– Разрешите приступить к заданию, товарищ командир?

– Может, сначала поспишь?

– Нет, товарищ командир, после войны отоспимся. – Огромный маскхалат был для неё что палатка. Она укуталась в него с головой и взяла винтовку.

– Эх ты, охотник, – печально вздохнул командир. – Пиф-паф, ой-ой-ой... Тебя хоть как звать-то, пигалица?

– Лидуся.

Ночь выдалась сырой и холодной. Но девочка с веснушками сломила её своим упрямством. До самого рассвета она просидела в укрытии, не шевелясь и почти не дыша. Сон накатывал, делая тяжёлыми веки, но она гнала его, напряжённо вслушиваясь в тишину. Вдруг посторонний металлический звук ворвался в предрассветные сумерки осторожным щелчком затвора. Одними глазами Лидуся проследила его путь: у старой берёзы шевельнулись ветки. «Ветра нет, а они качаются». Глухой выдох сдерживаемого кашля подтвердил догадку. «Попался, голубчик! Теперь не уйдёшь!» Бесшумно склонила винтовку и снова замерла. Неожиданно слева от берёзы тоже шевельнулись ветки. «Да ты не один, дружок! Ну-ка, дайте-ка я вас сосчитаю!»

Разведчики осторожно двинулись по дороге, и в тот же миг среди веток берёзы блеснул холодный ствол! Но Лидуся была первой – немецкий снайпер упал на дорогу, широко раскинув руки. Рядом с ним лёг и второй.

– Ай да пигалица! – Лицо командира сияло от радости. – Ай да Лидуся! Сейчас мы вмиг до колокольни дойдём!

– Нет, товарищ командир, не торопитесь. – Лидуся снова забралась в маскхалат. – Это ещё не всё...

Пятерых стрелков противника за две ночи уложила на просёлочную дорогу маленькая хрупкая девчонка с горстью веснушек на носу. Немцы отступили.

– Спасибо тебе, дочка! – Командир долго тряс её руку, а по его колючей щеке вдруг скатилась слеза и запуталась в ершистой щетине. Но кроме Лидуси её никто не заметил.

Солдаты смеялись, шутили и наперебой рассказывали Лидусе смешной детский стишок:

– Раз-два-три-четыре-пять,
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет!

Потом Лидуся уехала в другую часть. Сколько их было, таких поездок? Теперь и не вспомнишь... Помнился только первый вальс в Будапеште... Сильные Петькины руки кружили её над разбитым городом, и было так хорошо, что словно вдруг не стало вокруг этой проклятой войны, а она изо всех сил мчалась по дороге к своему дому...

* * *

Лидуся медленно взвела курок. Потом был громкий щелчок выстрела, а за ним – оглушительная тишина под куполом тира.

– Держи бинокль, малыш, – Лидия Михайловна устало улыбнулась. – Он твой по праву. Обещания надо выполнять.

Парень в камуфляже догадался притащить охапку белых ромашек и склонил голову перед седой старушкой в белой панаме с алыми маками.

– А что твой дед? Познакомь меня с ним, – Лидуся старательно скрывала волнение.

Мальчик молча кивнул и взял её за руку.

...Во дворе дома, под старой липой, стоял гроб, обитый тёмно-коричневым плюшем. А старик, что лежал в нём, силился улыбнуться плотно сжатыми губами. Во дворе было много цветов.

– Это и есть твой дедушка, малыш? – Лидия Михайловна побледнела.

– Это мой прадедушка. – Мальчик снял с шеи бинокль и хотел было положить его в ноги усопшему, но Лидия Михайловна остановила его:

– погоди. Это тебе подарок. От деда. А у меня для него есть кое-что другое... Обещания надо выполнять...

Она подошла к гробу:

– Ну, здравствуй, солдат. Какой ты красивый сегодня. При полном параде. – Лидуся коснулась пальцами ткани на рукаве. – Тебе идёт. Ты сдержал своё слово, солдат, – встретил меня в новом костюме и с цветами. Вон их сколько вокруг! Целое море! Я кое-что тебе обещала...

Лидия Михайловна положила на тюлевое покрывало охапку ромашек из тира и раскрыла сумочку:

– Вот, солдат. – Она вытащила из сумки кисет с вышивкой. По зелёному полю, высоко поднимая ноги, гордо шагал красный петух. – Это значит, что для тебя война наконец закончилась. Там ещё есть немного махорки. Что? Ты не куришь? Молодец. Ну, угостишь кого-нибудь при случае... Прощай, солдат. Вечная тебе память...

Она повернулась и тихонько пошла к калитке.

– Кто это, сынок? – шептали за её спиной.

– Это – Лидуся! – звонко ответил мальчик.

* * *

Лидия Михайловна едва передвигала ноги, силясь добраться наконец до постели.

– Что ты натворила, старая развалина? – Лидуся в зеркале негодовала. – Ты отдала кисет совершенно незнакомому человеку! Это же был не Пётр! Это совсем другой солдат! Ты даже не знаешь, как его зовут!

– Глупая ты старуха! – огрызнулась Лидия Михайловна. – Тот – не тот... Какая теперь разница? Главное – он тоже солдат. Надо выполнять свои обещания, Лидуся.

– Верно, – примирительно отозвалось зеркало. – Мы с тобой могли и не попасть на этот пароход, у нас совсем мало времени... Очень болит?

– Нет, сносно. – Лидия Михайловна потирала ноющие колени. – Спокойной ночи, страшилице!

– Спокойной ночи, Лидуся!

Ольга ЛУЦЕНКО,
г. Архангельск

ЗАМОК ЛЮБВИ

РАССКАЗ

В здании суда, в комнате для заседаний, находилось человек десять. Некоторые из них были завсегдатаями слушаний судебных процессов. Они приходили сюда, как в театр. По сути, они были правы: каждое рассматриваемое здесь дело – это небольшой спектакль. Только если в театре автор и режиссёр-постановщик находятся за кулисами, то здесь они же выступают в роли актёров, и только от них зависит конец спектакля – содержание приговора.

Впереди в инвалидной коляске сидел молодой парень с седой прядью в пышной русой шевелюре. Его ноги были неподвижны, а руки нервно комкали лист бумаги. Рядом с ним стоял мальчуган лет восьми-девяти. Он то и дело прикасался к руке отца, как бы пытаясь его успокоить. Недалеко от них в первом ряду сидела красивая молодая женщина. Её белокурые волосы были модно уложены и очень эффектно оттеняли голубые глаза и бело-розовое лицо с умело на-

ложенным умеренным макияжем. Она была дорого и модно одета, и весь её пышущий здоровьем вид говорил о благополучии и уверенности. Она посмотрела на мальчика и недовольно произнесла:

– Димка, я кому сказала, иди ко мне!

Мальчик сделал вид, что не слышит её, только крепче ухватился за руку отца.

В комнату вошла молоденькая секретарша и произнесла традиционные слова: «Встать, суд идёт!» Вошли трое: женщина-судья и два заседателя-мужчины. Судья раскрыла папку и стала читать:

– Слушается дело о разводе гражданки Бочаровой Ларисы Андреевны с гражданином Бочаровым Виктором Васильевичем.

В заявлении гражданки Бочаровой Л. А. говорится, что её муж Бочаров В. В. после возвращения из госпиталя стал пить, хулиганить, пропивает всю пенсию. Это так, гражданин Бочаров?

Виктор сидел, низко опустив голову, не зная, что ответить. В это время мальчик отпустил руку отца, шагнул вперёд и громко крикнул:

– Это неправда! Папа не пьёт вино, он его не любит. Я ему покупаю только молоко.

Судья обратилась к мальчику:

– Ты сам ходишь в магазин? А мама не ходит?

– Я сам хожу. Она с нами не живёт.

– Да, да, я не живу там, – резко крикнула Лариса. Лицо её покраснело, перекопилось, и вся её привлекательность исчезла, она продолжала говорить со злобой в голосе: – Как можно жить в этом клоповнике, в этом гадюшнике с общей кухней, общим сортиром? Я что, с горшком по коридору должна ходить? Всем дают квартиры, только этот хлюпик, слюнтяй, размазня не может ничего добиться. Я, между прочим, выходила замуж за здорового офицера, и этим всё сказано.

Мужчины-заседатели переглянулись между собой, осуждающе покачали головами.

– Вы работаете, Лариса Андреевна? – обратилась к ней судья.

– Нет, не работаю. А почему я должна работать? Меня муж должен содержать. Или я не достойна этого? – Она игриво повела плечами, гордо тряхнула головой, показывая всю свою привлекательность.

– У вас есть другой мужчина? – Судья нахмурила брови. Это было пятое слушание, и у неё начинала болеть голова. Хотелось быстрее закончить дело и чуть-чуть отдохнуть.

– Конечно. Я выхожу за него замуж. – Ларису удивило, как её не может понять эта мужланка, эта затюканная баба.

Виктор посмотрел умоляющим взглядом на судью и еле слышно произнёс:

– Товарищ судья, я же согласен на развод, зачем тянуть время? Только сына оставьте со мной. Он ей совсем не нужен. Она месяц не видела его и даже не спросила, как он, не болел ли. А он, а он...

– Не надо, папа! – Мальчик зажал ладошкой губы отца. – Не надо, она не поймёт.

Неожиданно за их спинами раздался взволнованный женский голос:

– Товарищ судья, я лечащий врач Димы – Мальцева Любовь Николаевна. Мальчик очень тяжело болел, и мне первое время приходилось дежурить возле него, так как он категорически отказался лечь в больницу – не хотел оставлять одного отца, у которого в тот момент не было не только коляски, но и протезы были не готовы.

Я уверяю вас, что в течение месяца эта женщина, – она показала рукой на Бочарову, – эта женщина только один раз зашла к ним, и то только затем, чтобы забрать полученную пенсию Виктора Васильевича. Им она оставила одну десятую от неё, и Виктор Васильевич вынужден был продавать все свои вещи, чтобы прокормиться. Я прошу вас и даже требую, чтобы ребёнка оставили с отцом. Они не могут жить друг без друга – это одно целое. – Любовь Николаевна говорила громко, взволнованно. Её волнистые от природы русые волосы упали на лоб, щёки от волнения были пунцовыми, отчего она казалась совсем юной. Вдруг её голос дрогнул, стал тише: – Я знаю, что вы принимаете решения согласно законам, но ведь они бывают несовершеннолетними, правда?! По закону инвалид первой группы, если он один, не может воспитывать ребёнка. Если это так, то я прямо сейчас согласна расписаться с Виктором Васильевичем. – Она повернулась к нему и смущённо, но решительно произнесла: – Вы не волнуйтесь, как только вы встретите женщину, которую полюбите, то я сразу уйду и дам вам развод.

Виктор ещё ниже опустил голову, лицо его стало малинового цвета. Он, запинаясь, проговорил:

– Я... Я уже... Я согласен.

Судья нервно бросила ручку на стол, встала.

– Вы заблуждаетесь... – хрипло произнесла она, откашлялась. – По тому закону нельзя усыновлять, а здесь это не требуется. – Она хотела произнести традиционное: «Суд удаляется на совещание», но в этот момент с последнего ряда громко крикнули: «Подождите!» – и по проходу побежал молодой, лет тридцати, чернобровый мужчина со смоляными воло-

сами, одетый во всё кожаное с многочисленными пряжками и молниями. Он опустился на колени перед Виктором и протянул ему ключи:

– Прошу тебя, прости, я ничего о тебе не знал. Это ключи от коттеджа, который я строил как замок любви. Я хотел вручить их своей сказочной фее. Но сказка закончилась, мой замок разрушился. А тебе он будет в самый раз. Мы там всё оборудуем как надо. Вторые ключи от машины – она тебе необходима. Вечером я вас перевезу. – Он встал и выбежал из комнаты. Лариса заспешила вслед за ним.

ЭПИЛОГ

По центральной улице города шли два капитана в парадной форме ВДВ. У молодого голубой берет был лихо сдвинут почти на самую макушку, и только пышная копна русых волнистых волос удерживала его. У второго, седого капитана лет пятидесяти, берет был чуть-чуть сдвинут набок. Капитан немного прихрамывал, но это было еле-еле заметно. Оба радостно улыбались и что-то весело обсуждали. Они шли из парка, где ежегодно отмечался праздник Воздушно-десантных войск и проходили встречи всех служивших в этих войсках.

Не доезжая до них, у бровки тротуара остановилась машина с шашечками, из которой выпрыгнули две девочки-двойняшки лет десяти, подбежали к седому капитану и радостно закричали, перебивая друг друга:

– Папа, мы их встретили!

– Папочка, они оба тут!

Молодой капитан уже был у машины и обнимал лейтенанта в новенькой парадной форме и курсанта.

Отец подошёл к этому живому клубку, и лейтенант вытянулся в струнку перед ним и шутливо отрапортовал:

– Товарищ капитан, разрешите доложить: новоиспечённый лейтенант прибыл в отпуск!

– Ну-ка, ну-ка, покажись, каков ты. – Он радостно, немного смущённо, с нежностью и гордостью смотрел на лейтенанта, а потом перевёл взгляд на курсанта, стоявшего рядом, толкнул его в бок и, смеясь, сказал:

– Ну что, завидуешь? Ничего, через год и ты закончишь.

Вышедшая из машины женщина, вся сияющая от счастья, подошла к молодому капитану, прижалась к нему и тихо прошептала:

– Димуля, сынок, какая радость-то – все вместе собрались.

Виктор Васильевич – а это был он – повернулся к ним и, ласково глядя на Любовь Николаевну, смущённо произнес:

– Любушка, а я за этой гвардией и не заметил тебя. Ты посмотри – каковы орлы, а?!

Молодёжь вытащила из машины чемоданы, и они все, весело переговариваясь, сели в подошедший автобус.

А рядом с магазином, возле которого произошла эта встреча, стояла белокурая потрёпанная женщина с одутловатым лицом. Она одной рукой держалась за стену, а другой вытирала бежавшие по лицу слёзы и что-то говорила, показывая в их сторону. К ней подошёл небритый шатающийся мужчина с бутылкой дешёвого вина, и она радостно заулыбалась и неверной, вихляющей походкой засеменила за ним за угол магазина, где стояли пустые винные ящики.

Зинаида КОРОЛЁВА

Тамбов, 1998 год

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Когда предутренняя дымка уже рассеялась, а первые солнечные лучи коснулись ярко-красных кистей рябины, на порог просторного, окрашенного в зелёный цвет деревянного дома вышел невысокий широкоплечий мужчина. Он слегка ёжился от утреннего холода и, прищурившись от солнечных лучей, бьющих в лицо, с удовольствием стал слушать прощальные песни скворцов, усевшихся на телевизионной антенне.

– Эх, как же дышится сегодня-я-я! Видать, день удачным будет! – потянувшись, сказал мужчина и стал застёгивать пуговицы на своей потёртой, изрядно пропахшей бензином куртке. У калитки он задержался и, покосившись в сторону соседнего дома, вдруг громко прокричал: – Здравсьте, Марья Семёна! Вот он я! Живой ещё!!! Ага! – И, сняв кепку, низко поклонился старушке, смотрящей на него из окна.

Соседка Сергея Петровича Коновалова была дамой одинокой и любопытной. А потому ну никак не могла она пропустить сегодня, как, впрочем, и всегда, такое событие, как

уход «любимого и глубокоуважаемого соседа» из дома на работу. Так что по утрам, помимо уже привычных Коновалову скворцов на телевизионной антенне, он непременно видел и Марию Семёновну, уже бодрствующую, несмотря на столь ранний час.

На приветствие соседа пожилая женщина всегда реагировала одинаково: застенчиво кивала головой, словно извиняясь за то, что, мол, как бы невзначай попался он, Коновалов, ей в этот момент, а потом задёргивала шторы.

Вот уже добрый десяток лет Коновалов работал водителем такси. Его профессионализм был, как говорится, налицо: машину всегда вёл легко и уверенно. Поэтому, как у любого аса в своей профессии, имелись у нашего героя и постоянные клиенты: с удовольствием пользовались его услугами знакомые, родственники и малоизвестные Коновалову люди, наслышанные о его широкой душе. Никогда Сергей Петрович не отказывал в помощи: то престарелого дедушку довозил до поликлиники, а то и отставшего от поезда пассажира-зеваку до соседней станции. Кро-

ме того, была в нём ещё одна особенность – словоохотливость. Да и пассажиры все как один попадались разговорчивые. Бывало, начнут изливать душу, словно врачу-психиатру, совета спрашивать, мол, рассуди, как быть... Правду сказать, Сергей Петрович и сам любил делиться отдельными моментами своей жизни. За полчаса поездки мог рассказать всё: от рождения до женитьбы, от походов за грибами в лес до участия в митингах протеста.

Этим утром Коновалов не успел ещё завести свою машину с чёрными шашечками на двери, как зашипела рация и приятный женский голос произнёс:

– Доброе утро, Сергей Петрович! Примите вызов, улица Кленовая...

– Вот и поехали! Поехали, родная! – ласково сказал он своей машине, словно живому существу.

...Впереди уже виднелось высотное здание по улице Кленовой, где должен был ждать Коновалова клиент. Постройка, предназначенная под офисы и конторы, была современного вида и заметно выделялась на фоне других городских зданий. Шофёр притормозил прямо у ступенек. Однако клиента не было видно. У конторы – ни души.

Сергей Петрович не спеша закурил. Пристально поглядывая то на входную дверь, то на всё здание сразу, стал рассуждать:

– Да! Внушительно! Впечатлительно! Это ж сколько людей здесь работает?! Поди, тыща будет! И чем только они тут занимаются? Неужто работы на всех хватает? А в телевизоре всё время про кризис талдычат, про безработицу!

Коновалов пожал плечами. В этот момент по широким каменным ступенькам, торопясь, к нему направлялся представительного вида молодой мужчина в длинном кожаном пальто и с кейсом в руках. Шаг его сменялся бегом. Мускулы на лице дрожали, было заметно, что он нервничает. Небрежно развязав и скомкав галстук, мужчина спрятал его в карман пальто, а затем быстро открыл дверь автомобиля.

– Поехали! Поехали, шеф! Поскорее! – охрипшим голосом произнёс он.

– Поехать-то поедем, – докуривая сигарету, ответил Сергей Петрович. – Только куда?

– А куда-нибудь! Хоть на Северный полюс, – расстёгивая верхнюю пуговицу на белоснежной рубашке, ворот которой туго сдавил шею, облегчённо вздохнул тот. – Лишь бы с глаз долой отсюда и поскорее...

Коновалову пассажир показался чересчур уж странным. Однако машину с места стронул. И чем дальше несло такси по городским улочкам, вьющимся словно серпантин, тем больше не по себе становилось Сергею Петровичу.

«Что за пассажир такой достался... странный... Больно странен... Да уж, странный парень... маршрут выбрал “в никуда”... – путались в голове мысли. – Точно! Преступник!!! Ей-Богу, преступник!..»

И, недолго думая, таксист свернул на соседнюю улицу, где до отделения милиции было подать рукой.

– Парень, ты, часом, не вор? – найдя в себе смелость, спросил Коновалов пассажира. – Вот, гляди: и пальто у тебя длинное – для конспирации, так сказать, и галстук вон снял и спрятал, чтоб приметы скрыть. А чемодан-то, небось, деньгами крадеными набит? Вон как раздулся! Много взял-то?

– Я?! – Глаза пассажира блеснули. Растерянность, раздражённость в них сменились на добродушие. Хмурое лицо вытянулось, и пассажир захохотал: – Я?! Деньги! Ха-ха! Вор!!! Ха-ха-ха! Да уж, папаша, рассмешил! Да уж! А вообще-то ты прав: я – вор, только вор, которого обокрали. Да ещё и с работы выгнали, в связи с сокращением штатов. Кризис! Притормози-ка во-о-он там, у парка, а то и впрямь до милиции меня доставишь.

Коновалов от услышанного немного смутился, на щеках его выступил румянец: неловко стало оттого, что задумка его насчёт милиции так легко была разгадана незнакомцем.

Такси остановилось возле парка. Красные гроздья рябины светились насквозь от ярких солнечных лучей. Деревья сбрасывали с себя последние листья, и ветер, подхватывающий их с асфальтовых дорожек, нёс этот разно-

цветный карнавал прямо к пруду, чтобы бросить на тихую и потемневшую водную гладь.

– Красиво, правда? – спросил незнакомец Коновалова, смотря на своё отражение в пруду. – Красиво... и невыносимо!.. Невыносимо больно. Может, утопиться? С горя, а? Жить-то незачем. Нет больше Зверева... Ах да! Прости, папаша, забыл представиться. Игорь Васильевич Зверев, заместитель генерального директора фирмы... Впрочем, это неважно... Да и заместитель я теперь уже бывший...

Зверев разочарованно махнул рукой, присев на корявый пенёк, что торчал неподалёку из земли. Выглядел он обессиленным и уставшим.

– Э, браток, постой! – встревожился было Коновалов. – Топиться он, видите ли, задумал! Во-первых, это уж без меня, пожалуйста. А во-вторых, ответь-ка, что всё-таки у тебя в чемодане?

Для большего устрашения Петрович нахмурил брови и уставился на собеседника, который в это время разглядывал резной дубовый лист. Зверев казался отстранённым и задумчивым. По взгляду было понятно, что не интересовали его ни формы, ни краски осеннего листа, а что-то своё, то, о чём он размышлял сейчас. Услышав вопрос таксиста, молодой человек отбросил листок в сторону и нервно ответил:

– Вот деревня! «Чемодан»! Да не чемодан, а кейс! А в нём мои труды, наброски и планы по перспективному развитию фирмы. Конечно, те бумаги, которые удалось вернуть. Остальные украдены и присвоены другим человеком – моим боссом. Да о чём это я?! Кому теперь это нужно?! – Зверев снова потух, как перегоревшая лампа.

– Значит, не деньги, – удовлетворённо и с некоторым облегчением заключил Сергей Петрович. – Это хорошо, просто замечательно. А то я тут ненароком подумал бог знает чего... – Он снова закурил. – Значит, не воровал?.. Ке-е-ейс, – произнёс Коновалов протяжно, вдумываясь в каждый звук. – Ну кейс! Я, знаешь ли, не шибко грамотен. В деревне родился, почти всю жизнь прожил в деревне. Это вот последние годы – в городе. Так что,

парень, говорю тебе, не знаток я новых слов. Разговариваю, как умею, – продолжал Коновалов, оправдываясь. – Я же не академик какой-нибудь. На кой мне слова непонятные... А ты насчёт топиться не передумал?

– Нет! – твёрдо ответил ему Зверев. – Зачем жить? Нет больше Игоря Васильевича Зверева! Растоптали!

И вдруг протянул к Петровичу руку, указывая на сигарету: мол, дай закурить.

– Как же нет? – недоумевал Коновалов и, достав из кармана пачку сигарет, подал её собеседнику. – Вот же ты – передо мною. Молодой, красивый, представительный. Подумаешь, не «заместитель» он теперь. И чего? Рук, что ли, нет? Или голову потерял? Давай устрою тебя к нам в таксисты. Права-то есть?

– Ты что, издеваешься, папаша? – недовольно отрезал тот. – Я? И в таксисты? Нет! Лучше утопиться!

– Ах так!!! Так... так... Тогда я тебе больше скажу! Дурак ты, Игорь Васильевич Зверев! Дурак! – Коновалов начал шагать то вперёд, то назад, то обходя Зверева вокруг, вертась, словно юла. – Заместитель дурака ты, а не генерального директора! Разве жизнь наша – это «кейсы», чёрт их побери?! Ну не было у меня в жизни ни кейсов, ни должностей, а только дорога. А я, знаешь ли, вполне счастливый человек. Бывало, едешь мимо многочисленных скирд на полях, глядишь на пожелтевшие луга, на чёрную пашню и вспоминаешь, как когда-то, ребёнком, скот на этих лугах пас, ходил за конным плугом, скирдовал солому... Да мало ли других дел пришлось переделать за мои годы. Теперь вот людей вожу по улицам городским. Не носил я белых рубашек и галстуков, а всё равно – я счастлив. Счастлив, что живой, здоровый, зарплата есть, пусть маленькая, да на хлеб хватает.

Коновалов разнервничался, снял кепку и утер ею пот, обильно выступивший на лице.

– Счастье, Игорь Васильевич, оно не от должностей идёт, а изнутри, вот отсюда, – и ударил себя кулаком в грудь. – Где бы ты ни был, кем бы ты ни был, важно, чтобы труд твой людям был нужен. А значит, и ты. Ух!!! Вот это я разошёлся! Вот это меня прорвало!..

А у вас, у интеллигентов, грамотеев, что? Ное-те, ноете: всем недовольны, всё не так, выкрутасов всяких подавай... Галстук-то подбери, вывалился вон из кармана.

Зверев слушал внимательно. Переосмысливая, прокручивая в голове то, о чём говорил ему Сергей Петрович. Во многом с Коноваловым он соглашался, поддакивал. Петрович же всё никак не мог уговорить. Юлой вертелся вокруг Зверева, по-прежнему сидящего на пне. Наконец остановился и пнул ногой по пню. Трухлявый пенёк затрещал, захрустел, и... Зверев оказался на земле.

– Это самое, да чего я тут с тобой нянькаюсь? – взбунтовался Коновалов. – Прекращай давай! А то ща-а-ас ремень сниму да и отделаю как следует. Сидай в машину, домой повезу!

Сидя на холодной земле, выпучив глаза, словно напуганный ребёнок, Зверев ничего не понимал: ни того, как он оказался на земле, ни того, какое право имеет этот шоферюга кричать и топтать на него ногами. Наконец он пришёл к себе, о чём-то подумал, посчитал по пальцам и, осенённый внезапной мыслью, крикнул:

– А знаешь, ты прав, папаша! Чёрт с ними, с украденными бумагами. У меня ведь ещё столько наработок есть – по маркетингу и менеджменту... по вопросам стимулирования продаж, пролонгированию договоров... перспективная работа... на десятилетия. Возьму да и открою своё предприятие. А что?! Сегодня вон государство безработным на эти цели субсидии выделяет!

– Ты, это, иностранными словами не выражайся, – стушевался Петрович и вновь командовал. – Сидай в машину!

...Коновалов доставил Игоря Васильевича до подъезда пятиэтажного дома. Зверев завязал помятый галстук, стряхнул с него сухую листву, пригладил растрёпанные волосы, глядя в зеркало машины.

– Ну, держи пять, папаша, – протянул руку. – И спасибо тебе за всё! Это вот за проезд, хватит?

Коновалов ответил на рукопожатие.

– Хватит. Только благодарить меня не за что, утопленничек несостоявшийся!

Оба улыбнулись, и Зверев вышел из машины. Не успел он сделать и нескольких шагов, как Коновалов задержал его, приоткрыв дверцу автомобиля:

– Слышь, Зверев Игорь Васильевич, директор предприятия, никогда не отчаивайся и от работы не отказывайся, пусть и невысока она бывает. Да! Чемодан свой забери! Забыл вон на сиденье.

Петрович бросил Игорю кейс. На лице Зверева вновь появилась улыбка, и он в знак согласия кивнул головой.

...Сергей Петрович в тот день работал до самого вечера. Доставил до места назначения с десятком пассажиров и с чувством выполненного долга возвращался домой.

Подъехав к невысокому забору, он заглушил мотор, вышел из машины, хлопнув дверцей, как будто намеренно, грохотом привлекая к себе внимание, и быстрыми шагами направился по узенькой цементной дорожке. Его переполняли радость и удовлетворение от сегодняшнего дня. Пританцовывая на месте, он повернул ключ в замочной скважине и с таким же грохотом закрыл за собой дверь. Но спустя мгновение из двери снова показалась сначала его правая рука с засаленной кепкой, затем и он сам:

– Ах, чуть не забыл! Марья Семённа, моё почтение! Вернулся я! Целым и невредимым! Отметьте меня в своём табеле!

Мария Семёновна, как всегда, сделала ангельское личико, извиняясь, кивнула головой и задернула шторы.

– Вот, теперь всё! – облегчённо вздохнул Коновалов. – Можно и отдохнуть, сил набраться, понадобятся ещё. А то ведь много их, чудачков-то на белом свете, чудачков с чемоданами... Тьфу ты! С кейсами...

Марина ЕЛЮТИНА

ТАБЛИЦА МЕНДЕЛЕЕВА

РАССКАЗ

«Дни поздней осени бранят обыкновенно...» Журналист на пенсии Сергей Павлович Тарабрин сидел в кафе «Нива», смотрел в широкое мутное окно и вспоминал эти слова великого поэта... И правда, мало хорошего в том, что дует холодный северный ветер, гонит по тротуару опавшую грязную листву, иногда прорывается мелкий колючий дождь, люди бегут, подняв воротники, мамы прижимают к бедру уже по-зимнему одетых детей...

В кафе накурено, наплёвано, от распаренных мужиков, не снявших намокшей верхней одежды, идёт нездоровый дух. Это самое затрапезное кафе в городе. Но зато здесь всё просто и дешево. Положив голову на стол, можно даже вздремнуть. И вот именно здесь Сергей Павлович чувствовал себя отрешённым от мира. Бедность и забвение растворялись в дымном воздухе. На какое-то время он

забыл даже о том, что у него промокла левая нога. Всё собирался зайти к сапожнику починить башмаки, да лень-матушка мешала. Купить же новые пока не было возможности. Однако сегодня, кажется, фортуна повернулась к нему лицом, о нём вспомнили, выдержали из забвения...

...Утром раздался телефонный звонок. Сергей Павлович сначала вздрогнул, а затем долго не брал трубку телефона, который, казалось, уже разучился звонить. Кто вспомнил о нём, давно отошедшем от дел, растерявшем друзей и даже врагов? Оказывается, звонили из предвыборного штаба банкира Мацнева, который баллотировался в Государственную Думу. Сергей Павлович слышал о нём неоднократно, но никогда не встречался лично. Это был деятель уже новой плеяды. Да и кто в городе не слышал о крутом мафиози Мацневе?

Начинал с небольшого подвального пивного бара на рынке, затем прибрал к рукам весь рынок, а вскоре уже стоя его головорезов рыскала по всей области, скупая по бросовым ценам мясо. Там же, на рынке, ставшем его вотчиной, открыл мясной цех, дело было поставлено на поток. Не успели лысогогорцы очухаться, как половина области оказалась в его руках, в том числе и «Сельхозбанк».

Час назад они встретились. Собрался весь штаб: пиарщики, журналисты всех мастей и ещё масса народа, совсем незнакомые для Тарабрина люди. Сам новоявленный магнат появился перед ними не более чем на пять минут. Просто так, для знакомства. Ему лет сорок, может, чуть больше. Его лицо то ли Тарабрин видел ранее, то ли оно кого-то напоминало. Всмотриваться было неловко. Когда совещание закончилось, начальник предвыборного штаба отставной полковник Чернышов сказал:

– Все свободны. Сергей Павлович, вас прошу задержаться. – И когда все ушли, пояснил: – С вами хочет побеседовать Юрий Антонович.

У Тарабрина чуть не сорвалось: «А кто это такой?» – но он вовремя сообразил, что это и есть не кто иной, как сам Мацнев.

Они вступили в богато обставленную приёмную, на роскошном ковре стоял великолепный стол, за ним сидела, как мраморное изваяние, наипрекраснейшая из всех прекрасных секретарша, которая ослепила его блеском зубов и уничтожила своим взглядом. Тарабрин подумал, что она увидела дырку в его башмаке, хотя он точно знал, что дырку увидеть невозможно, она ещё не настолько велика.

А кабинет местного олигарха был на удивление невелик. Да, конечно, мебель из настоящего дерева, бронзы и кожи, в хрустальной вазе живые цветы... Олигарх курил ароматную сигарету и предложил кивком Сергею Павловичу, но тот отрицательно потряс головой, он действительно не курил. Мацнев движением ладони отослал отставного полковника, долго бесцеремонно смотрел на Тарабрина.

– Сергей Павлович, – наконец произнёс он медленно. – Вам придётся работать много. Мне некогда писать пространные речи. А народ наш, сами понимаете, привык к словоблудию. Особенно сейчас... Демократия, консенсус, – с иронией произнёс он. – Какая демократия может быть, когда народ бедствует? Когда я могу уволить любого сотрудника без объяснений. Оттрахать любую сотрудницу, и она почтёт это за счастье.

– Так уж и любую? – усмехнулся Тарабрин. Магнат начал вызывать у него раздражение. Молодой самоуверенный бандит со стальным взглядом. Ну да, на нём итальянские туфли из настоящей кожи. Что с того? Это ещё не даёт право считать себя...

– Да, я утрирую, – перебил его мысль хозяин кабинета. – Я говорю не о себе, а вообще... Вот вы и используйте такие идеи в своих, то есть в моих, речах: то, как ведут себя многие власть имущие, нехарактерно для меня. Понимаете? – В глазах олигарха таилась насмешка.

Тарабрин хотел как-то съязвить, но вдруг почувствовал, что подошва на башмаке совсем отстала и на палец засквозило. На новую обувь денег нет, холодильник пуст. Какая тут демократия, какая ирония!

– Я всё понимаю, Юрий Антонович! – хмуро согласился Тарабрин. – Готов приступить к работе.

– Действуйте! – напутствовал Мацнев и протянул руку.

...Такая вот встреча состоялась всего какой-то час назад. Сергей Павлович тяжело поднялся, подошёл к стойке, взял ещё водки и пива, вернулся на своё место.

Интереснейшая ситуация! Ему было... Нет, ему ещё не было тридцати, он был холост и учительствовал в небольшой сельской восьмилетке, не строил никаких далеко идущих планов, вполне удовлетворяясь работой, рыбалкой и любовью учительницы начальных классов Натальи Ивановны, которая была такой маленькой, весёлой и конопатой, что даже ученики звали её за глаза просто Наташей. Они встречались «скрытно», словно в деревне можно что-либо утаить. Тарабрин

снимал комнатку у полуглухой старушки, которой, конечно же, доставляло удовольствие рассказывать соседкам о своём постояльце и его подруге. Вся небольшая деревушка и учительский коллектив обсуждали, чем закончится эта канитель, когда же они наконец поженятся или, что ещё интереснее, разойдутся.

И вдруг неожиданно вызывают учителя истории Тарабрина в районный комитет партии. (Естественно, коммунистической партии, она тогда была одна.) Директор школы злобно ухмылялся: учитель истории Тарабрин на одном из последних совещаний агитаторов выскочил с критикой в адрес райкома партии, дескать, мало внимания уделяется быту животноводов. Красные уголки на фермах – сплошная фикция, никакие они не красные, а грязные кладовки, в которых понаставлено пустых бидонов и другой утвари. В общем, в зале стояла мёртвая тишина, все следили за тем, как наливаются шея первого секретаря, здоровенного мужика пудов на десять. Конечно, Тарабрин отдавал себе отчёт, что может последовать после такой критики, но он именно этого и добивался. Пусть увольняют, наконец-то он вырвется из этой глухомани. Давно бы уехал, да дернула его нелёгкая вступить в эту самую партию, теперь не отпускают, а если уедет самовольно, то напишут такую характеристику, что и на Камчатке ему места не найдётся.

И все же Тарабрин струхнул. Если бы пришёл приказ об увольнении – это одно дело, а когда надо явиться лично к Первому – это уже совсем другое.

Добирался он до райцентра на попутных грузовиках, и пока одолевал эти тридцать пыльных ухабистых километров, успел налиться злостью. Да ну их всех! Что ещё за начальники над ним выискались? С него достаточно одного директора школы, который почему-то решил, что Сергей Павлович метит на директорское место, потому что у него образование высшее, а у директора среднее педагогическое.

С решительным, жёстким настроением явился в райком Тарабрин. Зная привычку Первого материть провинившихся, он для

себя постановил: «Он мне мат, а я ему – два! Он кулаком по столу, а я – ногой в дверь!»

Каково же было удивление Тарабрина, когда его, в обход всех ожидавших приёма, сразу провели в кабинет и Первый встал из-за стола, протянул руку и по-доброму улыбнулся.

– Я с тобой полностью согласен, – без предисловий сказал Первый. – Много мы болтаем, а мало делаем и по-настоящему о людях не заботимся. Вот я и подумал... А почему бы тебе не взять на себя этот участок работы?

– Как это? – не понял Тарабрин.

– Очень просто: берём тебя в райком инструктором.

Тарабрин совсем растерялся. Хотел даже сглотнуть, сказать, что он не вещь какая, чтобы его куда-то брали. Всё же с ним следовало бы сначала посоветоваться, получить согласие...

Первый истолковал его растерянность по-своему, подошёл, отечески положил руку на плечо. Чувствуя тяжесть этой руки, Тарабрин уже и пикнуть не смел, а только что-то мычал...

– Справишься, Серёжа! Нам нужны свежие силы. Замшели мы тут со своими старыми кадрами.

– А как же школа? – пролепетал Тарабрин.

– Молодец, что о деле думаешь... Свято место пусто не бывает, – успокоил Первый Тарабрина. – Иди в отдел пропаганды. Там тебя ждут.

Невероятно быстро происходят повороты судьбы. Ну не вякни тогда на совещании – и сидеть бы Сергею Павловичу в своей Косорыловке до конца жизни, делать детей с Натальей Ивановной и копать в огороде.

Да, кстати, а как же быть с Наташей? Приехав в деревню уже в качестве работника райкома, Сергей Павлович, естественно, встретился со своей возлюбленной. Она плакала. Обильные слёзы текли вокруг её миленького носика, и она едва успевала вытирать их вышитым платочком.

– А я как же? Со мною-то что же будет? – всхлипывая, спрашивала она.

– Ну перестань, Натка. Вот устройсь с жильём и приеду, заберу тебя, – успокаивал

Тарабрин. И на всякий случай соврал: – Мне так и сказали: первым делом женись.

– А нельзя сразу? – не успокаивалась Наталья Ивановна. – Ты ведь забудешь. Замотаешься и забудешь обо мне. Известное дело – найдёшь себе в райцентре...

– У нас насчёт этого строго, – заверил Тарабрин, и это почему-то успокоило учительницу.

С лёгким сердцем покидал ненавистную деревню Сергей Павлович. Мысленно рисовались радужные картины будущей жизни, а точнее – карьеры. Вот приступит он к исполнению должности, соберёт руководителей хозяйств, стукнет по столу кулаком и гаркнет на них: «Вы почему, такую мать, не занимаетесь бытом животноводов? Почему на фермах грязь по колено? Почему от свинарок за версту пахнет аммиаком?..» И тут в районе начнётся! Что начнётся? Да ничего. Кто он такой? Вшивый инструкторишко. Нужно самому в резиновых сапогах шастать по фермам и водить за собою председателей да директоров. Нет, не пойдут они за Тарабриным по грязи в хромовых сапогах. И зря он ввязался в эти проблемы, не нужно было высовываться, куда как спокойнее сидеть в своей гнилой деревушке и пить с директором школы самогон...

...Отделом заведовал старый партийный кадр Николай Степанович Мантров. Перетряхивание районных кадров, происходившее при смене «первых», бросало Мантрова из кресла в кресло, он даже достигал должности второго секретаря и спускался до заведования пекарней, но везде был деятельным, исполнительным и неутомимым. Он был непревзойдённым мастером по сочинению докладов и отчётов. И даже когда не работал в райкоме, его всё равно приглашали для написания самых ответственных бумаг, обычно отправляемых в область.

Описываемые события происходили в середине шестидесятых годов, страна понемногу освобождалась от драповых пальто и сапог с галошами. Однако Мантров был верен традициям совдепа: зимой и летом он носил эти самые сапоги, притом с галошами! Даже в самую распрекрасную погоду. Всегда на нём был коричневый двубортный пиджак, галс-

тук, вытертый подбородком, завязанный вечным узлом ещё на фабрике, и от него разило одеколоном «Кармен». Восхищала Тарабрина причёска нового начальника: светлые волнистые волосы всегда были уложены на пробор, набриолиненны, и голова излучала сияние непогрешимой святости.

В новом сотруднике Мантров сразу увидел соперника. Да это и понятно: ведь его заметил и сразу пригласил, в обход заведующего отделом, сам Первый!

На первых порах отношения были натянутыми, Мантров загружал инструктора порою совершенно бессмысленной работой. Даёт, например, задание определить количество верующих в районе.

– Ну и как это возможно сделать? – спросил Тарабрин.

– А ты мысли логицки. Молодёжь практицки отбрасываем. Так? Мужиков до шестидесяти тоже долой. Так? Эти ни во что не верят... Берём общее количество жителей...

– А зачем это нужно? – спросил Тарабрин.

– Что?

– Зачем знать количество верующих?

– Приедет из области комиссия с проверкой антирелигиозной пропаганды. Спросят... А мы им – бац...

– Девять тысяч семьсот восемьдесят, – сказал Тарабрин.

– С чего ты взял?

– С потолка. Кто станет пересчитывать?

– Шустрый ты больно, – хмыкнул Мантров. Он потёр ладонями колени и пояснил: – К непогоде болят... Ты думаешь, я почему в сапогах и галошах? Простудил ноги, мыкаясь по командировкам. Зимой пешком, от села до села... Это теперь и автобусы, и попутки... А после войны как было? Этого ты не знаешь... Сходи за винишком. Первый уехал в область, конец рабочего дня...

Мантров любил «яблочное» местного производства, убеждал, что оно выводит из организма различные шлаки. Тарабрин не стал артачиться, сбегал в ближайший магазин, и они тихо-мирно скоротали вечерок.

Но дальше пошли совсем удивительные дела. Вернувшись из областного центра, Пер-

вый вызвал Мантрова и Тарабрина к себе. И поставил перед ними задачу:

– Нужна женщина тридцати лет. Доярка. Образование – десять классов. Двое детей. Высокие показатели в работе. Я сказал – женщина, а не баба! – повысил голос Первый, глянув на Тарабрина.

– Да а я что?

– А ты ухмыляешься!

– Да ничего я... А зачем нужна?

– Ну не натягивать же! – накалялся Первый. Потом взял себя в руки, ругнулся, пояснил: – Будем выдвигать в Верховный Совет. Понятно теперь? Действуйте. К вечеру доложить.

В кабинете у Мантрова неугомонный Тарабрин допытывался:

– Ну зачем такой формализм? Почему должно быть двое детей, а не трое или четверо? Глупость какая-то!

– Ты знаешь, что такое статистика? – снисходительно глядя на него, спросил Мантров. – Вот выборов ещё нет, а в ЦК готовы для печати данные: избрано столько-то генералов, академиков, доярок и свинок. Все отрасли охвачены! Понял? И мы утрём нос Западу. Это у них там избирают толстосумов. Подкупают избирателей. Не выборы, а сплошной бандитизм.

– Но это же таблица Менделеева! – воскликнул Тарабрин. – Элемент ещё не открыт, а о нём всё известно.

– Практички это так, – согласился Мантров. – Но мы с тобою солдаты партии. Понятно? Дан приказ – вперёд! Садись на телефон и действуй.

– Сделаем, – досадливо сказал Тарабрин, поднимая трубку телефона. К вечеру он понял, что поторопился с обещанием: найдёт доярку с хорошими показателями, но ей или образования не хватает, или бездетная. Наконец один вариант нарисовался, но этой было чуть за тридцать. Тарабрин сказал об этом Мантрову, а тот пальцем вверх показывает (на втором этаже был кабинет Первого).

– Иди и сам докладывай.

Голос его прозвучал многозначительно. Тарабрину, естественно, не хотелось лишний раз нарываться на матерщину Первого. На-

конец Сергей Павлович вспомнил про Зою Грезневу. Её двое детишек, вечно грязных, с соплями под носом, ходили во второй и третий классы. Сама мамаша была под стать детишкам, надоями не блистала, на Доске Почёта никогда не висела. Зойку в Совет? Да ещё Верховный? Это просто себя не уважать. Но что подделаешь. Ей тридцать, десятилетку она одолела через пень-колоду. Муж забулдыга и мелкий вор, хамлет, каких свет не видел.

Злорадство одолело Сергея Павловича. Вы так?.. Ну и я выкину злую шутку. Поехал он в свой «родной» колхоз, нашёл председателя, втолковал ему, что очень выгодно будет иметь «своего» депутата, который будет и лимиты выбивать, и кредиты.

– Кто? Зойка будет выбивать? – скривился председатель. – Ты у неё в доме был когда-нибудь? Грязь непролазная...

– Это от бедности. Вот подживётся, приоденется... Дорогу вам в село проведут. Дом культуры построят...

В общем, уговорил Тарабрин председателя, уломал, приписали они доярке Грезневой побольше надоев, и уже поздно вечером Тарабрин докладывал Первому о результатах поиска. Утром сочинили бумагу и с нарочным отправили в обком партии.

А затем началась предвыборная катавасия. Тарабрину поручили сочинить речь, с которой Зоя Грезнева будет выступать перед избирателями. Программную речь!

Тарабрин не ударил лицом в грязь, он сочинял и плакал от собственного вдохновения. Собралось бюро райкома в полном составе, и вдохновенный Тарабрин зачитал своё сочинение, как читают стихи на выпускном экзамене. Члены бюро слушали с умным озабоченным видом, изредка делая пометки в своих бумагах.

Обсуждали долго и дотошно. В конце самое умное предложение сделал Первый:

– Скажи машинистке, чтобы перепечатала всё это большими буквами. Поедешь к Грезневой, и пусть она при тебе прочитает несколько раз, чтобы потом на трибуне не затыкалась. Вообще ты, Сергей Павлович, отнесись к поручению со всей ответственностью. Дело государственное. Мы готовим избранницу народа! Вникни.

– Я уже вник.

– Действуй.

И снова Тарабрин в своей деревушке. Но как всё переменялось! Во-первых, за ним прислали из колхоза машину, во-вторых, прибыл председатель колхоза Жиров (контора находилась в другой деревне), а в-третьих, его прежней квартирной хозяйке завезли кусок мяса, и она готовила обед в честь Тарабрина.

Зоя Грезнева сообщение о том, что её будут выдвигать в Верховный Совет, приняла без особой радости и, может быть, даже с лёгкой досадой.

– На кой кляп мне это надо? Жила себе спокойно... А тут всякие разъезды... На кого детей оставляю?

– У тебя свекровь, муж...

– Ха! Муж! А то ты не знаешь, Палыч, что он алкаш. Совсем сопьётся.

– Мы его приструним, – обещал Тарабрин.

– И надеть у меня нечего.

Вот об этом Тарабрин не подумал и, глянув на Зою, понял, что проблема возникла не из лёгких. Разговор происходил у неё дома. В углу стоял старенький шифоньер. Кивнув на него, Сергей Павлович предложил:

– Ну-ка, вываливай своё барахлишко...

– А что показывать? Одно платье выходное да рейтузы с начёсом. И зимой, и летом...

– Да, негусто... Ладно, мы порешаем этот вопрос, – сказал уже поднабравшийся райкомовского лексикона инструктор Тарабрин. И когда вечером собрались в «узком кругу» у бабки Катерины, он поставил перед местным руководством задачу приодеть будущую депутатку.

– Пальто с хорошим воротником, – загибал он пальцы. – Скоро зима. Кожаные сапоги. На высоком каблуке. Пару костюмов. Платье шерстяное. Бельё хорошее.

– А что, там и под юбку будут заглядывать? – усмехнулся Жиров. – Да, недёшево станет нам эта депутатка. Скажи, Сергей Павлович, – понизив голос, доверительно спросил Жиров, – какой дурак выдвинул её?

– Менделеев, – серьёзно и коротко ответил Тарабрин.

– Из обкома, что ли?

– Оттуда.

– Вот повезло дуре. Ладно, приоденем. Если райком кредит даст. В колхозной кассе ни копейки.

Одежду Зое подбирали в райцентровском универмаге, поэтому вещи были добротные, дорогие, но малость устаревшие по фасону. Однако и в этом наряде доярка преобразилась. Отмытое лицо светилось счастливой улыбкой. Тарабрин даже обратил внимание на её ноги: налитые, упругие, в новых полусапожках они выглядели просто великолепно. Она уже знала про свои ноги и поэтому, сидя напротив Тарабрина, вертела ими, как пропеллером.

А чулки... Они были простые, нитяные...

– А рейтузы всё те же, с начёсом? – спросил инструктор.

– Ага.

– Не агакай. Следи за своей речью. Ладно, для деревни сойдёт твоя одежонка. Вернётся из Москвы, будешь в ней на ферму ходить.

– Коров доить?

– Доить не будешь. Мы тебя поставим заведующей, – командирским голосом сказал Тарабрин и снял телефонную трубку. – Райсоюз? Ветрова мне. Из райкома... Тарабрин... Ты в курсе дела о предвыборной кампании? Хорошо. Есть мнение приодеть нашу кандидатку. Да не здесь. Уже всучили ей разное тряпье. Бери её и отправляйся на областную базу... Да возьми кого-нибудь из ваших модниц, они в этом деле разбираются. Кто платить будет? Интересный вопрос! Я же сказал: есть мнение. Не хотите шевелить мозгами – дело ваше. Я так и доложу. А как я должен ставить вопрос? Мне приказали – я исполняю. Она здесь, у меня. Приезжайте.

Тарабрин говорил чётко, значительно, а Зоя смотрела на него во все глаза. Перед нею был бог, царь и вообще невесть какой начальник...

В моде тогда были джерсовые костюмы. Не джинсовые, как ныне, а именно джерсовые, из шерсти овец, выращенных в графстве Джерси, расположенном в Англии. Возможно, в Россию эта шерсть не попадала, её, как у нас принято, разворовывали по пути, но костюмы с таким названием выглядели по тем временам хорошо. Зое подобрали голубой, с белой отделкой. И сразу у неё талия образовалась, грудь приподнялась. В парикмахерской отмыли ей волосы, причёску соорудили, губы подкрасили в косметическом салоне – бабонька стала просто загляденье. Она уж и на джинна своего, на доброго волшебника Тарабрина, стала посматривать с прищуром, дескать, я тебе не лыком шита.

В избирательном округе было два города, первое предвыборное собрание наметили в Ключевске. Тарабрина назначили доверенным лицом, а вместе с тем и опекуном, и ординарцем.

Тарабрин обрадовался возможности оторваться от бумаг, от назойливых и пропахших нафталином поучений Мантрова. Вместе с тем ему была предоставлена возможность проявить организаторские способности. И он старался вовсю. В Ключевске Зое Грезневой оказали поистине царский приём. Встреча-

ли с духовым оркестром. В Доме культуры приезжие артисты, настоящие, а не художественная самодеятельность, дали концерт, а после всего, как положено, всё начальство – «узкий круг» человек на сорок – перебралось в ресторан «Заря». А ведь надо было всего лишь накормить одну женщину да Тарабрина в придачу. Сорок человек пили, ели (да что там – жрали!) и уже мало помнили о том, ради чего собрались. Лишь к середине ночи вылезли из-за стола, многие едва держались на ногах. Ресторан был при гостинице, номер будущей депутатки располагался на втором этаже. Это был так называемый обкомовский номер с ванной, телевизором и телефоном, с холодильником, который, по наущению Тарабрина, заполнили снедью и питьём.

Тарабрин проводил Зою до номера, но через полчаса решил проверить, как она устроилась и не нужно ли ей чего. Надо сказать, что Зоя приняла немного лишнего хмельного, и он беспокоился, как бы она не вздумала залезть в ванну, может с дуру ума захлебнуться...

Постучал Сергей Павлович в дверь – ни звука, толкнул – открылась. В новом костюме, в новых сапогах Зоя лежала на атласном покрывале и с блаженной улыбкой смотрела на своего ординарца.

– Ты чего так-то? – спросил Тарабрин.

– Леня снимать. Помоги, а, Палыч?

Она высоко подняла ногу, юбка задралась, обнажая белое бедро до самых розовых трусиков.

– Ну, чего же ты? – тихо спросила она, видя нерешительность Тарабрина. – Выполняй партийное поручение. А то пожалуюсь.

Сергей Павлович снял сапоги, снял костюм, снял бельё. Она лежала перед ним, как обнаженная Маха. Ну вот же ещё несколько дней назад он и смотреть на неё как на женщину не мог. Обычная деревенская захлупанная баба, от которой пахнет навозом.

А теперь, отмытая, сдобренная духами, она не стеснялась своего тела, выставляя на показ полновесные груди, к которым и припал райкомовский инструктор...

Потом он хотел уйти, но Зоя удержала его:

– Погоди... Побудь ещё. Так хорошо... Ты не подумай чего... Как мне надоел мой алкаш! Противно всё... Поживу хоть четыре годика в роскоши. А ведь могла бы и не увидеть настоящей жизни. Не знаю, за что Бог послал мне такое счастье...

– Мне нужно уходить, Зоя. Дежурная увидит, разнесёт по всему городу.

– Живём – всего боимся. Вот стану депутатом...

Она замолчала, потому что сама не знала, что же она может сделать, когда окажется в кремлёвских стенах.

– Ну и что ты сделаешь? – спросил Тарабрин.

– Не знаю... А только живём мы скверно. А я, Палыч, впервые ощутила себя женщиной. Понимаешь? Женщиной! Ты добрый, ты ласковый, не слюнявый и не воняешь табачищем... Обними же меня крепче... Исполняй свой партийный долг!

Тарабрин исполнил и ушёл. Неделю они ездили по своему округу. Зоя вошла во вкус, речь свою выучила наизусть и даже иногда что-то добавляла от себя.

И наконец вернулись домой. Утром Тарабрин докладывал Первому о выполненном поручении. Он слушал внимательно, нагнув коротко стриженную крупную голову. И вдруг, запоздало спохватившись, спросил:

– Постой! Ты что, один с нею ездил?

– Один...

– А Белякова не ездила? Мать вашу! Всех уволю! – Первый побагровел от ярости. И перешёл на шёпот: – Ты её...

– То есть как это?

– Не прикидывайся... Учти, доярку – это одно дело, а депутата, тем более такого уровня... Этак, братцы, вы и до Брежнева доберётесь.

– Не даст, – сказал Тарабрин. Злость заиграла в нём. «Да ну вас всех!» – подумалось.

– Кто не даст?

– Брежнев.

– Ха! – не засмеялся, а словно харкнул Первый. Потом вдруг выпучил глаза и дико захохотал: – Ну ты юморист, Тарабрин. Я приказал этому старому козлу Мантрову сна-

рядить с вами Белякову из общества «Знание». Мало ли какие проблемы возникнут у женщины. Да элементарно в туалет сходить. А он специально тебя подставил. Точно говорю. Зоя на тебя обижаться не станет?

– Нет.

– Значит, хорошо... Что ж, опыт есть, так что через неделю снова в дорогу. Действуй.

Первый пожал Тарабрину руку и крикнул в дверь:

– Мантрова ко мне!

Белякова Нелли Семёновна, женщина слегка за тридцать, упитанная, округлая, весёлая, хотя и не была штатной сотрудницей райкома, но стол её находился в отделе пропаганды, и она выполняла массу мелких поручений Мантрова, который частенько подсаживался к её столу и вёл поучительные беседы, плотоядно поглядывая на перезревший бюст собеседницы. Нелли с ним кокетничала, строила глазки, даже позволяла гладить своё колено.

И вот, усиленный мощной поддержкой Нелли Семёновны, отправился Сергей Павлович охмурять избирателей в Оршанский район. Впрочем, дурить особенно не приходилось, потому что народ знал: кого предложит власть, того и «выберут». Выборы были, но выбор отсутствовал.

В городок Оршанск они прибыли в начале ноября, когда уже лёгкий снежок покрыл землю и молодой морозец забирался в рукава пальто. Нелли Семёновна, похохатывая, прижималась к плечу Тарабрина.

– Сергей Павлович! Вы такой тёплый! Можно погреться?

Зоя сердито посматривала на неё, с непривычки скользя в новых сапогах с высокими и тонкими каблуками.

В гостинице женщинам дали всё тот же, существующий в каждом городе и районе «обкомовский» номер, а Тарабрин разместился в небольшой комнатке. Гостиница вела свою родословную ещё с дореволюционных времён, имела стены метровой толщины, небольшие окна и печное отопление. Это создавало особый уют. В стёкла плескал ветерок со снегом, на столе горела лампа с зелёным кол-

паком, стояла початая бутылка... Было уже близко к полуночи. Тарабрину почему-то не спалось. Он сидел, вытянув ноги, в старинном кресле, и кайфовал.

Неожиданно мягко открылась дверь, просунулась кудрявая голова Нелли Семёновны.

– Не спите, Сергей Павлович?

– Как видите. А что случилось?

– Мне тоже не спится. И скучно! Эта... Гм... Уснула. Можно я с вами посижу?

Не дожидаясь приглашения, она прикрыла дверь и села на кровать. Полы её халатика распахнулись, обнажая белые упитанные ноги. Заинтересованный Тарабрин отметил, что на ней не было лифчика. Он почувствовал, как тело его наполняется мужской энергией...

И в это время распахивается дверь, в комнате появляется разъярённая Зоя. Халат на ней полностью распахнут, а под халатом ничего нет. Этот халат из китайского шёлка они покупали вместе, и Зоя считала, что в таких ходят в театр.

Вот он, театр, разыгрывается в этой комнате.

– Вас зачем со мной послали?! – крикнула с негодованием Зоя. – Шуры-муры крутить? У нас завтра собрание на заводе. А вы тут... занимаетесь?

– Тихо, Зоя! Народ же спит, – попытался Тарабрин урезонить будущего депутата. – Мы с Нелли Семёновной именно и обсуждали этот вопрос.

– Для этого необязательно одежду снимать!

– Да ты сама-то!..

Женщины готовы были перейти в рукопашную схватку, но тут на пороге появилась заспанная дежурная.

– В чём дело, товарищи?

– У нас документы пропали! – сказал первое пришедшее на ум Тарабрин.

– Я вызову милицию.

– Не надо. Возможно, мы забыли их в Доме культуры.

– И всё же потише, прошу вас.

Дежурная с опаской осмотрела женщин, особенно кандидата в депутаты, у которой был вид фурии.

После того как ушли дежурная и Нелли Семёновна, Зоя села на кровать и заплакала, обильные слёзы текли по её щекам, и она даже не вытирала их.

– Ты... Я тебе поверила... Я думала, что это и есть любовь. А ты меня соблазнил и бросил...

– О чём ты говоришь? Кто тебя соблазнил? И вообще не ори на всю гостиницу! Ты кандидат в депутаты! Подумай!

– На какой хрен мне это депутатство? Не хочу! Хватит! Не надо. Едем домой. Я уже по детям соскучилась. Все вы сволочи. Вам бы только пить, жрать да таких дур, как я, облапошивать. Уйди, видеть тебя не могу.

– Куда же я пойду из своего номера?

– Гони отсюда эту б... Иначе я в райкоме всё расскажу. Понял?

Тарабрин опешил. А ведь может! Такая дура всё может! А впереди намечено ещё одно, самое важное мероприятие – собрание избирателей в областном драматическом театре. Приедут даже представители из Москвы. Уже заказан шикарный банкет в лучшем ресторане Лысогорска. Если Зоя Грезнева откажется баллотироваться... Позор на всю Европу! Стрелочником, конечно же, станет инструктор Тарабрин. Но полетит и Первый!

– Так, Зочка, ты успокойся... Запахни халат. Вон как дежурная на тебя смотрела. Зачем лишние разговоры? Ничего у меня с Беляковой не было. И не могло быть! Да зачем она мне нужна?

– Вон какая она гладкая!

– Ну и что?

– Намазанная. А я простая деревенская баба...

– Ты замечательная женщина! Простая, но красивая. Настоящая русская красавица. У тебя такое прекрасное тело...

– Ври, – слабо улыбнулась Зоя.

– Правду говорю! – воодушевился Тарабрин. – Таких ещё поискать... Вытри слёзы. Тебе ли плакать, когда счастье само идёт в руки. Ты куда? – Он не успел её остановить, как она откинула одеяло и нырнула под него. – Нельзя, Зоя! Я тебе серьёзно говорю. Дежурная ходит по коридору. Ты же всю го-

стиницу на ноги подняла. Погоди, вот приедем в Лысогорск... Там знаешь какие гостиницы...

– Не знаю, не была.

– А в Москве?! Ого-го! Всего ты достигнешь, всё у тебя будет...

– Я эту Нельку в порошок сотру! – пообещала Зоя, поднимаясь с постели. – Ладно, пошла я...

Сергей Павлович был в отчаянии. В любом случае эта Нелли Семёновна разнесёт по всему району, что он спутался с Зоей Грезневой, дойдёт до деревни, до мужа... А что скажут в райкоме?

Выход только один... Тарабрин вздохнул, вышел в коридор, постоял возле двери люкса, послушал мощный храп кандидатки в депутаты и стукнул два раза. Почти сразу же выпорхнула Нелли Семёновна и ни слова не говоря проскользнула в комнату Тарабрина.

– Я дала ей снотворного под видом успокоительного, – весело сообщила она, забираясь в постель. – Ну и тигрица! Видно, хорошо ты её обслужил.

– Да ничего у нас...

– Молчи! Вам, мужикам, лишь бы урвать. Господи, на что ты позарился? Ну, чего стоишь?

Она была ещё более решительна, чем дьярка. Вот что значит образование! Она училась в институте культуры, одно время работала в районной библиотеке, её присмотрел второй секретарь райкома партии, приблизил к себе, но его перевели в другой район, и она осталась «бесхозной».

В любви она, конечно, была мастерица, и они провели чудную ночь...

Ну кто поймёт этих женщин? Как правило, они поступают вопреки логике. Казалось бы, что Зоя и Нелли должны стать непримиримыми врагами, а они... подружились. Утром Зоя смотрела мимо Сергея Павловича, говорила с ним сквозь зубы. С Нелли она ходила под ручку, и всё время они о чём-то шептались.

В Лысогорск на заключительную встречу с избирателями Тарабрина не взяли, поехал сам Первый со своим причтом и Нелли Семёновной.

Потом были «выборы», а вскоре и первая сессия Верховного Совета, куда Зоя отправилась в сопровождении Нелли Семёновны.

Казалось бы, страсти улеглись, однако через некоторое время Мантров «дружески» предупредил Тарабрина:

– Ты бы, Сергей Павлович, присмотрел себе местечко... Чем-то ты насолил Грезневой. Я слышал, как она говорила Первому про тебя, что ты аморальный тип. Учительницу Балобаеву обрюхатил, а замуж не берёшь. Знаешь, за такие дела и партбилет положить можно...

– Не может быть! – опешил Тарабрин.

– Партийное слово даю. Так и говорила. Она теперь депутат, с нею и Первый считается. Такие вот дела.

– Подумаешь, – обескураженно сказал Тарабрин. – Найду я место. Меня давно в редакцию приглашают...

Было очевидно, что Мантрову доставляет удовольствие сообщать такую новость инструктору Тарабрину, у которого засосало под ложечкой от сообщения о беременности Наташи. Он не стал дожидаться, когда его поволокут на бюро за аморалку, тут же накатал заявление «по собственному желанию». Первый, ни слова не говоря, подписал, и к вечеру Тарабрин уже был в деревне. Не обошлось без слёз и упрёков, но молодость и любовь, а скорее всего ожидание ребёнка, сделали своё дело: они примирились, собрали чемодан и покинули «приют спокойствия, трудов и вдохновенья». В самом глухом районе области редакторствовал однокашник по институту Горелов, который и принял на работу Тарабрина. Дали им небольшой домик у самой реки, и стали они жить-поживать... Со временем перебрались в областной центр, и снова работа в газете, разъезды по области, статьи, очерки, стихи и рассказы... Сколько бумаги перелопатил Тарабрин... Сочинял речи власть предержащим, пользовался у них спросом. Зоя Грезнева за это время окончила сельхозинститут, заочно, конечно, стала Первым в своём районе, а затем, защитив диссертацию, возглавила свой институт. На одном из област-

ных совещаний они встретились в коридоре. Зоя Ивановна, пышнотелая, с высокой причёской, в дорогом костюме, выглядела, конечно же, прима-дамой, и рядом с ней невысокий щуплый Тарабрин почувствовал себя пигмеем. Она окинула его насмешливым взглядом:

- Мне помнится, вы работали инструктором?..
- Да... Было такое.
- А, ну-ну... Желаю успехов.

И пошла по коридору, слегка кивая на приветствия...

Всё это в одно мгновение вспомнилось Тарабрину теперь, в этом заплёванном кафе. Кто он? Чего добился в жиз-

ни? Жена ушла от него лет двадцать назад. Дети разъехались. Работа осточертела, и он сразу же ушёл на пенсию, как только вышли годы. Но почему вдруг вспомнили о нём? Тарабрин достал мобильник и набрал номер начальника предвыборного штаба.

– Это Тарабрин... У меня вот какой вопрос... Почему Мацнев избрал меня для написания речей и биографии? Нет, мне это важно знать. Кто? Мать ему посоветовала? А кто у него мама? Бывший ректор сельхоза? Ну и дела... Но у них же разные фамилии. Вот как...

Оказывается, Зоя Грезнева, овдовев, вышла замуж второй раз, и новый муж усыновил детей, дав им свою фамилию...

А ведь этот банкир очень похож лицом на него, Тарабрина. Очень похож! Ну что ж, придётся покопаться подробно в его биографии и, может быть, даже встретиться с его мамой. Обязательно встретиться!

* * *

Пути Господни неисповедимы!

Василий КРАВЧЕНКО

ИСПЫТАНИЕ

В кабинет начальника районного управления газопровода Ставрополь – Москва Александра Дмитриевича Седых влетел взволнованный главный инженер Беляев и прокричал:

– Александр Дмитриевич! Что же это делается? Дорожники, несмотря на наши неоднократные предупреждения, прокладывают дорогу Воронеж – Курск прямо по газопроводу. Без установки футляров с вытяжными свечами. Вы же сами знаете, к чему это может привести. Если рванёт, мало не покажется, а крайними мы будем!

– Александр Васильевич! Понял я вас. Сам неоднократно обращался в обком, к строителям, но у нас привыкли шашкой махать. Сначала делают, после думают. Лишь бы объект сдать и план выполнить. Я ещё раз их предупрежу, а потом буду принимать меры. – Помолчав, Седых продолжил: – Вы подготовьте письма в обком и к строителям, а в конце предупредите: если не выполнят, то мы снежём участок дороги над трубой в размерах, предусмотренных ГОСТом.

* * *

Первый секретарь Воронежского промышленного обкома КПСС Роман Тихонович Косолапкин работал с документами. Его внимание привлекло письмо из управления газопроводов, прочитав которое он, нажав кнопку громкой связи, приказал секретарю вызвать к себе заведующего промышленным отделом Адащика.

Через несколько минут дверь открылась, и подчинённый неуверенно зашёл в кабинет. На приветствие первый секретарь кивнул и рукой указал на стул. Адащик сел и замер в ожидании. После затянувшегося молчания Косолапкин заговорил:

– Послушай, Виктор Константинович! Газовики нам опять письмо прислали. Грозят снести участок дороги, если строители не поставят футляр над газопроводом. Опасно это, дескать... – И в ожидании посмотрел на подчинённого.

– Сложный вопрос, Роман Тихонович. Может, и ничего, а может и беда быть, – сказал осторожный Адащик. – Но вы же знаете, что строительство дороги курирует сам Хитров. Ему лишь бы сдать и отчитаться, а всё остальное не важно. О его поддержке в Москве сами знаете, связываться с ним – себе дороже.

– Это я и сам понимаю, – ответил первый. – Делать-то что будем? – возложил ответственность на обоих Косолапкин.

Выдержав паузу, бывалый аппаратчик предложил:

– А предлагаю я посмотреть, – хитро прищурился Адащик. – Пусть тот, кто отвечает, сам дорогу ломает и своего добивается. А если Хитров совсем в бочку полезет, надо бы поддержать газовиков. Ведь правы они – с газом шутки плохи.

На том и порешили, и с чувством правильно принятого решения каждый занялся своим делом.

* * *

Почти в то же самое время начальник дорожного управления № 3 Лисицын получил похожее по содержанию письмо за подписью Седых, прочитав которое сразу же связался по телефону с первым секретарём сельского обкома Хитровым:

– Степан Дмитриевич! – выпалил он в трубку высокому покровителю. – Газовики опять письмо прислали. Грозятся дорогу сне-

сти, если мы какие-то футляры на их трубы не поставим.

– Не мельтеши, Лёша! Я на них самих футляры надену и в Сибирь пешком отправлю. Ты план гони и ничего не бойся.

В трубке раздались гудки, и Лисицын, вытерев пот со лба, принялся за дальнейшую работу.

* * *

Спустя неделю Александр Дмитриевич Седых пребывал в сомнениях. Письма он отправил, но никакого ответа на них не получил. Местные власти их просто проигнорировали, а Москва требовала действовать по инструкции.

В его памяти встала недавняя крупная авария под Воронежем, когда не сработал пропускной клапан и произошёл взрыв. Тогда жертв удалось избежать. Что может произойти в данном случае, даже представить страшно.

С другой стороны, в памяти всплыли воспоминания о судьбе предшественника на этой должности. Это была первая женщина в СССР, назначенная на должность начальника управления газопроводов, – Ефимова Александра Петровна.

Во время одного принудительного ограничения газа городом Воронежем её по телефону вызвал к себе секретарь обкома Хитров и потребовал немедленно повысить давление газа и увеличить его подачу в город. Ефимова категорически отказалась выполнять это указание, ссылаясь на указания из Москвы.

Тогда Седых стал невольным свидетелем переживаний этой женщины.

Всемогущий руководитель области принял этот отказ как неслыханную дерзость и закричал на неё:

– Я тебе юбку завяжу над головой и заставлю идти пешком до самой Москвы. Но перед этим ты свой партбилет мне положишь на стол!

– Во время работы мы ходим в брюках, а партбилет не вы мне вручали, не вам и отбирать, – ответила Ефимова и положила телефонную трубку.

Никогда раньше Седых не видел на её глазах слёзы. У него не нашлось ни сил, ни слов, чтобы поддержать её в тот момент. Да и сделать это было очень трудно. Менее чем через час пришло распоряжение о переводе Ефимовой на должность главного инженера в Московское управление, а его перевели на её место. В дальнейшем она пропала из поля зрения.

И вот теперь ему самому придётся испытать на себе «характер» этого партийного руководителя.

Не считая себя безумцем или героем, до этого момента Александр Дмитриевич хитрил. Когда возникали трудности с газоснабжением города, его, как правило, вызывали в обком и принуждали прямо оттуда давать распоряжение оператору газораспределительной станции увеличить подачу газа на город. При этом после распоряжений сразу же на некоторых контрольно-распорядительных пунктах города проверялось давление – растёт или нет. Фактически заложник.

После пары таких ситуаций был найден простой способ решения. Регулирование подачи газа было перенесено на отключённый кран, о чём никто не знал. И когда по команде Седых из обкома оператор докладывал, что у него на ГРС все редуцирующие нитки и клапаны на них полностью открыты, партийное руководство области в этом убеждалось и оставляло в покое.

Здесь же необходимо было принять решение, и Седых свой выбор сделал.

Вызвал к себе главного инженера Беляева:

– Слушай, Александр Васильевич! Завтра к вечеру, часов в пять, возьмёшь два экскаватора, ремонтную бригаду, поедешь на строительство магистрали Воронеж – Курск, и к чертям снесёте строящийся участок дороги над газовыми трубами. Там и надо-то метров пятьдесят. Меня не будет в области. Если кто будет подъезжать, скажешь, что ремонтные работы. Утечку устраним. Понял?

– Шум будет! – испуганно вскинул руки вверх инженер.

– Ничего. Перетерпишь. Вечер. Пока спохватятся, приедут, мы уже дело сделаем, и не посадят, если что, – жёстко приказал Седых.

* * *

Начальнику ДУ-3 позвонили по рации в автомобиль около шести часов вечера, когда он уже возвращался с работы домой.

– Алексей Михайлович! Газовики участок дороги сносят. – Услышал он в трубку тревожный голос мастера дорожного участка. – Говорят, утечка у них. Устраняют.

– Я сейчас приеду и во всём разберусь, – вздохнув, сказал Лисицын и, обратившись к водителю, продолжил: – Разворачивай, Витя. Едем на участок через газопровод. Понял куда?

– Знаю, Алексей Михайлович, – ответил водитель, уверенно развернул машину и направил её в нужном направлении.

Спустя час машина остановилась перед разрытым участком дороги. Здесь работала техника и копошилось с десятков людей.

– Кто старший? – спросил Лисицын, выйдя из машины и подойдя к группе стоящих людей в спецовках.

Рабочие молча кивнули в сторону пожилого мужчины в шляпе. Начальник стройуправления быстро подошёл к нему и сквозь шум работающей техники прокричал:

– Что происходит? Кто разрешил?

– Не кричите на меня. Дорога на этом участке построена с нарушениями норм техники безопасности, – наклонившись к уху дорожника, проговорил мужчина. – Пока не приведёте в соответствие, дорогу мы вам здесь построить не дадим. По всем вопросам обра-

щайтесь к начальнику районного управления газопровода Седых Александру Дмитриевичу.

Лисицын, заскрежетав зубами, прошагал к машине и, бухнувшись на сиденье рядом с водителем, начал судорожно звонить – сначала Седых, но тот не отвечал, а после от безысходности набрал приёмную первого секретаря сельского обкома Хитрова, попросив секретаршу соединить его с ним. Услышав в трубке знакомый голос, торопливо заговорил:

– Степан Дмитриевич! Газовики участок дороги снесли. Над газопроводом.

– Не понял, – раздался в трубке недоуменный голос Хитрова.

– Экскаваторы работают. Дорогу роют. А начальник их, Седых, на звонки не отвечает, – отрапортовал дорожник.

– Ладно, – после паузы сказал первый секретарь. – Завтра в 8 часов – ко мне и доложишь всё по порядку.

В трубке раздалась прерывистые гудки.

* * *

На следующее утро первый секретарь Воронежского сельского обкома Степан Дмитриевич Хитров был в ярости и гневе. Только что Лисицын доложил ему обстановку, и получалось, что какой-то газовик посмел ему перечить. Ему! Самому Хитрову.

Сделал несколько кругов по кабинету, бормоча под нос:

– Я им покажу...

Задумавшись, подошёл к столу, поднял трубку прямого телефона начальника областного КГБ. Тот оказался на месте.

– Послушай, Илья Степанович! Что у нас в области такое творится?

– Что случилось, Степан Дмитриевич? – осторожно спросил чекист.

– Диверсия! Газовики по надуманным причинам срывают строительство такого важного объекта, как дорога Воронеж – Курск. Нанесли урон и вред государству и думают, что это им с рук сойдёт? – вопрошал Хитров.

– Не в курсе, Степан Дмитриевич, – озадаченно ответил начальник областного КГБ.

– А ты пошли своих туда, и пусть раз-

берутся. Да поостороже там, уж я тебя об этом прошу, – закончил первый.

– Сделаем, Степан Дмитриевич, – отчеканил Илья Степанович.

Зная характер руководителя, он не стал терять времени и приказал вызвать к себе подполковника Воротникова, опытного служаку. Тот быстро появился в кабинете и получил задание от руководителя:

– Мне только что звонил сам Хитров, – начал тот, – там газовики по каким-то причинам разрушили участок дороги Воронеж – Курск. Ты съезди и разберись. Но поаккуратнее там, уж очень горяч стал Степан Дмитриевич, а время сам знаешь какое. Нам обвинения, что опять, как в тридцать седьмом, не нужны.

– Есть, Илья Степанович! – отдал честь подполковник и вышел из кабинета.

* * *

Александр Дмитриевич Седых работал над проектами, когда к нему в кабинет зашёл высокий мужчина средних лет.

– Здравствуйте, Александр Дмитриевич, – сказал вошедший.

– Добрый день, – поднявшись, ответил Седых.

– Подполковник госбезопасности Воротников Игорь Николаевич, – представился вошедший, предъявив удостоверение, и сел на стул.

Опустился на свой стул и взволнованный начальник районных газопроводов.

– У меня к вам вопрос по поводу порчи участка автодороги Воронеж – Курск, – с улыбкой глядя в глаза хозяина кабинета, проговорил гость.

– Одну минуту, – попросил Седых и, подняв трубку телефона, вызвал к себе главного инженера, распорядившись взять всю документацию по газопроводу Москва – Ставрополь.

Вбежав с бумагами в кабинет руководителя, Беляев разложил документацию на большом столе и пригласил к нему мужчин. Газовики предъявили подполковнику техническую документацию и переписку с обкомом и дорожниками. Сотрудник комитета внимательно слушал, заострив внимание на возможных по-

следствиях нарушения техники безопасности.

По истечении нескольких часов, которые для Седых показались вечностью, разогнув спину, Воротников сказал:

– Мне всё понятно. Вам необходимо сделать выписки из этих документов, и нужна пояснительная записка. Быстро сделать сможете? – вопросительно посмотрел на газовиков.

– Одного дня достаточно, – заверил Седых, и, пожав друг другу руки, мужчины расстались.

* * *

Через два дня Воротников доложил начальнику областного КГБ о законности требований газовиков, предоставил подтверждающие это документы. И рассказал о халатном отношении дорожников к своей работе. Выслушав доклад подчинённого, Илья Степанович позвонил первому секретарю:

– Степан Дмитриевич, разобрались мы с вашим поручением. Но ничего противозаконного предъявить не можем. Газовики действовали в соответствии с имеющимися инструкциями. А вот дорожников надо бы наказать. Пусть исправят свои ошибки.

– Дааа! Не хочешь ты мне помогать, – с обидой в голосе сказал Хитров и, положив трубку, пробормотал: – Без вас разберусь.

Некоторое время первый секретарь посидел в тишине, после чего вызвал к себе заведующего отделом обкома и распорядился вынести на заседание обкома вопрос «О строительстве дорог на территории области», обозначив докладчиком начальника областного дорожного управления. При этом приказал обязательно пригласить на заседание начальника Воронежского районного управления газопроводов коммуниста А. Д. Седых.

* * *

Из повестки заседания Седых узнал, что его вопрос значится вторым, и стал с тревогой ждать заседания, которое началось с рассмотрения вопроса строительства животноводческой фермы в одном из южных районов об-

ласти. Перед тем как начать слушать доклад, Хитров перечислил главные достижения области в производстве сельхозпродукции, рассказал о продолжающейся уборке кукурузы. Упомянул он и провозглашённый шесть лет назад лозунг «Догоним и перегоним США по производству мяса, молока и хлеба». Затем было сказано несколько слов о значении берлинской стены для победы коммунизма, бегло коснулся вопросов строительства.

Закончив речь, первый секретарь представил слово директору колхоза, где велось строительство животноводческой фермы. Из сбивчивого рассказа докладчика стало понятно, что ферма не будет готова к началу зимы, так как даже не закончены работы по закладке фундамента. На вопрос ведущего о причинах задержки был получен ответ:

– Так его высота более двух метров.

– А зачем вы их такими высокими делаете? – последовал удивлённый вопрос.

– Да потому что одна сторона фермы в землю входит, а три над оврагом возвышаются, – ответил председатель колхоза.

– А кто же проектировщик? Автор проекта? – задал вопрос Хитров.

– Я, Степан Дмитриевич! – отозвался из зала мужчина средних лет, как оказалось позднее, работник проектного института «Гипросельхозпроект».

– Ну, расскажи, для кого проект состряпал. Может, вы думаете, мы на этой ферме жирафов будем откармливать?

Автор проекта вышел из-за стола, чуть приблизился к сцене и, поворачиваясь то в сторону секретаря, то к присутствующим, объяснил:

– Помните, Степан Дмитриевич, как в конце февраля вы послали меня срочно сделать привязку этой фермы и приказали, чтоб на следующий день мы вернулись с готовым проектом? Иначе партбилеты на стол. А зима в этом году была какая снежная? Благодаря чему, как вы сами отметили во вступительном слове, и был получен хороший урожай. Так вот, когда мы «привязывали» ферму, там лежал ровный снег, по которому даже ветер носил кустики перека-

ти-поле. А когда снег растаял, под ним оказался глубокий овраг...

Зал замер от такого объяснения. Лишь кто-то набрался смелости и негромко засмеялся. Взгляды присутствовавших были прикованы к секретарю обкома.

Обедя взглядом зал, Хитров не растерялся:

– Ты что, решил сорвать указание партии «Догоним и перегоним США по производству мяса, молока и хлеба?» – спросил Степан Дмитриевич строго. – Таким, как ты, не место в партии! Отобрать у него партбилет! – распорядился он.

Согнувшись и став меньше ростом, проектировщик на заплетающихся ногах вышел из зала заседаний при полном молчании присутствовавших.

Спустя несколько минут началось обсуждение второго вопроса, на который был приглашён Седых. Было хорошо видно, что к тому времени настроение у Хитрова было окончательно испорчено. Скорее всего по этой причине очередной докладчик, начальник областного дорожного управления, очень осторожно стал излагать ситуацию со строительством дорог в области. В заключение он заявил, что дорожное строительство в этом году, по большому счёту, сорвано по причине действий начальника Воронежского районного управления коммуниста Седых, от которого немедленно потребовал ответа.

Александр Дмитриевич вышел из-за стола и, запинаясь, начал объяснять, почему нельзя строить шоссейные дороги через ма-

гистральные газопроводы без устройства на них футляров.

– А ты на себя футляр не наденешь? – перебил докладчика Хитров.

– Но это очень опасно, – стал настаивать на своём Седых. – Авария, взрыв, люди погибнут...

– Вот если бы ты попал в такую аварию, то для области это было бы облегчением, – резюмировал первый.

Представитель газовиков начал снова приводить факты, доказывая, что этого делать нельзя, хотя и чувствовал, что обстановка накаляется.

– Прекратить демагогию, – потребовал председательствующий.

Несмотря на явную угрозу, Седых продолжал говорить, доказывая, что авария в этом месте может оказаться более сложной, чем та, которая произошла в этом году на Воронежском шинном заводе и унесла жизни нескольких десятков людей. В конце концов Хитров не выдержал. Сильно стукнул кулаком по столу и крикнул:

– Кто здесь хозяин?! – А затем, обращаясь к персоналу, приказал: – Позвоните их «деятелю»... – Степан Дмитриевич начал перебирать фамилии, после махнул рукой, – сами знаете кому. Пусть они его немедленно из области уберут. А сейчас выведите дурака из зала.

К Седых направились двое здоровых парней в тёмных штатских костюмах. Тот замер, вцепившись в стол и стул, на который успел сесть во время разноса, и решил всеми силами сопротивляться постыдному публичному выпроваживанию. Но Хитров, не дождавшись этой унижительной сцены, объявил перерыв.

Воспользовавшись этим обстоятельством, Александр Дмитриевич стремглав выскочил из зала и почти бегом спустился по лестнице с пятого этажа к выходу, желая поскорее покинуть здание обкома. Вдруг произошло неожиданное. При прохождении контрольного поста охраны вежливый милиционер спросил его фамилию. Седых назвал. Его попросили пройти за человеком в сером костюме. Чувство безысходности и опустошённости пришло к нему, и в некотором оцепении он последовал за приставленным к нему человеком.

Очнулся Александр Дмитриевич только в кабинете первого секретаря промышленно-го обкома. В комнате сидели сам хозяин и заведующий промышленным отделом Адащик, с которыми он был знаком по совместным совещаниям.

– Радуйся, Саша, – доверительно сказал Косолапкин, о порядочности которого знали все. – Твоё счастье, что у нас обкомы разные. Ушёл бы ты от нас с волчьим билетом, и никому бы ты не был нужен – ни здесь, ни в Москве. Иди, ищи повод реабилитироваться.

В сознании Седых промелькнул весь ход событий, и наступило душевное облегчение.

А спустя всего месяц представился повод для реабилитации. На одном из совещаний зашёл разговор о строительстве в селе Новоживотном животноводческой фермы, и Седых выступил с почином о предоставлении бесплатных материалов. Этот поступок получил одобрение в сельском обкоме. Информацию о почине Седых довели до Хитрова. Отношение к отступнику постепенно изменилось в лучшую сторону. К слову, Седых ещё три года отработал в Воронежской области, но к строительству фермы так и не приступили.

Судьбы главных героев этой истории сложились по-разному. Седых стал одним из руководителей газовой отрасли России, внёс большой вклад в её развитие, Хитров много лет возглавлял Воронежскую область, а впоследствии стал министром сельского строительства СССР, а Косолапкин всю жизнь проработал в Воронежской области в должности второго секретаря, оставил о себе добрую память, благополучно ушёл на пенсию.

Разделение власти в регионах СССР существовало всего 11 месяцев и 1 день, но именно это разделение спасло Александра Дмитриевича Седых от скорой расправы и позволило в дальнейшем реализоваться.

Анатолий ТРУБА

Евгений ХАРЛАНОВ

ПРИЧУДЫ ЧЕРНОТЫ

Вот чёрный кот
Под черносливом.

Вот чёрный бак с мазутным сливом,
Под чёрным флагом
Мародёр,
Под чёрной шляпою бретёр,
Под чёрным соусом отрава,
Под чёрным поводом расправа...
Вот в чёрном трауре
Палач,
Над чёрным гробом горький плач,
Мазутный бак
Под чёрным сливом...

Но чёрный кот
Под черносливом –
Совсем обратный колорит.
Так чернь на серебре горит,
На синей ели – чёрный соболь
И чёрный, избранный, особый
В кристаллах синих виноград...
Агатоно глаза блестят
Через ресниц павлинью ретушь
И глубина души сквозь ретушь.

И коли чёрного кота
Ты разглядел под черносливом,
Считай себя вполне счастливым –
Не наступила слепота!

ОСЕННЯЯ КАРТИНКА

Мокнут липовые кадки,
В луже хрупкий лист грустит,
Дождик на капустной грядке
Зайцем сереньким хрустит.

Конь отряхивает холку
От летящих сверху брызг,
Сторож прячется с махоркой
Под слезящийся карниз.

Как с навязчивой цыганкой,
С этой ночью он один.
Вспыхнет изредка сигарка,
Словно краденый рубин...

* * *

Старый лес
За окнами сушится –
Списан он
В инвентарь старику,
Словно порвана в нём
Кукушница,
И куда-то уплыло «ку-ку».

Правый глаз у калины
Выколот –
Оставалось две грозди вчера...
Так и жизнь.
Пролетит, как каникулы.
Тихо.
Осень стоит у двора.

ЛОШАДЬ В СУМЕРКАХ

В сумраке роща увязла.
Сумрак в ушах
Шелестит.
Смутно
У тёмного вяза
Лошадь
Хрустит и грустит.

Кляксою
В войлоке ночи
Лошадь почти расплылась,
Только алмазные
Очи
Тихо сияют
Сквозь нас.

Словно никто не заброшен,
Словно
Никто не забыт.
Мир, как огромная лошадь,
Тихо
Хрустит и грустит...

ГРОЗА В ИЮНЕ

Сдвигается над головой
Сверкающий мрак грозовой.
Не двигаясь, словно вхожу я
В пещеру дождя грозовую.

Громаден безграмотный гром,
В нём хохота больше, чем смысла,
И молний бегущий разлом,
Как древние буквы и числа.

Грозны грозовые азы,
Природы слепящий петроглиф.
Читаю на сводах грозы
Я молодость мира и крови.

Кипучим озоном дыша,
Распутала все перепутья,
И плещется в мире душа
Гремучею яростной ртутью!

ПРИВЕТ ИЗ ПАЛЕОЛИТА

Палеолит. Явленье пращура.
Скелет. Убийца или вор?
Но, как письмо в почтовом ящике,
В затылке – каменный топор.
Посылка нам замысловатая
От предка «из глуби времян»,
Праправнукам темны слова твои
И чёрен твой обсидиан!
Не потому, что бездна трудностей
Неодолима в языке.
И не такие мы премудрости
Разгадывали в тайнике!
Суть откровенного послания
Мы потому не разберём,
Что продолжают «писания»
На топорах и топором.
Воспроизводят суть по совести
И не глаголя галл и гунн.
Тут, к сожаленью, нету новости
Для современных калигул.
Они ловки инертным гелием
Взрывать и судьбы, и миры
И совмещать злодейство с гением
И с головами топоры!
И кровь им чуждая – опаска,
Царей будившая в поту,
Как дилетантская подсказка
Специалистам по кнуту.

Василий КРАСНОВ

Василий Анатольевич родился в 1958 году в Воронежской области. В 1975 году окончил Жердевскую среднюю школу № 2, в 1980-м – историко-английский факультет Тамбовского государственного педагогического института. В 1980–1986 годах работал учителем истории Ивановской восьмилетней школы, затем, в течение нескольких месяцев, – инспектором РОНО. С марта 1987 года по настоящее время – преподаватель Жердевского колледжа сахарной промышленности.

Кандидат исторических наук, основатель и руководитель музея истории колледжа. Автор многочисленных публикаций по краеведению. Первооткрыватель тайны гибели известной исполнительницы цыганских романсов, графини Т. К. Толстой, случившейся во время подавления антоновского мятежа 25 сентября 1921 года.

Стихи публиковались в областных газетах, коллективных сборниках, журнале «Подъём». Автор двух сборников стихов – «Алый гром» (1988) и «Красное солнышко» (2001).

В настоящее время к изданию готовится книга, посвящённая истории села Сукмановка Жердевского района (в прошлом – Борисоглебский уезд Тамбовской губернии).

В сотах памяти...

Павлинье перо обронила заря
В остывшего озера лик темноокий.
Тамбовщина. Осень. Конец сентября.
Как ржавые лезвия, листья осоки.

Луны недокованный тусклый бердыш
Опять занесён надо мной для удара,
Да глупая кроха – летучая мышь –
Зачем-то раскинула крылья-радары.

Ах, если бы можно в охапку сгрести
И этот закат, и его отраженье,
Чтоб в тёплую избу навек принести,
Не встретив совсем твоего возраженья.

И руки испачкав в малиновый цвет,
И охрою бледные щёки измазав,
Забывать, что наутро наступит рассвет,
Что солнцу, как людям, не будет приказа.

А после упавшую в невод звезду
Подвесить в углу вместо старой лампадки.
Забывать про корысть. И не требовать мзду.
И рыбой не биться в последнем припадке...

А просто курить, протирая стволы,
На шомпол нанизывать дымные кольца
И думать, как люди ничтожно малы,
Коль нет за закатом прийти добровольца.

В черновиках, как в облаках,
Течёт река.
Струится в горестных строках
Издалека.

Спешит она, который год
Исток храня.
Не перейти реки той вброд,
Соединя

Два разных берега судьбы,
Эпохи две,
Где там – рабы
И тут – рабы
В её канве.

Река черновиков горька,
Но дни пройдут,
И утечёт она в века –
Счастливый путь!

Ну а пока, за разом раз,
Стиха эскиз.
То скроется, то напоказ –
Души стриптиз!

Веду годам тяжёлый счёт
Наверняка,
Пока река черновиков течёт.
...Пока!

* * *

Две разных родины у нас
В душе с рождения теснятся.
Одну мы вспомним в смертный час,
Её не следует стесняться.

Другая – чёрная вдова,
Что холодна и равнодушна.
О ней недобрая молва,
Но с нею каждому не скучно.

И весь отпущенный нам век
Мы разрываемся меж ними,
Пока не оборвётся бег,
И в прах исчезнет наше имя.

* * *

Крест направо,
Такой же – налево.
А ещё – имена, имена...
Агриппина, Любовь, Параскева –
Их читать от темна до темна.

Можно долго ходить по погосту,
Где смешались эпохи впотьмах.
Там, где бранные русские кости
Превращаются медленно в прах.

Здесь лежат Василисы, Меланьи,
Здесь Нелид и Аксиный краса.
Сократились веков расстоянья,
Не сбылись на Руси чудеса.

Рядом с ними в земной колыбели –
Дети, матери, внуки, мужья...
Вместе слушают всхлипы метелей,
Бесшабашный прилёт воронья.

Крепостные, дворовая челядь,
Однодворцы, солдаты – они,
Жизнь делами привыкшие мерить,
Отзвенели их лучшие дни.

Здесь отчизны детей, поколенья
Перед Русью и Богом чисты...
Зарастают могилы сиренью,
Навзничь падают, охнув, кресты.

В сотах памяти
Время полмига
Отвело, наглумившись сполна...
Но в церковных метрических книгах
Я Красновых найду имена!

НОЧЬ В ИВАНОВКЕ

Над барским полем тусклая звезда
Мигает мне, как крепостным, столетью.
И месяц-всадник облаком, как плетью,
Мне угрожает. Что за ерунда!

В ночи бормочет глухо Карачан
По-скифски, по-сарматски и по-русски.
Он из ручьёв, извилистых и узких,
В озёра выливается, как в чан.

Их чернота пугает и манит.
Я воду зачерпну и ей умоюсь,
И, распрямившись, вмиг забеспокоюсь –
Почудилось, что тетива звенит.

А Карачан по-прежнему не спит,
С селом переговариваясь глухо.
В избе убогой древняя старуха
Скупой слезой подушку окропит.

И будет долго-долго вспоминать
По именам ровесников ушедших,
В краю чужом себе приют нашедших.
...А после – неожиданно зевать...

Как много судеб здесь произошло!
Как много здесь сбылось и не свершилось!
Здесь время для меня остановилось,
Но я обрёл желанное весло.

А может быть, крыло.

Не в этом суть.
Хотя никто не знает, в чём конкретно.
...Собачий лай над полем безответный
Кому-нибудь указывает путь.

Ивановка! Престранное село,
Где начался мой путь. Теперь уж взрослый.
Здесь в школе-храме пролетели вёсны,
Мне на людей здесь крупно повезло...

Я много лет в полях твоих бродил
И воздухом свободы наслаждался.
И каждый стих здесь по любви рождался,
Поверь, я время это не забыл!

...Уж многих нет. Я знал их и учил.
По-пушкински, простите, понемногу,
Они ушли последнею дорогой –
Не я их в этот край благословил...

...Над головою бледный Млечный Путь
Извечный разворот свой завершает.
Он будто солнцу снова разрешает
Восход свой совершить.
А жизнь – как ртуть!

И ядовита, и освящена
Огнём борьбы.
И не даёт мне спуску...
...Но Карачан теперь на чистом русском
Мне называет предков имена...

КОЧЕВНИК

Курганы на поле, как девичьи груди,
Ещё высоки и упруги на вид.
Зачем воздвигали их гордые люди,
Не спросишь у тех, кто под ними лежит.

Земля не ответит, и трав не услышишь,
Давно им не снятся сказанья степей.
Лишь точат зерно в норах серые мыши
Да вынес побеги колючий репей.

Всё это – рутинная проза столетий,
Покрыты замшелой землёй имена.
А в горле – запёкшийся ком междометий,
Как будто моя в этом тоже вина.

Но древний кочевник счастливей миллионов,
Что лягут в квадратные ниши кладбищ.
Он, видевший степи в убранстве зелёном,
Рожденье и гибель чужих городищ.

Над ним не унылые серые плиты,
А собранный тысячью рук чернозём.
К нему археолог придёт знаменитый,
И мир в одночасье узнает о нём.

Пронзённый копьём иль летучей стрелой,
Поведает тайны исчезнувших стран...
А нас экскаватор смешает с землёю,
Когда архитектор начнёт котлован.

Владимир ЧИСТЯКОВ

ГЛУБОКИЕ И ПРОНЗИТЕЛЬНЫЕ... ЕГО СТИХИ ЗАСТАВЛЯЮТ ДУМАТЬ И СОПЕРЕЖИВАТЬ.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК КУЛЬТУРЫ РФ, ЧЛЕН ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ, ЧЛЕН СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ ВЛАДИМИР ЧИСТЯКОВ НЕ ИЗДАЁТ ДОРОГОСТОЯЩИХ ПОЭТИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ И НЕ СТРЕМИТСЯ К СЛАВЕ, ОН ПРОСТО ПИШЕТ СТИХИ.

О войне и о любви...

РАССКАЗ ВЕТЕРАНА

«Дивный вечер, – сказал старик, –
Посидим, послушаем поле.
Слышишь, как стонет родник?
Это он от сердечной боли».
Мы молчали. Багряный закат
Не спеша окунулся в воду.
И сидел со мной рядом солдат
Сорок первого страшного года.
Тихо. Только поле в закатном огне,
Только речка плетёт волну.
И в тиши этой кажется мне:
Злой писатель придумал войну.
Но старик, начиная рассказ,
То умолкнет, то глухо вздохнёт
И от серых выцветших глаз
Вдруг украдкой что-то смахнёт.
«Этот бой рядовой, каких много,
Батальон окопался вон там, –
Указал он туда, где дорога
Подползала к рыжим кустам. –

Батальон – это так, по уставу,
Ну а было-то нас сорок три,
Сорок три от великой державы,
Сорок три от огромной страны.
Лейтенант, паренёк молодой,
Оставался у нас за комбата.
И сказал он: "За этой рекой
Для нас нет России, ребята".
"Нет России" – стучало в висках,
Тишина зловеще звенела.
"Нет России" – и злость на зубах
Придорожным песком скрипела.
Только дрогнуло поле вдруг,
Будто вывернулось с изнанки,
И десятки закушенных губ
Прокричали беззвучно: "Танки!"
Видел я, как уверенно, дико
Танки мяли спелую рожь.
От душевного горького крика
По спине побежала дрожь.
"Нет России" – ярость душила,
Ждал со связкой, вжимаясь в песок,

Но какая-то тёмная сила
 Вдруг упруго толкнула в висок...
 Я очнулся, уж кончился бой,
 Факелами танки горели,
 И в насмешку над злою судьбой
 Трое наших солдат уцелели.
 Мы обнялись, не плакали, нет.
 Стали крови дороже слёзы. –
 Замолчал и заплакал дед. –
 А могила их тут – у берёзы».
 Тихо. Только вскрикнет родник порой,
 Речка тянет волну к волне,
 Но сидит со мной рядом герой,
 И нельзя забывать о войне.

ОТЕЦ

*Мой отец И. П. Чистяков
 был участником
 Керченско-Феодосийской
 десантной операции.*

Он вечером придёт с работы
 И молча сядет у окна,
 А за окном смеётся кто-то,
 А за окном шумит весна.
 Седой, как снег, сидит угрюмо,
 До боли сжавши кулаки.
 Быть может, вспомнилось, как в трюмах
 Блестели острые штыки.
 Быть может, вспомнился тот берег,
 Глаза застывшие солдат.
 Он до сих пор не хочет верить,
 Что не придут они назад.
 – Что ты молчишь? – Устал, сынище.
 Да ночью снилась мне война...
 А я его медали чищу,
 И за окном шумит весна.

* * *

Не такая уж редкая штука,
 Как мы думаем иногда,
 Верность женщины как наука
 Оставаться с любимым всегда.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Я сегодня поеду к деду
 И куплю в магазине вина,
 Я приду непременно к обеду
 И поставлю портфель у окна.
 Выйдет дед, удивлённо глянет
 На портфель из лоснящейся кожи
 И к затылку руку потянет:
 Председатель оставил, может?
 Я шагну в зацветающий сад –
 Как давно ожидал этот миг.
 – Ну, ты будто бы и не рад,
 Отчего не встречаешь, старик?
 Заискрятся глаза слезами:
 – Ты приехал! А я не примечу...
 И, размахивая руками,
 Дед ко мне захромает навстречу.
 Я сегодня поеду к деду,
 Мы по чарке нальём в тишине,
 Выпьем с ним за святую победу,
 Но не будет слов о войне.

* * *

Всё пройдёт, останется печаль,
 Всё уйдёт, оставив память злую,
 И пока не поздно, обнимите даль
 И отдайте губы поцелую.
 Жизнь – игра, и ставка всё решает,
 Не беда, что проигрался весь.
 Не всегда достойный побеждает,
 Шулер же проигрывает честь.

* * *

Ты вдруг постигнешь неизбежность
 И расставаний, и потерь,
 Но всё ещё теплится нежность,
 Уже ненужная теперь.
 Несыгранная партитура,
 Размыты звуки и грубы,
 И уходящая натура
 Как тень судьбы. Как знак судьбы.

ДОРОЖНОЕ

Километры, километры...
 Сбился я уже со счёту.
 Только в поле тянут ветры
 Всё одну и ту же ноту.
 Только сопки пахнут хвоей,
 Только звёзды серебрятся,
 Только нам ещё с тобою
 Долго-долго не видаться.
 От костра потянет дымом,
 И в колеблющемся свете
 Вижу я глаза любимой,
 Что одни на всей планете.
 Вижу дом с окном знакомым,
 У плиты хлопочет мама,
 У крыльца в саду зелёном
 Вишня тянется упрямо.
 Дед со внучкою играет,
 И она смеётся звонко,
 Достоевского читает
 На скамеечке сестрёнка.
 Вышел вечер на дорогу,
 Посмотрел молодецкато
 И берёзку-недотрогу
 Одарил платком заката...
 А у нас рассвет струится
 В небе красно-голубом.
 Вижу я родные лица,
 Вижу я родимый дом.
 Километры, километры
 Не считаю я давно.
 Песнь разлуки тянут ветры,
 Им ведь, ветрам, всё равно.

Хабаровский край

* * *

Тоскливый дождь смывает память
 Касанья губ, сиянья глаз,
 И то, что было между нами,
 Уже не беспокоит нас.
 Грядут осенние туманы
 В преддверья белых зимних стуж,
 И пусть они бинтуют раны
 Измученных до боли наших душ.

* * *

Я от тебя так много не хочу,
 Я рад уж тем, что ты со мною рядом,
 Что голову склонила ты к плечу
 И смотришь улыбающимся взглядом.
 Я не хочу так много от тебя,
 Мне б только с губ твоих срывать дыханье
 И чувствовать, всем существом любя,
 Что ты – моё последнее призванье.

ВОСПОМИНАНИЕ

Ты в комнату войдёшь и молча сядешь
 В бордовом кресле у стены.
 Волос твоих пшеничных пряди
 Манящих запахов полны.
 И нет ни жеста, ни упрёка,
 Как будто я не уходил,
 И не смотрел в глаза жестоко,
 И глупых слов не говорил.
 Я знаю, где брала ты силы,
 Но горько сам себя спрошу:
 Как ты всё это выносила?
 Как я всё это выношу?

ВДОХНОВЕНИЕ

Бывает миг: от мысли дерзкой
 Трепещет жаркая рука,
 Бумажный омут рябью мелкой
 Волнует звонкая строка.
 Забуду всё и всё откину,
 И время вспять переверну.
 Я всё могу, я горы сдвину
 И в чайной ложке утону.
 Я буду весел от потери,
 Я буду плакать без потерь,
 Как в божество в тебя поверю,
 И ты в меня, прошу, поверь.
 Но ты уходишь без ответа,
 Ты таешь в дымных облаках.
 И только горечь сигареты,
 И только боль стучит в висках.

ТРУДНО БЫТЬ МЕДВЕДЕМ

Вертолёт Ми-8 с небольшим грузом и людьми на борту ясным апрельским днём летел из «Пионерского» в посёлок Центральный Лугинецкого месторождения. Внизу, насколько хватало глаз, расстилалась необозримая болотистая тайга, уходящая за сиренево-дымчатый горизонт. При практически полном отсутствии ориентиров. Разве что трасса зимника, петляющая внизу параллельно курсу, да извилистые таёжные речки и белые проплешины многочисленных озёр, встречающиеся по пути, разнообразили однотонный земной пейзаж. Да, «кругом тайга, одна тайга и мы посередине...»

Весна вступала в законные права и в этих северных широтах. Снежный покров приобрел грязноватый оттенок, темнел, подтаивал, обнажая на припёках бурые проплешины.

Экипаж вертолёта внимательно оглядывал знакомые до мелочей таёжные ландшафты. И не из праздного любопытства. Начинал-

ся так называемый пожароопасный период, и всему лётному составу малой авиации, работающей в нефтеносных районах, было предписано особенно внимательно обзирать землю во время полётов. На предмет своевременного обнаружения лесных пожаров. И любых других аномальных явлений. И, между прочим, самим строго соблюдать в воздухе правила пожарной безопасности, то есть не курить и не бросать с высоты непогашенные окурки.

Строгий запрет на табакокурение в небесах последовал сравнительно недавно, после того как один дотошный лесник с картой в руках доказал, что лес горит летом исключительно вдоль трасс местных авиалиний. Поскольку же воздушные суда заподозрить в распространении огненных катаклизмов оказалось невозможным в силу полного отсутствия с их стороны пожароопасных выбросов, то сам собой напрашивается вывод, что виной всему окурки, легкомысленно раскидывае-

мые экипажами и пассажирами вертолётов. Не успев погаснуть, никотиновые отбросы цивилизации, долетая до земли, с ужасающей наглядностью подтверждают истинность давнего ленинского утверждения по поводу искры, с диалектической неизбежностью перерастающей в пламя.

На основании гипотезы, выдвинутой и документально обоснованной склонным к аналитике защитником лесных ресурсов, и было наложено строжайшее табу на курение во время полётов. Страшно подумать, суровая епитимья касалась даже начальства.

Экипаж Ми-8 неукоснительно следовал последним инструкциям и, само собой, не спускал глаз с простирающихся внизу небогатых оттенками красот. Уже на подлёте к посёлку Центральный командир вертолётки заметил странный серебристый фонтан. Мощная струя, вырываясь из земных недр, поднималась выше векового кедрача.

Те же инструкции предписывали лётному составу, пролетавшему над нефтяными месторождениями, фиксировать и малейшие утечки «чёрного золота» из скважин либо нефтепроводов. Однако обнаруженный гейзер не попадал ни под одно из многочисленных печатных описаний выбросов нефти или газа. К ярко горящим газовым факелам непонятное явление также явно не имело никакого отношения.

В салоне вертолётки между тем поднялся заметный переполох. Среди пассажиров оказался представитель горнотехнической инспекции. Он, едва узрев загадочный фонтан, сразу определил его природу.

– Выброс сеномана! – заволновался инспектор. – Надо срочно радировать на землю! Поднимать всех на ноги! Вплоть до генерального директора.

Вскоре начальник ТУРБа в Пудине, начальник НГДУ «Васюганнефть» в Стрежевом и генеральный директор объединения «Томскнефть» в Томске читали срочные радиogramмы с тревожным сообщением о самопроизвольном выбросе сеномана из скважины номер такой-то в квадрате таком-то месторождения такого-то.

Аварийные рычаги объединения незамедлительно пришли в движение. К месту выброса сеномана устремились люди и техника из нефтяных подразделений, работающих в районе Лугинецкого месторождения. Джинна, вырвавшегося из-под земли, требовалось срочно законопатить обратно. Задача людей в борьбе со стихией изрядно облегчалась тем, что им пришлось иметь дело всё-таки с водой, насыщенной различными солями, а не с выбросами нефти или газа.

В данном случае упрощало укрощение скважины ещё и то обстоятельство, что оказалась цела колонна её оголовка, которая нередко срезается на время консервации. Теперь следовало лишь на фланец этой колонны прикрутить задвижку. Задача не слишком лёгкая, учитывая громадное давление рвущейся наружу воды. Но всё, в общем, было сделано как надо – задвижка прикручена, скважина закупорена специальным раствором, вместо сорванной с оголовка бетонной подушки залита новая, более надёжная.

Причину аварийной саморасконсервации старой скважины тоже установили. За два десятка лет, прошедших с момента её бурения, трубы проржавели, в них прорвался сеноман, залегающий на полуторакилометровой глубине и поэтому находящийся под огромным (порядка 150 атмосфер) давлением. Вот он и вышиб все закупорки скважины, словно пробку шампанского. Так примерно гласило официальное заключение комиссии.

Однако один мой знакомый таёжник настаивал на собственной версии развития событий на старой скважине. Причём утверждал, что являлся очевидцем злополучного происшествия.

...Медведь был голоден и зол. Свалывшаяся шерсть стояла на его загорбке дыбом. Он пёр напролом по вешней тайге, не разбирая дороги. Матёрого, но сильно отощавшего за зиму зверюгу злило абсолютно всё – и рыхлый рассыпчатый снег, ещё довольно глубокий в распадках, и быстрые пенистые ручьи, и корявые валежины, преграждавшие ему путь. Главной же причиной скверного настроения Михайлы Иваныча было то, что разбудили его

совершенно не вовремя. Виновата безалаберность водителя вездехода из нефтеразведочной экспедиции. Врухавшись по самую кабину в раскисшую колдобину прямо у берлоги, разбитной первопроходец принялся газовать, натужным рёвом дизеля распугав таёжное зверьё. Мощная машина, выбравшись на сухое место, деловито покатила дальше.

А Михайло Иваныч, разбуженный диким грохотом, несмотря на героические попытки, снова заснуть не сумел. Шумное исчадие рук человеческих к тому же прокоптило окружающую чащобу выхлопными газами. Вонючий смрад скоро проник и в берлогу, пришлось хозяину тайги ломиться наружу подобра-поздорову. Свежий лесной воздух, в свою очередь, мгновенно разбудил и зверский аппетит. Суровая зимняя диета, заключающаяся в сосании собственной лапы, спору нет, способствует сжиганию чрезвычайно вредных для организма жиров и шлаков. Важно лишь не увлекаться, не возводить борьбу с лишним весом в абсолют. Медведь и не собирался увлекаться. Голод погнал его на поиски пищи. Но жиры с углеводами в столь неподходящую пору в тайге не валяются. Ни ягод тебе, ни грибов, ни свежих побегов на деревьях. А какую ни на есть живность промыслить – нет мочи. Осталась слабенькая надежда на муравьиные кочки. Правда, от них проку, что бурундук наплакал, да ещё потревоженные мураши преобильно кусаются.

Шатун (и хоть, коню понятно, шатун не по собственной воле, но всё-таки шатун) брёл, поводя носом поверху. Он чутко улавливал малейшие ароматы, тончайшие оттенки знакомых с детства таёжных запахов. Медведь считал себя хозяином довольно обширной территории. Регулярно обходил суверенные дебри вдоль и поперёк, бдительно следил, чтобы никто из нагловатых сородичей не преступал обозначенных им границ. В случае вероломного вторжения нарушителя ждал скорый и жёсткий отлуп, непрощеный гость с позором изгонялся за пределы удельных владений. Сила – убедительный и единственный аргумент, признаваемый лесными обитателями при разрешении спорных вопросов.

Человек шарахнулся от него с громкими воплями. Михайло Иваныч решил, что эти странные двуногие существа не доставят ему и в дальнейшем особых хлопот, посему решил особого внимания на них не обращать. Хлипковаты для конкурентов.

Ошибся шерстяной абориген. Незваных пришельцев становилось всё больше. Они принялись бесцеремонно хозяйничать в его исконной вотчине – валить лес, воздвигать непонятные сооружения. Подобная дерзость чрезвычайно не понравилась таёжному старожилу. Он вознамерился было шугануть развязных гостёчков, отвадить от своих владений. Но те взяли моду передвигаться на огромных стальных чудовищах, громкий лязг и грохот коих вкупе с клубами синего вонючего дыма напрочь отбивали охоту даже приближаться к одиозным детищам прогресса. Сравнив широкие рубчатые следы, оставляемые металлическими страшилами, со своими, Михайло Иваныч впервые в жизни почувствовал собственное бессилие и унижительный страх перед непонятными пришельцами.

Если бы он читал газеты или слушал бы радио, то наверняка узнал бы, что в его владениях обосновались нефтяники. С помощью современной техники они рьяно принялись осваивать новое месторождение, получившее название Лугинецкого, по имени одного из первооткрывателей здешней нефти – Ивана Лугинца.

Но масс-медиа до неблагоустроенной берлоги косолапого бедолаги ещё не дотянули вездесущих щупальцев, потому испытывать симпатию к вахтовикам у медведя оснований не существовало. Плюс отвратительные запахи железа, мазута и отработанных газов. Правда, среди запахов, связанных с людьми, были привлекательные и даже аппетитные. Например, кухонные. Он подолгу со вкусом втягивал их носом, тем, однако, и ограничиваясь.

И вот теперь ноги сами несли его в заветном направлении. Ему оставалось лишь перейти небольшой быстрый ручей, и он окажется у вагончика котлопункта. Но страх, неборимый страх снова остановил его на пол-

дороге. Потоптавшись в нерешительности, недовольно заурчал, повернул в сторону и подался в обход посёлка нефтяников.

Попадись ему здесь и сейчас человек, ужо воздалось бы хомо сапиенсу за поломанную медвежью судьбину.

Разворошив со зла несколько муравьиных кочек, слегка заморив червячка, Михайло Иваныч вышел на обширную поляну, где опять ему в нос шибанул застарелый запах мазута. На глаза ему попался серый шершавый монолит, вроде валуна. Только правильной четырёхугольной формы, сравнительно небольших размеров. Судя по запаху, непонятная штуковина явно имела отношение к двуногим захватчикам, последних он уже физически терпеть не мог. Следовательно, валун подлежал немедленной порухе и уничтожению.

Михайло Иваныч для начала небрежно толкнул каменюгу одной лапой. Каменюга не шевельнулась. Толкнул ещё раз, посильнее – эффект тот же. Только лапу, без того изрядно покусанную злыми муравьями, зашиб. Неудачи вызвали у Топтыгина сильный прилив упрямой ярости. Обхватив неподатливый валун обеими передними лапами, попытался опрокинуть его, поднатужившись изо всех сил. Попытка вновь оказалась безуспешной...

Что за чертовщина? Бывало, сгоряча вон какие лесины с корнем выворачивал, а тут с чепуховой ерундой справиться не может. Ослаб за зиму аль приболел?

Войдя в раж, наш Сизиф со злым остервенением раз за разом бросался на безответный кусок бетона. Раз за разом неудачно. Утомившись, он решил завалить злополучную каменюгу чем ни попадя, чтоб не мозолила глаза. Схватив увесистый, в несколько метров длиной, обрезок ржавой толстостенной трубы, он со всей дури грохнул им по валуну. Покуражился чудненько, на загляденье оттопырился!

А уж эффект-то и вовсе превзошёл самые смелые ожидания косолапого вандала. Понеслось пронзительный свист, вслед за тем валун взмыл вверх аки пёрышко, обнажив трубу, из которой с громким рёвом вырвался мощный водяной фонтан, взметнувшийся выше леса. На обалдевшего от неожиданности Михайлу Иваныча обрушился горячий солёный дождь. Бедняга опрофанился, с перепугу пустил злого духа, затем бросился наутёк что есть мочи...

Мой знакомец случайно оказался у места происшествия. Насмерть перепуганный медведь едва не налетел на него, проскочив совсем рядом и обдав весьма непотребными запахами. Сам же рассказчик, по его словам, тоже изрядно трухнул, когда матёрый медведь чуть не сшиб его с ног. Громадный серебристый фонтан добавил зрелищу незабываемого колорита.

Медведь же, галопом одолев приличное расстояние от проклятого места, поуспокоившись, брёл по ставшему таким опасным лесу. Хотелось ему вернуться в беззаботное детство, хотелось снова прижаться к тёплому материнскому брюху, хотелось забыть, словно страшный сон, пережитый ужас. Хотелось плакать...

ЭКСТРИМ

Димка Старобахин вёл машину по извилистому таёжному зимнику на предельной скорости, поминутно рискуя опрокинуться на очередном вираже или врезаться в ближайшую лесину. Он спешил засветло выбраться из тайги с её коварными сюрпризами. Главное, чтоб не было встречных. На этом глухом сорокакилометровом перегоне между Батурино и Кайлушкой разъездов раз-два и обчёлся. Бульдозеристы, по обыкновению, поленились наделать их сколь положено. Не дай бог, встречная – канители не оберёшься. Придётся кому-то «прыгать» в целик, а другому после разъезда вытягивать его на дорогу. У Димкиного же «зилка» фаркоп и без того слабый, держится на честном слове. Не ровён час, оборвётся, тогда придётся щедро отхлебнуть «вина одинокого горя».

От экстремальной езды спина стала мокрой. Правда, и не клонит в сон, что иногда с Димкой случается. Особенно на ровной дороге и без попутчика. В кабине тепло, укачивает, глаза сами и закрываются. Опытные шофера для бодрости пьют чифирь – чересчур крепко заваренный чай. Но сие средство вредно скаывается на сердце. А Димка бережно относился к своему здоровью.

Лёгкий морозец подстеклил гладко укатанную колею, но наш любитель острых ощущений приноровился к ней, ехал, что называется, умеючи, бесстрашно закручивая замысловатые и рискованные выверты. Движок тянул во все свои сто шестьдесят лошадей. Отсутствие подозрительных стуков и «сверчков» указывало на тщательный и любовный уход за норовистым табуном. Сзади, в кузове, мерно побрякивала берёзовая лыжболванка – груз к толчкам нечувствительный и в меру увесистый. Вроде всё по уму. Только слегка

скучно одному. Сейчас бы попутчика, да поразговорчивей. Ещё лучше – попутчицу. Помоложе и посимпатичней. К сожалению, мечты о незатейливом человеческом общении – из разряда несбыточных. На десятки километров вокруг – одна сплошная дремучая тайга при полном отсутствии жилья.

Но вот впереди что-то замаячило. Похоже, человеческая фигура. Странно. Хотя... Вполне может азартного охотника занести в глухомань надежда на знатный трофей, или егерь обходит поднадзорные уголья. Чего доброго, сам Михайло Иванович припожаловал. От косолапых шатунов, любому коренному обитателю этих мест известно с детства, лучше держаться подальше...

Однако по дороге шёл всё же человек, довольно крупного телосложения, по сезону тепло одетый. На нём был добротный бараний полушубок, собачья шапка и толстые стёганые штаны, заправленные в серые подшитые валенки. За плечами пилигрима висел тощий рюкзачок.

Димка сбросил газ и начал притормаживать. Но машину на обледенелой трассе вот так запросто не остановишь. А мужик, слышав сзади автомобильный двигатель, обернулся и остановился, словно врос в землю. Живая иллюстрация бессмертному подвигу панфиловцев. Ведь Димке отворачивать некуда. Разве что за обочину, в снег, врыхаться по самое не хочу и сидеть, ожидая очередного пришествия Христа на грешную землю.

– Тебе что, жить надоело?! – отчаянно заорал Димка, высовываясь из кабины.

Незнакомца вопли водителя не впечатлили. Он продолжал стоять истуканом, с отрешённым выражением тёмного бородатого лица, будто не замечая напирательной на него

машины. И лишь когда казалось, что сейчас глухой удар возвестит о конце незадачливого камикадзе, он с неожиданным для его неповоротливой с виду фигуры проворством отскочил в снег, а в следующее мгновение уже забирался в кабину. Если учесть, что ЗИЛ продолжал юзить на тормозах по скользкой дороге, номер просто цирковой. Устроившись поудобнее на сиденье, исполнитель трюков из репертуара автомобильных вольтижировщиков по-хозяйски распорядился:

– Давай, газуй.

Голос был неприятно хриплым. Лицо мужчины, грубое, словно топором вырубленное, тоже не внушало симпатии. Пегая, до самых глаз, растительность приятности облику явно не добавляла. Но главное – глаза. Один светлый, зеленоватый, другой – ярко-коричневый. Признайтесь, чрезвычайно редко встречающееся сочетание. При этом взгляд их одинаково источал мрачную тяжесть.

Димке показалось знакомым лицо неожиданного попутчика. Угрюмое лицо с разноцветными глазами определённо кого-то ему напоминало. И в то же время он мог бы с уверенностью сказать, что видит хрипатога субъекта впервые. Впрочем, кто его знает... Может, где и встречал. Мимоходом. На улице, например. Случайно и запечатлелась в уголках памяти малосимпатичная физиономия.

– Рисковый ты мужик, дядя, – едко заметил Димка, включая скорость. – А если бы у меня тормоза отказали? Тебя в морг, меня в тюрьму?

– Хорош базлать! – холодно оборвал его разноглазый. – А тормоза, вьюноша, вообще придумал трус.

– Образованного, оно издалека видно, – не унимался Димка. – В наших краях, вестимо, проездом из города Парижу? – Про Париж было ввёрнуто в связи с недавно прошедшим фильмом о великом комбинаторе.

– Лишние знания умножают старость, – последовал философский отлуп.

– Тогда куда бредёшь, отец? Или подобные вопросы тоже укорачивают жизнь?

– В направлении Кудькиной горы... – После небольшой паузы последовало: – Сынок.

– Да, не повезло мне с попутчиком, – с деланой грустью констатировал шофёр. – Другие сядут, расскажут анекдот, за жизнь поговорят – глядишь, и доехали. А с тобой... Ну не мой, похоже, день сегодня. Точно не мой.

Однако разноглазый так посмотрел на Димку, что у того отпала охота продолжать разговор.

«Интересно, откуда он здесь взялся? – озаботился водитель, задетый за живое вызывающим поведением странного пассажира. – И вообще, что это за гусь?»

В самом деле, поблизости жилья нет. Нет и ни одной развилки дорог. Допустим, он охотник. Но нет ни лыж, ни собаки, ни ружья, наконец. Рыбак? Но полное отсутствие рыбацких снастей свидетельствовало об ошибочности и этого предположения. К тому же и рыбачить-то в сих забытых богом местах негде – до ближайшего водоёма около пятидесяти километров.

Не рыбак, не охотник. Тогда кто? И какая нелёгкая занесла его на глухое перепутье?

«Да ну его к едрене фене, пупка разноцветного! – в конце концов решил Димка. – Не хочет разговаривать, и чёрт с ним. Переживём, не сорок первый!»

И шофёр всё внимание сосредоточил на дороге. Она, словно живая, бежала навстречу, виляя меж вековыми соснами и елями, увешанными тяжёлыми снеговыми веригами. Вот тайга начала понемногу расступаться по сторонам, дорога пошла прямее и шире. Вскоре впереди, в зыбкой ночной темноте, замигали далёкие огоньки желанного человеческого жилья. Посёлок Первопашенский показался. Он же, впрочем, и Большая Юкса, а ещё и Кайлушка. Первое из наименований таёжному посёлку присвоил райисполком, второе – леспромхоз, имеющий здесь лесоучасток, а третье – народное просторечие. Последнее, как водится, оказалось самым живучим и распространённым.

Приободрённый заветными огоньками, Димка поприбавил скорости. Таёжная дорога изрядно утомила его, организм действительно

требовал «дозаправки». В Кайлушке столовая ещё работала, да и особый интерес имелся у нашего лихого водителя в этом заведении общепита. Звали «особый интерес» Надей. Светловолосая, привлекательная, фигуристая, с широко распахнутыми голубыми глазами буфетчица ему тоже вроде симпатизировала. Вполне возможно, что она кокетничала с ним просто в силу общительности характера и весёлого нрава, однако именно надежды юношей питают.

Да и, собственно говоря, чем, к примеру, Димка нехорош? В армейской шеренге стоял на правом фланге. Как и положено нормальному сибиряку, в остальных военных дисциплинах являл образцы, с назидательностью использовавшиеся отцами-командирами в качестве обучающих пособий для изнеженных и слабых здоровьем хлипаков, составляющих красу и гордость отечественных мегаполисов. Удар справа если и уступает по силе знаменитому хуку Али, то (спорно, но молодость склонна преувеличивать) совсем немного. Их диспетчер Татьяна, та вообще (вот он, момент истины) говорит, что он внешнеостью шибает на киноактёра Тихонова. А кто у нас Тихонов? Ни много ни мало секс-символ эпохи (к сожалению, уходящей).

Аутотренинг закончен, пора, пора перекусить и пообщаться с властительницей сладких грёз. Взглянуть в глаза жизнерадостной хохлушки и огорошить давно заготовленной фразой: «Гуд ивнинг, май лав!»

Кайлушка открылась сразу, едва машина выехала из-за последнего таёжного поворота. Тут же замелькали полузаваленные сугробами стандартные двухквартирные домики окраинной улицы, освещённой редкими неяркими фонарями.

Димка начал сбавлять скорость.

– Здесь будем ужинать, – вспомнив про мрачного пассажира, сообщил он.

– Не надо суетиться, малыш, – вкрадчиво осадил водителя угрюмый пилигрим. – Ехай дальше! – А вот это прозвучало уже безапелляционным приказом.

– Не понял... – изумлённо протянул в мыслях элегантно расположившийся у буфет-

ной стойки ловелас. – Между прочим, ты не в такси, – стал расставлять точки над «i» Димка. – Поэтому, батёк, прошу в дальнейшем вести себя соответственно. Ежели особо торопишься, попробуй дальше бегом. Есть люди, я слышал, выдающихся успехов добиваются в этом виде спорта, лошадей обгоняют...

В следующее мгновение правый локоть нравоучителя сдавило, будто железными тисками, перед носом зловеще замерцало остриё охотничьего ножа.

– Паренёк, а вот борзеть не надо! Говорят тебе ехай, значит, ехай.

– Мужик, ты чего, с головой не дружишь? – попробовал артачиться Димка. – Крыша уехала?

– Шустрить, брателло, в морге будешь! Шчас вякать погоди.

Локоть сжало ещё сильнее, нож коснулся горла. Димка растерялся, просто оторопел от неожиданности. Слишком резким оказался переход от фривольных фантазий к фантазмагорической действительности. Пока мозг оценивал ситуацию, правая нога, повинувшись инстинкту выживания, нажала на педаль акселератора. Стоило машине набрать скорость, как нож отодвинулся в сторонку, локоть освободился от стальных тисков. Происшедшее заняло не больше минуты. Опомнившись, Димка заметил, что столовая, а с ней и прекрасная буфетчица остались далеко позади, машина выскакивала из посёлка. Навстречу ей снова чёрной стеной надвигалась тайга.

«Называется, легла карта, поди, хвалёные охотники за адреналином со всего мира мечтают о такой прухе, – накручивал себя невольный экстремал. – Неужели слабак я? Нож показали, я и в штаны готов наложить? Ну, погоди, крыса, посмотрим ещё, у кого круче козыри. Только бы дотянуться до баллонника. Тут он, где-то под ногами перекачивается...»

Однако и разноглазый дремать не собиравался, словно прочитав мысли шофёра, пресёк рискованные поползновения:

– Братан, сиди смирно! – с уже привычной бесцеремонностью предупредил он. – Дёрнешься – потроха на перо намотаю. Усёк?

Сказано яснее ясного. Слово приглашенный билет в рай выписали. Похоже, парень-то псих ненормальный. Или сильно головой ударился в далёком детстве? Опять же закавыка: далеко не каждому, даже гениальному сумасшедшему, в башку придёт резать человека за желание поужинать. Димка ломал голову, пытаясь найти объяснение, казалось бы, беспричинной агрессивности пассажира. Стоп, а словечки-то явно уркаганские. Косит или...

Наконец-то он вспомнил. Точно! Бандитскую харю своего нынешнего «братана» он видел на стенде у горотдела милиции. Под портретом работы неизвестного милицейского фотографа стандартно описывалось, что разыскиваемый преступник является особо опасным рецидивистом. Возможно, вооружён...

Жить становится всё интереснее и веселее! Дорого бы дал Димка, чтобы оказаться подальше от подобной веселухи. Видать, бандюган отсидивался где-то в таёжной избушке до поры до времени, а нечего стало жрать, так и выполз на свет божий из своего логова. Известно, чтобы жить, надо есть, а чтобы есть, надо работать. Похоже, труженник пера и кистеня и направляется на работу, заниматься древним варначьим промыслом. Мужик, видать, резкий, успеет делов поднатворить, пока спеленают.

Надо останавливать. Тем более дело становилось личным. Обращаться с шофёром, представляющим простое, но чрезвычайно уважающее себя племя автомобилистов, будто с шестёркой, – явный перебор, гражданин урка. Переть на рожон, конечно, не стоит. Расклад пока не тот. Охотничий нож, да ещё в умелых руках, аргумент серьёзный. Следует включить мозги, действовать наверняка и с умом.

Тайга кончилась. Дорога вырвалась на просторы чулымского поймища. Кругом белела снежная равнина с рассыпанными по ней стогами и мелкими кустарниками. Лишь по гривам, словно дозорные богатыри, высились могучие сосны в окружении стылых берёзок. Окружающий ландшафт обливал дряблый свет ущербной луны, выглядывающей из-за плотных туч.

Дорога – хоть на боку катись. Обычно этот участок зимой богат на неприятные сюрпризы. Стоило чуть забуранить или потянуть даже слабой позёмке, и пиши пропало – не проехать. Немало снегу шофёрской братией здесь перелопачено, частенько заковыристые матюги сотрясали окружающую благодать, солёный пот проливался тоннами. Но, видимо, недавно дорожный мастер Асиновского ДЭУ Василий Иванович Конев со своими механизаторами здесь поорудовал. А он мужик с соображением, заставляет бульдозеристов не только дорогу чистить, но и с наветренной стороны снежную целину пропахать. Канаву сделать. Поэтому во время бурана её в первую очередь снегом забрасывает, дорога же остаётся проезжей.

Сейчас же, наоборот, снежные заносы на дороге оказались бы ох как кстати. Упёрлись бы в сугроб, и волей-неволей пришлось бы останавливаться и браться за лопату. А уж лопата-то в умелых руках – аргумент тоже далеко не слабый. Бывает, бывает, и хошащая дорога для шофёра оборачивается чёрным невезением.

ЗИЛ пошёл на подъём. Вскоре впереди замаячили фонари Крутогорки. Шальную мыслишку остановить машину, кликнуть на помощь людей и скрутить рецидивиста пришлось отбросить. Люди-то люди, да что толку? В старых советских фильмах, воспитывающих коллективизм, стоило положительному или вставшему твёрдо на путь исправления отрицательному персонажу оказаться в беде, как окружающие моментально вырастали рядом, подставляя натруженные плечи. Жизнь, к сожалению, немного отличается что от тех фильмов, что от оптимистических американских боевиков с их всепобеждающими суперменами. Степенные деревенские обитатели, управившись со скотиной, теперь сидят перед телевизорами либо ложатся спать. И даже услышав на улице крик или шум, не вот так сразу выскочат. Да и выскочат ли? Кому охота вступать в чужие дела? Тем более в ночное время. Значит, рановато действовать, нужно искать другие шансы.

Крутогорку трасса пересекает поперёк и затем, скатившись с отрога в болотистую низину, снова ныряет в тайгу. И опять они один на один: машина с дорогой, Димка с разноглазым.

Машина между тем продолжала пожирать километры. Остались позади Минаевка, Большой кордон, Новониколаевка, Митрофановка... Рукой подать оставалось до Асино. Не доезжая Челбаковского лога, они нагнали гружёный лесовоз. Прежде чем обогнать тяжело пышущий дизельными выхлопами МАЗ, Димка некоторое время шёл следом, прижимаясь практически вплотную к корявым пикам хлыстов. Стоит лишь резко газануть, и его ЗИЛ врежется в косо обрубленные острые вершины. Передок – вдребезги, вентилятор – на радиатор, им с приклатнённым пассажиром – геройская смерть. Немного поразмыслив, Димка пришёл к выводу, что трагическая кончина в обществе отморозка не самый привлекательный способ ухода из жизни. К тому же неизвестно, что станет с водителем лесовоза. Если даже МАЗ удержится на трассе, попробуй-ка постфактум объясни наличие двух изуродованных трупов, получившихся явно не по вине крупозного воспаления лёгких или неизвестной доселе формы ящура.

Шофёрская солидарность вкупе с желанием жить, абсолютно нормальным для любого живого организма, тем паче молодого, дышащего здоровьем и воспринимающего саму мысль о неизбежности смерти как кощунственную, победили. Вздохнув, заложник пока чрезвычайно пакостно складывающихся обстоятельств поддал газу и пошёл на обгон. Именно во время манёвра, совершенно неожиданно, пришло решение мучившей его проблемы. Сразу полегчало на душе. Хотя план, безусловно, достойный громоподобных оаций мирового сообщества экстремалов, лично ему не сулил ничего хорошего...

Челбаковский лог он проскочил одним махом. На четвёртой. В том же темпе погазовал дальше. Димка прямо упивался скоростью. На поворотах машину заносило, и порой опасно. Он чувствовал, что колёса то с одной

стороны, то с другой временами зависают над дорогой, но скорости не снижал, успевая вовремя крутануть баранку в нужную сторону. И машина послушно обретала теряемую устойчивость.

– Э, братка, куда ты гонишь? – не выдержал разноглазый.

– Как куда? – удивился Димка. – В Асино поспешаю. По домочадцам соскучился. Да и ты, мой друг, честно говоря, уже надоел. Из-за тебя натошак ехать приходится.

– Дело твоё. Только мне, один хер, скоро лоб зелёной разукрасят, а тебе-то вроде рановато боты застёгивать.

– Не дрейфь, мужик! Суждено быть повешенным – ни за что не утонешь. Проверено.

– Как знаешь, – снова вернулся к философскому восприятию жизни пассажир.

Димка прекрасно понимал, что пока он за рулём, именно он хозяин положения. Видимо, понимал это и его угрюмый спутник, оставивший на время попытки взять ситуацию под контроль. Однако помнил Димка быстроту и ловкость действий своего визави, потому и не обольщался показной апатией опасного соседа. Ухо нужно держать остро, особенно в преддверии Асино, где есть железная дорога, стало быть, отпадёт и необходимость в автомашине. Весёленькая же перспектива убедиться на собственной шкуре в действенности старинного бандитского рецепта по заметанию следов – «мешок на голову, вилы в бок – и в колодец» – нисколько не прельщала. Значит, скорость и ещё раз скорость.

Показалось Асино. Ярko засветили в ночи наружные фонари и глазастые окна бензозаправочной станции. Доведётся ли когда-нибудь здесь ещё заправляться?

– Земеля, в Асино тебе куда? – с деланным безразличием поинтересовался предупредительный водитель.

Ответа не последовало.

– Ты что, оглох?! Али уснул?! – По громкости вопрос уже мог посоперничать с рёвом носорога в африканской саванне.

– Не ори, не дома... – прохрипел разноглазый, оставив вопрос без ответа.

Чувствуя, что развязка приближается, и стремясь не прозевать нужного момента, Димка решил зайти с другого конца:

– Знаешь, мне лично без разницы, куда тебе надо. Я сейчас буду сворачивать в родное АТП. Здесь напрямик – рукой подать. Но до Крайней, по знакомству, мог бы подобрать.

– Братка, не понтуйся, забудь про АТП, – среагировал навязчивый пассажир. – Меня доставишь на место и хилый куда знаешь. Ясен перец?

– Ясен-то ясен. Только где эта улица, где этот дом? – пропел почти Утёсов.

– На «Нефтебазе».

Ну вот, пункт назначения известен. «Нефтебаза» располагалась на другой окраине города, естественно, у самой железной дороги. Рядом первая остановка пригородных поездов – «Бараки». Понятно стало, куда целит его разыскиваемый милицией пассажир. Сядет ночью в поезд на глухой остановке, где милиция не водится по определению, и покатит прямым ходом до бойкой станции Тайга. Там купит билет на любой проходящий поезд – и ищи ветра в поле. Страна большая, и затеряться в ней – два пальца об асфальт.

С суровой неотвратимостью накатывал решающий момент обыденного поначалу рейса. Наступала пора действовать. Местом для исполнения задуманного Димка определил железнодорожный переезд. И вдруг ему нестерпимо захотелось жить, что называется, накатило. Вспомнил, что ещё и не жил вовсе. Только и успел окончить десятилетку да отслужить в армии, где и получил злосчастную шофёрскую профессию. Небось, работай он, скажем, токарем или слесарем, не было бы и теперешней встречи с разноцветным бандюгой. Вспомнил и про мать. Досталось ей, вырастила его без отца. В последнее время частенько намекала, что давно ей пора внучат уму-разуму учить. А Димка с женитьбой не спешил. Хорошее дело, дескать, браком не назовут. Наконец зацепила Надюха с Кайлушки, дак нет, на пути в тихую семейную гавань обязательно нарисуеться бородастая ворюганская рожа.

А может, плюнуть на гражданина рецидивиста? Подбросить его до «Нефтебазы» или там до «Бараков», пусть катится на все четыре стороны. Кто сказал, что шофера должны задерживать опасных преступников, отымать хлеб у нашей доблестной милиции? Опасная и трудная служба, с детства из песен всем известно, у скромных тружеников и незаметных героев Министерства внутренних дел. Водитель, согласно тому же песенному жанру, должен крепко держаться за баранку и наблюдать серую ленту дороги. При этом ни о каких здоровенных уркаганах с охотничьими ножами под боком речи вообще не ведётся.

Однако Димке пришлось со вздохом признать неубедительность приводимых доводов. По большому счёту, дело даже не в самоуважении, задетом самолюбии, достоинстве. Да и не в моральной ответственности за чудеса, кои, безусловно, натворит, оставаясь на свободе, сей бородастый субъект. Вернее, не только в этом. Если уж пацан просчитал намерения матёрого бандюгана, то у опытных уголовников, тем более находящихся в розыске, на подсознательном уровне выработано чутьё на опасность.

К сожалению, Димка представлял прямую угрозу свободе и жизни разноглазого. Так что мирно расстаться, помахав ручкой друг дружке на прощанье, не получится. Достоинные представители криминальных кругов в подобных случаях предпочитают расставаться навечно и с гарантией в виде контрольных выстрелов, при отсутствии огнестрельного оружия без затей перережут горло. Ладно, покажем авторитету настоящий экстрим. Замерим толщину прямой кишки землячку.

– До «Нефтебазы» бензину может не хватить, – озабоченно почесал затылок Димка, – указатель уровня врёт безбожно.

– Вези докель хватит, – легко согласился пассажир. – Там, на месте, и сочтёмся.

– Косарь для расчёта приготовил? – кивнул Димка на нож, остриё которого по-прежнему поблёскивало у его живота.

– Не блатуй, парняга, живи мужиком. Всё будет пучком, – осклабился, отодвигая нож, весьма довольный собой разноглазый.

И желая окончательно успокоить шофёра, добавил: – Век воли не видать, бродяга, доставишь – и свободен, как сопля в полёте...

Город спал. Дома глядели на улицу чёрными глазницами окон. Редкие уличные фонари кидали на дорогу неяркий рассеянный свет. Машина неслась по городской улице с той же бесшабашной скоростью, что и раньше, благо по-прежнему ни единой живой души видно не было.

Автобусная остановка «Дружба». Против памятника Победы – поворот на улицу Николая Довгалюка, бывшую Трактовую, переименованную так в честь сотрудника милиции, погибшего при задержании вооружённого преступника. Поворот Димка прошёл с ювелирной точностью. Близилась кульминация, участники автородео вышли на финишную прямую. Финиш – железнодорожный переезд, правда, знал о близости финала лишь один участник заезда. На переезде стрелочники дежурят круглосуточно, у них имеется надёжная телефонная связь с дежурным по станции. А одним из условий блистательного апофеоза шоу на колёсах являлось наличие зрителей, можно зрителя, но обязательно с телефоном, позволяющим быстренько связаться с известным и по-настоящему профессиональным ценителем подобного рода зрелищ – абонентом «02».

Впереди показались красные мигающие огни переезда, с быстротой наплывающие навстречу. Двигатель привычно басил на максимальных оборотах. «Пора», – определил Димка, прикинув на глазок расстояние. Близко от переезда, но без ущерба для него – второе условие успешности плана.

Димка вильнул рулём вправо, затем резко вывернул налево. Одновременно нажал на тормоза. Тормоза не подвели. Перед глазами враз замельтешило. Машина опрокинулась. Глухой удар, треск, звон и металлический скрежет слились воедино. Дополнил какофонию испуганный хрип разноглазого бугая:

– Твою мать! Удавлю, па-а-адла-а!!!

Позлорадничать Димка не успел. Яркая вспышка полыхнула перед глазами, наступила чёрная ночь. Он не слышал, как к месту аварии примчались вызванные перепуганной стрелочницей милицейский УАЗ и РАФ скорой помощи, как извлекали его и пассажира из безнадёжно изуродованной кабины, как оказывали первую помощь.

Очнулся он уже на больничной койке, изрядно перемотанный бинтами. Тело саднило и жгло. Голова гудела и будто разламывалась на части. Перед глазами плавали огненные круги.

– Смотри-ка, вроде пришёл в себя! – обрадовалась немолодая женщина с добрым лицом, склонившаяся над ним. И с лёгкой укоризной покачала головой: – Строжится, строжится над вами ГАИ, чтоб вы не лихачили, а вам всё неймётся...

Димкина душа радостно затрепыхала: «Жив! Получилось, значит».

– А как мой пассажир? – забеспокоился он, вспомнив про бандюка.

– Живой, хоть тоже весь израненный, – успокоила медсестра.

– Где он?

– Его почему-то сразу отсюда в Томск увезли. Видать, шишка большая. Да ты не переживай, мы тебя здесь быстрее на ноги поставим, – истолковав его беспокойство по-своему, посочувствовала она. – Главное, что оба живые, так что, поди, и без суда обойдётся. А машина, знаешь, железо, оно и есть железо...

– Ладно, переживём. Пережить можно всё, кроме своей смерти, – раздвинул пересохшие губы в улыбке пациент. – Ещё говорят, хлопа танком не раздавишь, «зилком», оказывается, можно. Экстрим, называется...

Сердобольная медсестра, решив, что аварийщик бредит, заботливо поправила одеяло и вышла из палаты.

Александр СУХАЧЁВ,
город Рубцовск, Алтайский край

Валерий АРШАНСКИЙ

35 лет назад не стало замечательного русского писателя, классика отечественной литературы, великолепного мастера-новелиста Юрия Павловича Казакова. Судьба отмерила ему очень непродолжительный путь: родившись в августе 1927 года, он умер 29 ноября 1982-го. В биографии писателя-москвича (хотя родители его родом со Смоленщины) были строительный техникум, затем музыкальное училище имени Гнесиных (прекрасный контрабасист!), работа в оркестре столичного театра, а затем – главное – Литературный институт имени Горького и книги. Книжки, которыми зачитывались все любители российской словесности, ибо Казаков, оставаясь самим собой, был в то же время хрустальным Бунинным, нежным Паустовским, изумительным Шмелёвым в одном лице.

Чтобы стать настоящим писателем, он стремился пройти все горьковские университеты: много ходил пешком, постоянно наблюдал, замечал, что-то записывал. А что-то откладывал в памяти, охотился, рыбачил, заводил новых друзей, ночевать старался не в гостиницах, особенно бывая на Севере, а в домиках простых людей, постигая их говор и быт. А в результате рождались шедевры мировой литературы: «Голубое и зелёное», «Арктур – гончий пёс», «Северный дневник»...

В 1984 году моим коллегой-журналистом из Орла, поэтом и прозаиком, другом по жизни, однокашником по журфаку Воронежского государственного университета Дмитрием Порушкевичем была записана на Орловском радио передача «Юрий Казаков в Орле».

Руководитель регионального отделения Союза российских писателей Дмитрий Павлович Порушкевич хранит в своём домашнем архиве и другие записи голоса Юрия Казакова, подаренные ему книги «от автора», где в написанных наискось, шариковой ручкой, строчках – полное неприятие официоза, слова друга, особая искренняя интонация. Они не раз встречались на даче писателя под Москвой, в Абрамцеве, на юге, в Гаграх, в

Орле. В 70-е – 80-е годы Дмитрий Порушкевич работал в редакции газеты «Орловский комсомолец», в Орловском комитете по телевидению и радиовещанию. Тогда и были опубликованы в молодёжной газете последние рассказы Юрия Казакова «Свечечка» и «Во сне ты горько плакал». На Орловском телевидении была выпущена передача о писателе и с его участием. После смерти прекрасного писателя в программе Орловского радио прозвучал очерк, посвящённый его памяти, – «Юрий Казаков в Орле».

– И сейчас вспоминается, как он приезжает из Москвы в Орёл вечерним поездом и как мы, добравшись с вокзала, вваливаемся с его рюкзаком, с зачехлённым ружьём, с какими-то сумочками ко мне в квартиру. И заполняет тесную кухню его густой голос, его гипнотизирующие рассказы, – говорит Дмитрий Порушкевич, любезно согласившийся передать свои записи для эксклюзивной информации.

Дмитрий ПОРУШКЕВИЧ

Да, в середине 70-х годов орловская молодёжная газета опубликовала два рассказа Юрия Казакова: «Свечечка» и «Во сне ты горько плакал». Это были последние рассказы Юрия Павловича. После них ещё был написан киносценарий «Великий самоёд», отрывок из которого также напечатал «Орловский комсомолец». Работа над сценарием шла мучительно, писатель её проклинал, фильм ему впоследствии не понравился, а вот рассказы, долго вынашиваемые, были написаны в один присест, и с блеском, как считал сам Казаков, хотя и с разницей в три года.

Об этих рассказах-шедеврах я упоминаю, потому что с Орлом связана их первая публикация. Юрий Павлович дважды приезжал в наш город, и его приезды, интересные сами по себе, требуют отдельного разговора. Но не об этом сейчас.

Именно тогда я начал записывать на магнитофонную плёнку беседы с ним, продолжив их затем в Абрамцеве, на даче Юрия Павловича.

Разумеется, были вопросы и о творческих планах писателя. Среди намечаемого он называл книгу рассказов о еде. Честно говоря, поначалу я отнёсся к этому замыслу с недоверием. «Небось, шутит маэстро», – подумал. Но он не шутил.

Общественное мнение в те годы было подмято официальными установками. Помню, например, на одном из идеологических активов энергичный, быстро растущий партийный работник поощрительно рассказывал о понравившейся ему встрече с рабочими, на которой «никаких шкурных вопросов о мясе, о колбасе не было». То есть он сразу упредил возможные вопросы присутствующих на активе. Так что тема, которую избрал Казаков для задуманной книги, была по тем временам очень нежелательной.

Но что значит «нежелательной», если рассказы ворочались в нём, обретая осязаемость? Он уже начал обкатывать их на слушателя (такова была его творческая манера), они уже зрели в нём, уже приближался момент написания. Написать он не успел.

Может быть, какие-то наброски, пометки и были, хотя громоздких архивов писатель не заводил, а те немногие бумаги, которые хранились у него, пропали частью при краже на даче при жизни писателя, частью исчезли после его смерти. С ними пропала и перепечатанная мною по просьбе Юрия Павловича расшифровка двух его устных рассказов из этой «гастрономической» книги. Оставшаяся магнитофонная запись – единственное материальное подтверждение не реализованного замысла.

О КВАШЕНОЙ КАПУСТЕ, СЫРОМ СИГЕ И МАЛОСОЛЬНЫХ ОГУРЧИКАХ

Юрий КАЗАКОВ

В последние десятилетия еда всё время упрощается, ухудшается. Человек сначала перешёл к консервам, потом к пакетикам. И не знаешь, до чего это дойдёт. А еда, настоящая, вкусная, разнообразная, уходит.

А так как у меня, по-моему, есть отличие от других людей в том, что у меня немножко лучше, чем у других, чутьё, вкус, то я считаю, что мог бы быть поваром очень хорошим. Ведь качество повара зависит не от того, умеет или не умеет он мешать в кастрюле, долго

он варит или нет. А качество повара заключается в том, что он непрерывно пробует на вкус: всё ли тут есть или чего-то не хватает? Это своего рода дегустатор. Не каждый может быть дегустатором.

Меня Лихоносов как-то удивил, в письме признавшись, что он не обладает никаким чувством вкуса: то есть он знает, что ему хочется есть, и какой суп ему ни налей – солянку рыбную, или мясную, или ещё что, – он всё равно будет хлебать. Ему безразлично. Такой вот обеднённый вкус в смысле еды.

Ну а так как я в своих странствиях несколько раз испытывал настоящий поэтиче-

ский восторг от еды разного рода – и в разных обстоятельствах, – то мне захотелось это соединить в одну такую вещь. Не знаю, какая там форма будет, надо ещё придумать.

Ну, например, я попробовал впервые в шестидесятом году так называемую квашеную сёмгу, которая на меня сперва произвела впечатление просто тухлой сёмги. Потому что она издавала определённое зловоние. Но когда я увидел, что хозяин и пришедший к нему гость-сосед, выпивши по стопке водки, с удовольствием, с наслаждением наинулись на эту сёмгу, тогда решил и я её попробовать. И вдруг оказалось, что у неё совершенно божественный вкус. И, как плоть, она просто таяла во рту. Уже примерно через десять или через двадцать минут её запах перестал раздражать меня. После этого я много раз её ел на Севере. А её «тухлость», как я потом узнал, заключается вот в чём.

Дело в том, что сёмга для продажи должна быть малосольная (к сожалению, теперешняя рыба слишком солёная). Малосольная, она быстро приобретает вот такой неприятный запах, поэтому сёмгу засаливают на льду. Чаны деревянные стоят в темноте, вхо-

дишь в подвал со свечкой, как в катакомбы, холодно там – через некоторое время ты уже продрогнешь. И вот в деревянных чанах, в этом тузлуке плавает прекрасная сёмга. А рыба для домашнего потребления (потому что нет же рыбака, чтобы ловил для государства, а себе домой не принёс бы) приносит домой. И это знают, не считают даже. Ну сколько он принесёт?! Ну бочку сёмги, килограммов сто засолит. И когда она у него на льду не стоит, с

Юрий Казаков (справа) и Дмитрий Порушкевич.
Фото из архива Д. П. Порушкевича

ней быстро происходит какая-то консервация, то есть она не тухнет, не разлагается. С ней происходит примерно то же, что и с квашеной

капустой. Ведь когда капуста киснет, она начинает бродить, пениться: когда палкой протыкаешь её, выходит сероводород. Такой дух! Тоже очень неприятный запах. И считается, что капуста не готова, пока этот запах... А дело в том, что в момент брожения в ней

выделяется молочная кислота, которая преобразует дальнейшее ухудшение её качества. Так и сёмга.

Ну вот это – одно. Но дело в том, что просто писать кулинарную книгу было бы глупо. Хотя в этом ничего зазорного нет. Если написать несколько таких кулинарных рецептов и вообще вкусовых ощущений, то каждый с наслаждением прочтёт. Но мне хотелось бы, чтобы это был какой-то рассказ, чтобы еда

была бы кульминацией данного рассказа. Один такой рассказ у меня придуман. Правда, я его ещё не написал. О том, что... мне пришлось быть в страшном таком, причём недели две, состоянии. В смысле тоски по еде.

Я пробирался в Ленинград по Мариинской системе. С ночёвками и задержками в Вытегре и так далее. Питался я в столовых. Ну, столовые, тем более тамошние, – это что-то невероятное. Просто нельзя было есть ничего, было так плохо приготовлено. Я уже измаялся. Мне стали сниться сны гастрономические, что я ем дымящуюся картошку с малосольным огурцом. Но их негде было взять. Это всё же в таком, в домашнем, частном хозяйстве, а тут – нарпит, который лишал меня этого наслаждения...

Старинная Мариинская система, кстати говоря, – это деревянные шлюзы; и бабы эти несчастные, которые ворота крутили, открывая шлюзы и закрывая; и народ, который выходил с парохода и шёл вперед. Потому что четыре километра ты пройдёшь, собирая ягоды, цветы, малину, наберёшь грибов и придёшь к какому-то шлюзу очередному, и ещё будешь два часа ждать, пока твой пароход подойдёт. С такой медленностью всё это было.

Ну и, наконец, приехал я в Белозёрск.

Дальше разворачиваются события, всё нагнетающие мою тоску. И тут я совершенно случайно обнаружил... Шёл вдоль канала и вдруг увидел стол с навесиком, с деревянным, и за столом несколько баб стоят. Причём у двух – чугушки, у одной – ведро, у третьей – помидоры. Я подошёл. И увидел горячую свежую молодую картошку. А у той, которая стояла с ведром, у неё – малосольные огурчики... Да. А потом я увидел лук лиловый, тоже свежий, прямо когти его ногтем – и сок выступит беловатый. А ещё – помидоры. И хотя помидоры были явно привозные, но наши, не болгарские. Болгарские помидоры я не люблю – они какие-то водянистые. А те – мясистые, их можно есть без соли, потому что мякоть языком размазывается по нёбу. Ну вот я и обрадовался безумно. А жил я в гостинице, в которую ко мне день и ночь доносился тлетворный запах из столовой.

Я думаю, значит, я сейчас... Взял газету, сложил вдвое, набрал там всего. Потом иду и вспоминаю: по дороге тут должна быть булочная. Здесь, как нарочно, всё сошлось. Я заскочил в этот магазинчик, где хлебом торговали. Смотрю, привезли только что свежий хлеб. Чёрный, ржаной, с корочкой горячей такой, знаете, пахучей. Много я не брал. Полбуханки. И говорю: «Вы мне порежьте». И с полным ртом слюней, удерживаясь, чтобы на ходу не начать жрать, я бегу мимо скверика, где стоят три или четыре столика под грибками деревянными. И эта пивная, ларёк. Он обычно пустовал. (Я ходил мимо него.) А тут смотрю – несколько мужиков суетятся: привезли пиво свежее. Бочковое пиво. Ну и они, как пчелы, учуяли. Мгновенно появились. Или, может, машину увидели, с бочками грузовик. И помогают, конечно, раболепно хозяйке пивного ларька. Закатывают бочку, забивают насос. Она на них покрикивает, командует ими.

Я сначала решил взять одну кружку. Потом, пока очередь двигалась, нет, думаю, одной... маловато. А потом за мной уже народу выстроилось... Нет, второй-то раз... Нет, думаю, возьму две. И чем ближе к окошку, тем... я здесь дошёл до трёх. А уже когда протянул деньги, то сам язык выговорил: «Четыре кружки»... И потом я сел (такие были вокруг не стулья, а скамеечки, многоугольные, дощатые, выкрашенные голубой краской). Я сел лицом к Белому озеру. Ветерок доносился с канала, от парохода пахло... Старые пароходы ходили, сейчас соляжкой пахнет от них, а тогда, чёрт его знает, рогожей там, дёгтем, пеньковыми просмолёнными канатами. Плицы шлёпали. И вот, значит, здесь настал для меня блаженный миг. Я разложил картошечку. Соль – крупная, помню, как дробь почти что, серая, но страшно вкусная – похрустывала на зубах. Помидорочку... Картошечку окунёшь... Пивко глотнёшь – и чувствуешь, что мир изумителен, прекрасен и удивителен!

Вот примерно замысел одного из таких гастрономических рассказов. И много будет таких.

Потом бы шло про то, как меня всю дорогу угнетал рассказами Евгений Евтушенко. Он

тоже кревоугодник большой. Любил вспоминать, как в Париже он ел, в каких ресторанах. «У Максима». Как он там завтракал, обедал, что там подавали. Я, конечно, расспрашивал и слюнки глотал.

А потом вся эта эпопея кончилась тем, что мы взяли спирту... Что интересно: собаки за нами толпами бежали, лохматые. Ночь белая, часа три. Никого в деревне. Вымерло. А светло, как днём. Изумительное дело! И вот этот наш охотинспектор, который нас туда привёз, приволок (это какой-нибудь его знакомый – хозяин), учуявши, что будет пожива, повёл нас с Женей Евтушенко к какой-то избе. Стучал там, гомонил что-то. Наконец вышла заспанная тётка, которая оказалась продавщицей фактории, открыла амбарный замок. Здоровый амбар, ни потолка, ничего. Стропила видны, крыша. На полках, на полу и везде навалено ну чего хочешь. И ружья есть, и сапоги, и собачьи упряжи. И так сложно, чудесно пахнет! Ящики там с консервами, с макаронами. И, конечно, заветная... Мы с Женей (были деньги приличные у нас) там купили, и хозяин, и инспектор. Потом думаем: что на завтра? В итоге взяли, значит, четыре бутылки спирта.

Потом, когда мы пришли домой, хозяин кинулся вдруг вниз под обрыв, к карбасу (это на Печоре всё происходило, в Малоземельской тундре). А я говорю: «Вы куда?» А он отвечает: «Сеточка у меня под берегом закинута. Я посмотрю». Я говорю: «А мне можно с вами?» – «Пожалуйста».

В карбас сел. Гребёт. Достает сетку. Он даже не всю её осмотрел. А там – сиги. Десятка два сигов. Вытащил, побросал их под ноги. И сетку выбросил опять за борт. И мы – к берегу. Он тут занялся – шкерить рыбу. Хозяйка проснулась. Сначала недовольная была, потом разошлась, увидела, значит, Женино интеллигентное лицо.

Но тут, к нашему удивлению (я думал, что уха будет, или жарить будут, или что), этот хозяин очищенную рыбу полощет в воде и режет. Он ещё дрожит, сиг-то, подрагивает хвостом, а тот его режет поперёк, крупными дольками. Нежный, розовый сиг такой, весь

сочащийся. Сочащийся не влагой, а как бы жиром. И он его бросает в эмалированный таз, посыпает солью крупной. «Теперь, – говорит, – надо его на ледник вынести. Уж вы потерпите. Может, чайку сначала?» Ну мы говорим: «Потерпим».

А потом... Наверное, всё-таки до кондиции не дали дойти... Минут через двадцать принёс хозяин этот таз, поставил на стол. Сливочного масла брусок вот такой выставил, хлеба. Женя оторопел... Сырой сиг!

Двадцать минут назад дрожал. Трепыхал хвостиком... У нас был с собой клюквенный экстракт. Мы в Вологде ещё купили. Я до сих пор жалею, что мало купили – две бутылки. Надо было больше взять. Это чистейший – с тех пор я его не видел, да уже, наверное, никто из моих читателей и потомков не увидит, – это настоящий экстракт из клюквы, без всякой химии. Он льётся, как густой мёд. Медленный такой. И он без сахара, без ничего. Ки-ислый! Облизнёшь ложку – аж в ушах пищит. Чайную ложку – в стакан, потом полстакана спирту, а потом воды добавишь. Некоторые пили так, а я думаю: «Ну его, своя глотка дороже». Потому что всё-таки девяносто шесть градусов. Зачем мне? То же количество и так могу выпить.

Кто не ел сига сырого, тому как объяснишь? Нет таких слов. В общем, это прохладная, чудесная, тающая во рту, удивительная еда. Одновременно сиг и упругий, как бы ускользящий с зубов, и в то же время необычайно нежный, как... кажется, что если ты его немножко подольше поддержишь во рту, то он растает, как масло.

И тут я, высунув по локоть обнажённую руку, Жене сказал: «А это ты "У Максима" едал?» Сказал ему, отомстивши разом за все его многочисленные рассказы о французской еде...

Ну, подобных много вещей мне приходилось пробовать. Конечно, всё зависит от опустошённости твоего желудка. Если ты сытый вот так, то – дай, а ты не будешь есть вообще. Он так и засохнет. А если ты голоден и потом ещё устал, продрог, полон впечатлений, здоровья и сил... Как моя бабушка говорила: «Ешь, пока рот свеж».

ЭКВАДОР

ИЛЬНИСА

В этот день мы немного заленились, медленно просыпались, медленно собирались, потом сходили в рестораник на завтрак, кстати, завтрак вполне себе европейский, с мюслями и свежими булочками. Вышли в путь к ильинисской хижине уже после девяти утра. На улице всюду светило солнце, и обе вершины гордо подпирали синие эквадорские небеса, вызывая неукротимое желание забраться на них обеих.

Перейдя очередной мостик через ручей, наткнулись на контору национального парка «Ильиниса», откуда выскочил молодой чиновник с важным видом, завёл нас в кабинет и начал выспрашивать, кто мы да откуда. Совершенно неожиданно пригодилось моё удостоверение инструктора: оказывается, самостоятельно кому попало на вершину ходить нельзя, и если нет никакой важной справки, нужно брать местного гида. Чиновник долго крутил мою ксиву, пытаясь понять, что там написано, но так и не разобравшись, на вся-

Для справки:

Ильиниса (исп. Illiniza) – стратовулкан в Южной Америке, в Эквадоре. Имеет две основные вершины: Ильиниса Норте высотой 5248 м над уровнем моря и Ильиниса Сур высотой 5126 м. Вулкан неактивный, время последнего извержения неизвестно. Расположен в эквадорской провинции Котопахи примерно в 60 км к юго-востоку от столицы страны Кито.

кий случай сделал с неё пару фоток, спросил, где будем ночевать, и отпустил нас восвояси.

Гюнтер, как всегда, накануне вечером опять начитался умных книжек, из которых следовало, что к хижине нужно идти всё время по дороге для автомобилей и только в одном месте есть тропа, которая поможет значительно сократить путь. В какой-то момент мы решили, что это именно то место, и ломанулись срезать путь, при этом окончательно

и почти бесповоротно влезли в парамо, откуда ни назад, ни вперёд. Мне в голову пришла, как оказалось на этот раз, умная мысль, что можно пойти в сторону и таким образом вернуться опять на дорогу. Но мой товарищ упёрся. Тогда мы решили, что каждый пойдёт своим путём, и потом узнаем, кто был прав. Гюнтер продолжил бороться с парамо и ползти вверх, а я ушёл куда-то вбок, подобрался к краю дороги, но выйти возможности не находил, по её краю везде был обрыв метра три. Я уже совсем было отчаялся от своей такой горькой участи, как вдруг провалился в какую-то дыру. Лечу и думаю: хоть бы здесь не застрять, а то будешь в ней сидеть, пока не похудеешь. Но, к счастью, вывалился прямо на проезжую часть, весь в соломе, траве и ещё в чём-то непонятном. Хорошо, в этот момент никто не ехал на машине и не скакал на лошади. Солома была везде, даже в нижнем белье, как она могла туда попасть – ума не приложу.

Ждать Гюнтера пришлось с полчаса, лёжа на травке, попивая водичку и наслаждаясь мыслью, какой я оказался умный-разумный, что не полез вверх по парамо. В приют мы добрались к шестнадцати часам, что было на час дольше указанного в гайдуке.

Час ушёл на борьбу с парамо. Чтобы закрепить успех и не расслабляться, поднялись ещё метров на двести выше хижины и, немного обозрев окрестности, вернулись. В хижине оказалось полно народу со всего мира: австралиец, чех, испанки и прочие. Отношение друг к другу вполне благожелательное и дружеское, в процессе разговора кто-то сделал вывод, что не важно, из каких мы стран,

главное – все альпинисты. А это одна большая семья!

В пять утра вылезли из спальников. На улице, конечно же, дождь. После хижины свежий воздух бодрит, напивывал энергией и всякими желаниями. По дороге обогнали Бергфюрера с клиентом. Потом, пока натягивали непромокаемые куртки и штаны, нас догнала одна совершенно одинокая сеньорита юных лет и весьма приятной наружности. Оказалось, из нашей европейской Испании,

скалолазка, только не комсомолка. Вежливо поинтересовалась, может ли продолжить восхождение вместе с нами, на что я тут же, естественно, попросил Гюнтера перевести, что мы сочтём за честь проводить до самой вершины такую спортсменку и почти что комсомолку. Ну не мог же я в самом деле девушке отказать.

Дорога к вершине в такой компании показалась короткой, а может, кровь взыграла, и, преодолев пару нетрудных, 2–3-й категории сложности, стеночек, в восемь утра уже сидели счастливые на вершине и поедали эквадорские гипфель-шоколадки (Gipfel – вершина), принесённые Гюнтером, для которого шоколадка на вершине уже давно стала обязательным ритуалом.

Погода смиростивилась над нами и открыла нашим взорам полмира, видно было почти во все стороны, появилось солнце, жизнь стала налаживаться.

ЧИМБОРА́СО

В десять, как и договаривались, возможно, даже немного раньше, мы с моим товарищем входили в помещение турфирмы «Жюль Верн». Там нас уже поджидал наш гид – Фаусто, небольшого роста, с виду крепкий му-

жик-инк, примерно нашего возраста. Подписали бумаги, выбрали каски под форму головы, получили пакеты с едой и на авто Фаусто выехали в направлении нашей, ставшей уже вожделенной горы.

Примерно часов в одиннадцать достигли хижины Каррел (4850 м), на машине можно было доехать прямо к её дверям. Никогда раньше не заезжал на такую высоту на авто, всё когда-то в жизни происходит в первый раз, на та-

Для справки:

Чимборáсо (исп. Chimborazo) – потухший вулкан, самая высокая точка Эквадора. Его высота 6267 м (измерена с помощью дифференциальной GPS в 1990-х годах), по данным системы SRTM – 6384 м. Последний раз извергался в первом тысячелетии нашей эры (предположительно, 400–700 гг. н. э.). Его вершина – самая удалённая от центра Земли точка поверхности. С XVI по начало XIX века Чимборасо считался высочайшей вершиной на Земле.

кой высоте и ночь проводить не доводилось ни разу (на Ильинисе приют стоит на 100 м ниже).

Наакклиматизировавшись, по пути поболтав с туристками из Германии, принявшими нас за крутых альпинистов, вернулись в хижину. Нужно было немного поспать перед восхождением, выходить планировали не позже двадцати трёх часов, а то и раньше. В нашем отсеке, где помещалось примерно человек сорок, оказалась группа москвичей, один из которых собирался тоже пойти в эту ночь на гору.

Руководителем у них был известный в узких альпинистских кругах горновосходитель и путешественник Виктор Бобок, до этого, правда, мне совершенно неизвестный, побывавший уже много раз не только на этой вершине, но и на небезызвестном Эвересте целых три раза, причём один раз восхождение было по северной стене. Теперь на своём имени зарабатывает себе же на жизнь, вода по грамам богатеньких клиентов. Немного поболтав с ними о жизни, решил попытаться поспать. Кое-как довалялся до девяти вечера, в десять уже позвали на «завтрак» перед выходом. Так рано (или поздно, не знаю, как правильно) завтракать мне ещё не доводилось, как-то всё поданное в себя запихал.

Оделись, включили фонари, вышли. Фаусто впереди, мы чуть позади, темнота, и только звёзды над нами. Шли не торопясь, постепенно согрелись, подошли к скалам, связались и надели кошки. Маршрут выбра-

ли прямо в лоб через скалы, так быстрее и вроде безопаснее. Лазание несложное, примерно двоичное, в паре мест, возможно, тричное. Мы уже почти преодолели скальный пояс, когда наступили следующие сутки, а с ними и день рождения Гюнтера, который он (и я тоже) надеялся отпраздновать на вершине. Я ему тут же, на ходу, спел песенку про день рождения и пожалел, что никто не предлагает купить хотя бы пива, а то бы Гюнтер опять, как и в прошлый раз, его оплатил. С досады сказал ему, что он теперь старый мешок, потому что ему уже пятьдесят четыре, а мне ещё целых три месяца только всего лишь пятьдесят три.

С наступлением следующих суток, дня рождения Гюнтера и других радостей жизни мы продолжили движение вслед за своим проводником. Подошли к леднику.

Спросил его, в достаточно ли быстром темпе мы идём, на что он ответил, что если так пойдёт дальше, то достигнем вершины значительно раньше восхода и придётся там сидеть ждать солнца. Посмотрели снег – вроде не так много и пока не опасно. Подошла ещё одна связка, ещё один гид, только с юной немкой, им снег не понравился, и они тут же развернулись в обратный путь. Наш тоже что-то поворчал, типа что он хочет вернуться к семье и прочее. Так кто же не хочет, особенно если она у тебя есть. У нас с Гюнтером она отсутствовала, поэтому решение «Вперёд к вершине!» альтернативы на данный момент для нас не имело.

Постепенно становилось прохладнее, и одежда из рюкзака потихоньку перекочевала на моё замерзающее тело, финские рукавички – на руки и в конце концов на лицо – намордник, мешающий вдыхать и даже выдыхать (кто бы мог подумать), и незакрытыми остались только глаза да фонарь на лбу. На высоте примерно 5600 м нас догнала ещё одна связка – два мужичка, – но вперёд идти не захотела, а так и плелась слегка сзади, на шару пользуясь нашими следами. Тропить, кроме нас, дураков не оказалось.

Высота снежного покрова потихонечку увеличивалась вместе с высотой и на 6000 м

достигла уровня чуть ниже пояса. Наши надежды на то, что снег сдует ветром, не оправдались, становилось как-то неуютно на крутом склоне, явно превышающем критические 30 градусов. Сказал об этом Гюнтеру, сделали шурф, чтобы посмотреть, как снег соседствует с ледником. Соседство оказалось, мягко говоря, недружественным, снег ко льду не прилип совсем. Стало вообще как-то беспокойно на душе, кто-то об неё, душу, заскрёб лапами с острыми коготками, и малость похолодело в груди. Неприятное ощущение. Пару лет назад здесь сгнула под лавиной группа из нашего Констанца, а ещё до этого снесло разом человек десять из разных стран. И хотя до безопасного предвершинного жандарма оставалось около 200 м, а до вершины – 300, пришлось наступить на горло собственной песенке и в половине пятого утра повернуть в обратную сторону от вершины. Вся предварительная подготовка на большой скорости летела прямо коту под хвост, а может, и того дальше и хуже.

Народ, шедший за нами, всего человек десять-пятнадцать, дружно повернул следом, посчитав, видимо, наше мнение в этом случае достаточно авторитетным. Спуск вниз с ледника занял около часа, всё это время ощущал спину в прицеле снайпера: выстрелит, не выстрелит? Не выстрелил! Полегчало, когда ушли от ледника за скалы. И как-то незаметно закончилась ночь.

В тот день с горы вернулись все. Кто-то придёт к этой горе опять, мы с Гюнтером уж точно постараемся.

Уже подходя к приюту, почувствовал, как устал, ноги двигал, как в замедленном кино. В хижине поговорил с Виктором Бобком, он, расспросив о ситуации, решение целиком одобрил. Успокоил немного. На улице сияло во всю свою тропическую мощь солнце. Чимборасо монархом, весь в белом на синем ультрамарине, с висящими на его плечах ледниками, словно дразня нас на прощание, возвышался над Землёй, отражая его лучи в окружающее пространство света.

К обеду вернулись в Риобамбу, уже стали привыкать возвращаться сюда к этому времени дня. Поблагодарили Фаусто за хорошую работу, договорились на будущее сходить с ним ещё кое-куда и, оставшись довольными друг другом, распрощались.

После бессонной ночи с приключениями потянуло в сон, в объятия Морфея. День заканчивался, мы ещё живы, горы стоят, а головы полны мечтами.

Распрощавшись с гостеприимной Риобамбой, отправились на воды, которые располагались в двух часах езды на рейсовом автобусе. По дороге немного ознакомились с информацией из путеводителя о Баньос, курорт всё-таки. Выбранный отель радовал наличием сауны и видом с террасы на водопад. Правда, сауной мы так и не воспользовались, а на водопад смотрели только один раз в течение полутора минут перед завтраком.

Решили заняться главным развлечением местных курортников и направились в термальные ванны красиво разлагаться и заодно посмотреть при свете на местных красавиц.

Не обращая внимания на сияющее горно-тропическое солнышко и совершая при этом очередную трагическую ошибку, решительно зашагали к ближайшей от нас купальне.

По пути Гюнтер вспомнил об отсутствии у него купального костюма, и нам пришлось изменить маршрут следования, развернувшись на 180 градусов.

Пока искали ему костюм, наткнулись на кофейню, издающую совершенно немыслимые запахи, пройти мимо невозможно. Решили: гулять так гулять – и выпили по чашке кофе, который был с соответствующим запахом, вкусным и настоящим эквадорским.

Примерно к часу дня мы наконец попали в курортный рай.

Угождать чреву решили путём поглощения невинно убиенной птицы гриль, запивая её пивом местного производства. Гюнтер низко пал со своей переслащённой колой, при этом рассказывая, что такой грех он себе позволяет исключительно в отпуске, потому что на фоне остальных отпускных грехов этот не так очевиден. Однако поглотив всё это, чрево не угомонилось, пришлось удовлетворить его ещё и местным мороженым. Мороженое оказалось хотя и не итальянским, но вполне заслуживающим уважения. Но особенное впечатление на нас произвела хозяйка кафе, и тут наконец мы поняли, что помешало нам оценить привлекательность бассейновых красавиц: пустота наших животов не позволила! По-настоящему красоту женщины может оценить только сытый желудок. Надо же, какая связь...

Погоуляв ещё немного по вечернему городку, совершенно неожиданно встретили свою попутчицу на вершину Ильинисы. Она набросилась на нас с объятиями, как будто мы не виделись лет десять, а перед этим на протяжении долгих лет знали друг друга. Ну обниматься-целоваться с молодыми сеньоритами, что ни говори, занятие приятное. Пожалел, конечно, в очередной раз, что не учил в школе испанского, да и вообще его никогда не учил. После встречи, окончательно убедившись в прелестях жизни, отправились в отель, на ходу обсуждая планы на следующий день.

Ещё одним популярным развлечением местных курортников оказалось катание на маунтинбайках. С утра пораньше, сразу же после завтрака, отправились выбирать в прокате велики. Мне удалось остановить свой выбор на третьем, Гюнтеру – на втором. Помимо велосипедов прокатчики снабжали клиентов набором инструментов, замками и картами местности. Привязав всё это добро к велосипедам, а что не привязывалось – положив Гюнтеру в рюкзак, в половине девятого утра тронулись в путь.

А путь предстоял неблизкий, но и не особенно далёкий. Целью велотура мы выбрали городок Пуйо (900 м), лежащий на 1000 м ниже Баньоса на расстоянии 58 км, в непроходимых джунглях Амазонки. На этом основании мы ожидали приятной, лёгкой езды с ветерком, всё-таки катиться вниз – это вам не вверх. Правильнее будет сказать, целью был не городок, а сам путь, с бессчётным количеством водопадов и удивительных природных памятников.

Примерно через час езды, остановившись у очередного водопада, опять встретили старых знакомых, практически земляков, швейцарцев из Цюриха, с которыми познакомились и разговаривали целых пятнадцать минут в ильинисской хижине три дня назад. Такая замечательная встреча после такой долгой разлуки продолжилась распитием кофе в кстати находившемся здесь же питейном заведении. Обменявшись адреса-

ми и договорившись контактировать по мере возможности, распрощались и отправились в разные стороны.

Перед расставанием швейцарцы «порадовали» нас информацией об очередном тяжёлом подъёме, ожидающем за ближайшим поворотом. Так оно и оказалось. Вообще складывалось впечатление, что дорога, вместо того чтобы идти вниз, всё время норовила забираться вверх. Наверное, в этих гиблых местах сила тяжести не работала совершенно и не тянула вниз, как положено по закону Ньютона, а, напротив, толкала прочь от центра Земли. На подъёмах Гюнтер со своими непереключающимися скоростями значительно отставал, хотя каждую неделю дома тренируется на своём маунтинбайке и слышит среди гонщиков одним из сильнейших. Видимо, для того чтобы жизнь нам не казалась совсем уж радостной и сладкой, разразился проливной тропический дождь, который мы безуспешно пытались переждать под крышей стоявшего у дороги сарая. Осознав, что силы у дождя больше, достали свои пончо и поехали дальше уже сквозь ливень, хотя потоки совершенно закрыли всё обозримое пространство, оставив для любования лишь асфальт дороги и придорожную траву.

Но мы, осознавая себя настоящими горновосходителями, не привыкшими отступать перед такой мелочью, как беспросветная мокрота, продолжили путь дальше. Неужели мы не дотянем до финиша?! И мы таки дотянули, уже, конечно, не глядя по сторонам и не доставая камеру из чехла. В Пуйо торжественно въехали примерно в два часа дня и, немного покружив по городку, нашли автовокзал, с которого можно было добраться назад.

Добравшись, тут же отправились отогреться в термальные ванны. Там, не знаю уж чем, то ли светлой кожей, то ли своим суровым видом, мы с товарищем привлекли внимание очередной юной аргентинки из самого Буэнос-Айреса. Сеньорита, по своей инициативе познакомившись с нами, притащила ещё троих своих подружек, показать двух занятых белых европейцев. Гюнтер им что-то говорил, я глупо улыбался, чем, видимо, заслу-

жил два горячих, сводящих с ума поцелуя в щёки на память. Удивляюсь до сих пор, как мне в тот вечер удалось остаться при своём уме и твёрдой памяти.

Жаль, что вечер, а с ним и наш отпуск с путешествием подходили к концу. Нам, увы, осталось провести в этой сказочной стране всего один день.

Наш самолёт домой, в Европу, должен был вылететь из Кито в 00:35 следующего дня. Времени – завались. Единственное дело, которое мы должны были исполнить в этот день, заключалось в упаковке рюкзаков и их подготовке к полёту.

Закончив осмотр достопримечательностей и попрощавшись с городом, вернулись в отель. Со всей тщательностью и любовью я уложил всё своё добро в утробу рюкзака, а что не поместилось – привязал снаружи. Потом это всё окуклил в плёнку и, удовлетворённый результатом упаковочного творчества, в ожидании заказанного такси отметил завершившийся труд распитием пива местного производства.

Такси заказали на время немного раньше необходимого, потому что Гюнтер надеялся найти потерянную связку ключей. По его расчётам, был шанс её обнаружить именно в китском аэропорту. Связка содержала ключи не только от квартиры с деньгами, но и от велосипеда, шкафчика на работе и ещё чего-то. Ответом на вопрос, зачем он взял с собой в Эквадор ключ от велосипеда, стоящего дома в подвале, было красноречивое молчание.

Пройдя чек-ин и сдав рюкзаки в багаж, Гюнтер побежал выяснять, не нашлись ли его ключи. А я, чтобы не потеряться, встал на самом видном месте в проходе к контролю. Примерно минут через десять мимо пробежал Гюнтер в сопровождении двоих сотрудников порта, сообщив на ходу, что вроде ключи нашлись. Продолжаю стоять, как на Плющихе, и вызывать подозрения. Ещё через десять минут Гюнтер появился уже с другими сотрудниками и тут же скрылся в другом направлении, успев сказать, проносясь мимо, что теперь проблема ключи получить. Прошло ещё пятнадцать минут, когда наконец вернулся Гюнтер с ключами, довольной улыбкой и без сотрудников.

Полчаса стояния, видимо, успели закрепить в сознании чиновников неубиваемые подозрения, что это всё неспроста. И нас с Гюнтером под белы ручки провели в кабинет, где уже всю шмонали ещё некоторых пассажиров нашего рейса. В уголке я заметил свой красиво упакованный рюкзак, рюкзак же моего товарища отсутствовал. Понимание, в чём нас подозревают, ещё не пришло. В уме судорожно перебирал, что бы мы могли здесь успеть криминального натворить или крамольного сказать. Напряжённую работу моего мозга прервал сотрудник специальной службы, пригласив нас с Гюнтером следовать за ним. Привёл нас к гюнтеровскому рюкзаку и, ткнув пальцем в экран монитора, произнёс сакраментальный вопрос: «Что это?!» На экране светилось какое-то странное изображение, напоминавшее котелок. Я с недоумением уставился на товарища, товарищ чесал затылок, он сам никак не мог понять, что это находится у него в рюкзаке! В голову принеслась мысль: неужели кто-то подсунил бомбу?! Как? Когда? Так ведь могут и террористами объявить! Гюнтер нервно задёргал, как всегда, не открывающийся в таких случаях замок-молнию внизу рюкзака. Наконец открыл и, поко-

павшись, выудил из него газовый картридж, о котором он совсем забыл. Полегчало.

Выясненное обстоятельство, однако, не освободило нас от прохождения усиленного осмотра, и мне пришлось своими руками уничтожить результаты своего упаковочного труда. Почему-то разозлился на сотрудника полиции, честно выполняющего свой служебный долг, и не без злорадства доставал из мешков свои грязные носки и нижнее бельё: нате, смотрите. Полицейского, однако, мои трусы не заинтересовали. Он указал на кофе, спросил: «Что это?» – «Эквадорский кофе», – отвечаю. Безжалостно распоров пакет с кофе, он стал тыкать в него специальной палочкой, ища в нём наркотики. К моему счастью, ничего криминального не обнаружив, удалился. Рядом переминался с ноги на ногу другой сотрудник, ответственный за вылет, вылет задерживался, сотрудник нервничал. Я не торопясь собирал своё шмотьё, опять всё привязывал, укладывал, окукливал, про себя кляня судьбу-злодейку.

Эквадор провожал нас сильными потрясениями. Наш «Боинг» вырливал на взлёт. Начались следующие, последние сутки путешествия.

АТЛАНТА – НЬЮ-ЙОРК – ЦЮРИХ

Ночь в полёте прошла спокойно. Предстартовая катавасия со шмоном постепенно забылась. Но с некоторым опасением ожидалась встреча с американской таможней, о которой ходили упорные слухи, не внушающие оптимизма. Около девяти утра высадились в порту Атланты, где нам предстояло провести почти целый день в ожидании следующего рейса. В зале пограничного контроля выяснилось, что повторно пролетающие проходят контроль не с живыми чиновниками, а с виртуальными, выстроившимися в ряд погранавтоматами.

Первым в схватку с автопогранцом вступил Гюнтер, я стоял рядом в группе поддержки. Всё шло хорошо, пока не пришла очередь фейсконтроля, машина не желала признавать

Для справки:

Международный аэропорт Хартсфилд-Джексон, Атланта (англ. Hartsfield-Jackson Atlanta International Airport) (IATA: ATL, ICAO: KATL, FAA LID: ATL), также известный как аэропорт Атланта, аэропорт Хартсфилд и Хартсфилд-Джексон, расположен в 11 км к югу от центрального делового района Атланты, Джорджия, США. Является самым загруженным в мире аэропортом по пассажирскому трафику и по взлётам-посадкам.

Гюнтера, его «кожарожи» не помещалась в объектив машины. Вернее, помещалась, но фото получалось каким-то кривобоким, я бы его на нём тоже не признал. Посоветовал

сделать ему лицо поумнее, может, тогда узнает. С третьей или четвертой попытки дошло, что объектив почему-то направлен немного вниз. Гюнтер униженно пал перед ним на колени, и только после этого всё сошлось. Это явно какая-то дискриминация по гендерному признаку, подумали мы. И уже было хотели затеять массовые протесты, но в этот момент, увидев Гюнтера, стоящего на коленях, подошла служащая аэропорта и спасла, казалось, совсем уже безнадежное положение, пахнущее международно-сексистским скандалом.

Оказалось что стрелочки рядом с изображением головы проверяемого служат для изменения направления объектива и достаточно дотронуться до этой стрелочки, чтобы направить его в нужную для тебя сторону. Пройдя все остальные контроли, добрались к терминалу, где нам предстояло провести девять часов и откуда вылетали дальше на Нью-Йорк. Ничего достойного упоминания за эти девять часов с нами

не произошло, как, впрочем, и в аэропорту имени Кеннеди.

Удивили цены, они были в два раза выше атлантических и в четыре – китайских. Жажда пива утолилась узнаванием его стоимости в \$7 за пол-литра. К тому же знание того, что в полёте им угощали практически в неограниченном количестве, способствовало принятию решения.

Перелёт через океан и получение багажа благополучно свершились. На душу накатила лёгкая грусть: заканчивался один из лучших кусочков жизни, делавший её замечательно интересной. Сказочная страна осталась где-то нереально далеко. И только начинавшие облезать нос с верхней частью черепа да испорченный кофе в рюкзаке напоминали о земле вулканов, дремучих лесов и юных сеньоритах...

Владимир ЮРЧЕНКО
Фото автора

ФЕРАПОНТ И ГАРЕМ

Валерий СЕДЫХ

ТРИ РАССКАЗА

СТАРАЯ-СТАРАЯ СКАЗКА

СКОРО СКАЗКИ СКАЗЫВАЮТСЯ... У АВТОРА ИХ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ШТУК – МОЖНО СКАЗАТЬ, СЕРИЯ, И ВСЕ ПРО ЦАРЯ ФЕРАПОНТА. «ФЕРАПОНТ И КАТЕРИНА», НАПРИМЕР, – КАК БЛИЖАЙШИЙ СПОДРУЧНЫЙ И СОВЕТЧИК ЭТОГО МОНАРХА СЕРЁГА-МАСТЕР ВЫПОЛНЯЛ РАЗНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ ФЕРАПОНТА: ТИПА ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА, И ПРИНЕСИ ТО... ВЫРУЧАЛА СЕРГЕЯ КАК РАЗ КАТЕРИНА, ЖЕНА, ОБЛАДАВШАЯ ВОЛШЕБНЫМ ДАРОМ И Т. П. «ФЕРАПОНТ И САМОЛЁТ» – О РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ С ПАРКОВКАМИ, ПРЕВЫШЕНИЕМ СКОРОСТИ И ВООБЩЕ ДТП ВЛАДЕЛЬЦЕВ КОВРОВ-САМОЛЁТОВ. НУ А «Ф. И КОРРУПЦИЯ» – ПОНЯТНО И ТАК: БОРЬБА С ЭТИМ НЕЗДОРОВЫМ ЯВЛЕНИЕМ. И СЛЕДУЮЩЕЕ...

Всё в том же некотором царстве, некотором государстве, когда процветающем, а когда и испытывающем некоторые экономические трудности, на троне сидел всё тот же царь Ферापонт.

И всё так же состоял у него на службе, то есть был всегда под рукой, Серёга-мастер. Ума палата, как говорила жена Ферапонта Анфиса.

Ну а сам Серёга тоже женат, и очень удачно, и не на местной красавице – когда ходил в тридевятое царство очередное поручение царя исполнять, там и нашёл её. А она-то как раз все прихоти-капризы самодержца на себя взяла – мужа выручала.

Но в последнее время государь скучным стал, как бы пассивность начал проявлять, интерес вроде как ко всему потерял, а сидячи на троне, этого никак допускать нельзя.

И Серёга-то озаботился и с Катериной мыслями своими поделился: это, мол, от его возраста, что ли?.. И с Анфисой, хоть она у него и третья, по жизни неактивен – ей-то какво?

– Я, Серёженька ты мой, вот кое-что полистала мысленно, пошелестела в голове, в уме и нашла, – положив ласково обе руки на плечи мужа, начала Катерина. – А не предложить ли тебе ему (мне-то неудобно на эту тему разговор вести) занять гарем?

Ну Сергей тоже не очень-то в курсе дела, что это такое в деталях, хотя и побывал в разных землях и странах, на морях-океанах, но слышал кое-что. На Востоке особенно. Это как раз там, где султаны, всякие визири, шахи и падишахи. Ну, в общем, пошутил он, шахер-махер.

А Катерина стала подробно объяснять ему – для Ферапонта уже информация, – почему на этом варианте она остановилась, чтоб отвлечь царя от скуки, вялости, непредсказуемой вздорности и капризов.

Так почему? А потому: модернизация-то, конечно, модернизацией на разных мануфактурных, железоделательных, оружейных, кожевенных и других предприятиях, но и оптимизация пошла. Сокращения. Или три дня в неделю работай, а жалованье соответствующее, то есть уменьшенное, или как бы дней на десять в отпуск, но без содержания.

– Мужиков-то ладно, – сделала озабоченное лицо Катерина, – их ещё держат, как того, который блоху подковал, а вот красным девицам-то куда? А ведь умные-то какие есть и красавицы писанные и ненаглядные.

У неё-то, у Катерины, слава богу, Серёга есть, а другим девицам каково? Не всем таких хватает. А в гареме их ведь и занять чем-то можно.

Ну, в общем, разъяснила она, как и что, и пошёл Серёга предложить Ферапонту, что и как. А государь давно уже сподручника своего очень слушал. Серёга и начал: вот, мол, царь-батюшка, у многих и многих руководителей царств, государств, королевств, эмиратов гаремы такие имеются. Жёны то есть там все. И не две или три, а как казна позволяет. Ну и дальше всё Серёга популярно разложил.

– Это что же, – с одной стороны, как бы даже взбодрился Ферапонт, а с другой – весь растерянный, – ж ё н ы? Все-все? Ты, Серёга, может, меня с кем-то спутал? Анфиса-то моя, честно сказать, супругой только числится. Мне годков-то уже сколько!.. Я ж это... – и на ухо что-то неприличное Сергею пошептал.

– Ферапонт Ильич! – воскликнул всё понявший и заранее это обдумавший Се-

рёга-мастер. – Так не для того же девицы! Что ж, султан какой-нибудь или шахиншах персидский весь гарем, это самое... и обслуживает? Нет, батюшка! Это для авторитета такое женское окружение. Я бы сказал, для рейтинга между царствами-государствами, для... – совсем уж разошёлся Серёга, – имиджа, наконец.

– Для имиджа – это хорошо, – как-то задумчиво повторил Ферапонт. – И для оптимизации, – зачем-то добавил он.

– Вот именно! – подхватил мысль Сергей. – И из этих для начала трёх десятков кадры можно выковырять. Для внуков твоих нянечек, воспитательниц, всяческих там ключниц, горничных, портних отбирать. Эскулапов хорошо. Приёмы разных делегаций самыми умными украшать, на переводчиц учить... Приедет какой-нибудь шведский посол – а там с гаремами пока никак, – так он от удивления упадёт, и себе они внедрять новшество станут.

– Сыночков бы своих, Иван-царевичей-то – а их восемь у меня – переженить на самых-самых... Да-а-а, – мечтательно произнёс Ферапонт.

Серёга ещё про отбор разных талантов из этих девиц говорил, про ансамбли какие-нибудь, про певиц и танцовщиц и вообще про организацию досуга и художественной самодеятельности для царя-батюшки. А там, глядишь, и бояре, сенаторы и министры, и всякие олигархи тоже гаремами захотят обзавестись... И никакой безработицы.

– Ну ты давай... как это... начинай, – поторопил царь.

Через недельку Серёга и принёс список из тридцати девиц – Катерина подготовила: путём опроса, объявлений разных на столбах, через знакомых и подруг. Ещё двадцать обещала добавить через недельку.

– Ну а ты-то, милый, как, намерен себе гаремчик заводить? – спросила она с ехидцей и так хорошо и чувственно обняла-прижала милого, что Серёга только и произнёс, мол, лет двадцать пять – тридцать подожду пока...

На том и порешили.

УМАР АЛЫМ АМАМ

– Ну прямо такая аномальность! – говорила бабушка Софья с улыбкой про Елисея, внука. – Уникальная.

Она, кстати, всю жизнь преподавала немецкий в школе, а тут вообще непонятно что. Дедушка Захар скульптором был, всякую ерунду на заказ лепил, как шутила бабушка.

Мама, Виктория, Вика просто, в основном французскому в педвузе учила, а супруг, Кирилл, два высших образования, по кибернетике специалист, а сейчас у них до конца года каникулы.

Довольно интеллигентная семья.

Так вот, Елисей, понятно, в четыре года все-все буквы уже знал, тридцать три... Но! Вот тут и задумаешься, от кого это у него пошло.

Дело в том, что читать он стал с конца. Идёт с мамой или папой по улице и произносит чётко: не «магнит», а «тингам», не «пятёрочка», а – и не выговоришь сразу – «акчорётяп». Вот эти «тяпы» прямо чуть ли не не-

нормативная лексика. Папа читает какую-нибудь рекламу безграмотную и говорит Вике, жене своей, мол, абракадабра, – а любимый сынок и повторяет: «Арбадакарба».

И так уже с год. Пять Елисею скоро стукнет. А в чём дело, никто и не поймёт. Ни бабушка со своим немецким, ни мать родная с французским. И почему-то на дедушку при этом косятся, на скульптора.

Ну Виктория одной подружке как-то озбоченно всё рассказала, потом другой, а та – мужу своему, банковскому служащему, тот, поскольку в столице часто бывает, – коллеге тамошнему. А у того жена как раз такими детьми сверходарёнными занимается – не в каком-то детсадыке, а в исследовательском центре.

Пригласила Тимошиных, Вику с Кириллом, поизучала Елисея и даже глаза вытаращила от изумления, как от открытия какого-нибудь.

А у неё среди знакомых один такой же психолог-лингвист в Германии работает. Тоже вундеркиндов изучает. Она с ним связалась, поделилась информацией: ну открытие не открытие, но какая-то версия. Он страшно заинтересовался – а русский-то неплохо знал, – тем более что давно то ли над докторской диссертацией работает, то ли ещё над чем-то. Аж в Москву прилетел, где Тимошины ждали его.

Ну слово за слово, а Елисей хохочет, потому что ему непонятно, чего это взрослые до смешного так серьёзно к нему пристают.

Поприставал-поприставал Эрик Фриц Редекунст и стал уговаривать родителей приехать к нему месяца через два – как раз школьные каникулы у Вики, а Кирилл и так может отпуск себе устроить. И за всё, как говорится, оплата по соглашению.

И вот Тимошины там, в Бремерхафене, а тут и Гельголандская бухта. Тёплая вода там. И – с утра на песочке, на пляже, а потом часа на два изучение подопытного – опрос-допрос ребёнка, всякие как бы угадки и т. п. И все довольны. А для Елисея Эрик, хороший мужик, так всё устроил, как будто это игра какая-то.

Месячишко повалялись на пляже, домой вернулись, а через две недельки Эрик Фриц звонит: не могли бы они приехать в Лозанну, в Швейцарию? Там тоже его товарищ, однокашник по университету, этими изысканиями заинтересовался. Тоже не за свой счёт, а ребёнку даже какой-то бонус будет причитаться. Режим исследовательской работы примерно такой же.

И вот лежат они опять на пляже, Женевского озера, и говорят: ну, мол, Елисейка и устроил нам европейский курорт! А если б он читал «мама мыла раму», как бабушка Софья его учила по-своему, а не «умар...» и так далее... Да не видать нам такого сезона отпусков, ещё и с материальной поддержкой!

И тут этот Елисей подползает по песочку на берегу Женевского озера, берёт папин блокнот – отец всё в него на всякий случай записывал, – авторучку и, по-детски озорно улыбаясь, пишет почти печатными буква-

ми: «КУРШЕВЕЛЬ БАДЕН БАДЕН» – и читает вслух.

– Ты что... можешь уже... слева направо?! – чуть не заикается мама.

– Ну да, – спокойно отвечает вундеркинд. – Мы как с дядей Трунком здесь начали, я подумал, что и так правильно.

– Елисейчик! Ты можешь ещё немного потерпеть со своим справа налево? Ну до конца лета...

Ребёнок кивнул головкой и уже на песке крупно пальцем начертил: «НЕДАБ НЕДАБ», а внизу добавил ещё про маму, которая мыла раму. И тоже наоборот.

– Ведь Редекунст уже договорился... К Луи Жану Мишелю, – напоявила она на всякий случай папе Елисейки. – Ну и дети пошли! – добавила озабоченно, но чтоб дитя не слышало.

– Ну да, – сказал папа. – Сделаем.

ма-ма	ра-ма	Шу-ра
ра-ма	ра-мы	мы-ла

Ма-ма мы-ла ра-му.

ЭМАНСИПАЦИЯ

Оно, вот это, всё равно где-нибудь бы лопнуло. Как бы взорвалось или треснуло. Потому что дальше, как говорится, так жить нельзя. Не в этом бы дворе, так в другом. Не вечером, так днём или утром – ночью-то все в основном спят... Но взорвалось бы.

Короче: сидели как-то мужики во дворе своего панельного, не самого большого, шестиподъездного и девятиэтажного дома и, как говорится, трепались за жизнь. Это могло показаться, что трепались. На самом деле треп был серьёзный. Сначала о политике, об ипотеке, о ценах на бензин... Чуть позже уже – о женщинах.

Стол у них такой длинный в торце кирпичной пятиэтажки, под белыми акациями, за сиренью и бузиной. И лавочки по всему периметру. И – когда в домино, когда пивка попить, когда в лото или картишки (но редко) и даже в шахматы. В общем, как сказал один пенсионер, Меркушин, – красный уголок.

Ну и вот что-то нашло на них в тот раз – о женщинах. Не о жёнах или тёщах, тем более что мужики не старики вовсе, а хорошего среднего возраста – сорока, пятидесяти, и, что характерно, все при деле.

Начали как-то незаметно, с роста. Кто первый, сейчас вспомнить уже невозможно. Но кто-то заметил, что девушки пошли – ой-ой-ой! За метр восемьдесят. И совсем не баскетболистки, а просто так. И парней им уже таких не хватает. Идёт, а рядом – ей по плечо. Целоваться на цыпочки встают. Их, девушек этих, только в армию по контракту или в полицию.

– А за рулём!.. – сказал Бубенцов, консультант-юрист в какой-то невзрачной фирме. – Каждая пятая, каждая пятая...

– Ты получше сосчитай, – перебил его Будин, архитектор, – каждая третья.

– Скоро они, – не выдержал Меркушин, пенсионер который, – нас вообще из автомобилей вытеснят. – Машины у него, правда, ещё не было.

– А вспомните, – включился в разговор то ли историк, то ли филолог Колядин, в колледже преподаватель, – вспомните, кто начинал цирюльниками. В Древней Греции, в Риме... Только мужской пол! А сейчас? Одни женщины, одни женщины... Полностью вытеснили!

– Добавьте сюда кулинарию, – почти выкрикнул, прямо на нервах, Дышаев, у которого несколько кафешек по большой дороге. – Они, что ли, блюда всякие придумали?! Мы, мы!.. А сейчас? Сейчас найдёшь нашего брата у плиты?

– О женщины, вам имя вероломство, – сказал вдруг Сырокомский, фельдшер со «Скорой помощи». – Шекспир так ещё писал, – пояснил он.

Ну, слово за слово, на женщин при должностях перешли, на министров и разных замш, депутатш и владелиц торговых заведений, на коллег и собственных начальниц... И как-то так грустно мужикам стало, и прямо почти паническое настроение их охватило и некоторая даже безысходность.

Темнело.

– А послать их, мужики, куда подальше, – тихо так сказал шофёр-дальнобойщик Сырков.

И все как бы выдохнули разом: это как, это как, мол?

– Да так, – ответил за Сыркова Дышаев. – Вот у меня домик в деревне. Стебанутово село называется. Ну купил ещё в девяностых, надстроил, пристроил – квартира на двух уровнях, бильярдная, банька, бассейн... Территорию – соток десять – огородил. Деревня-то на издыхании была, так что всё почти за копейки, дёшево...

– Это где речка, что ли, так – подковой, а с другой стороны озерцо с карасями? – уточнил заядлый рыбак из налоговой инспекции Новохацкий.

Оказалось, да – оно, Стебанутово. Место – загляденье! Холмик как бы, тоже подковой. Тишина, потому что населения почти нет. И от города, если на машине, – полчаса. И автобус мимо ходит.

Спать ушли все задумавшиеся и в каком-то возбуждении. А через недельку и

пошло. Потихоньку: то один с Дышаевым съездит, то другой. Сами, у кого машина, экскурсии себе устраивали. И началось. Сырокомский кирпичный домик, при царе ещё строили, присмотрел. С садом заросшим и колодцем. Бубенцов следом за ним...

В общем, годика за два освоили землю – хуторок не хуторок, а уже не умирающее Стебанутово. Кто месячишко поживёт – потом на недельку домой. А кто почти постоянно. Жёны... А что жёны? Им объяснили в мягкой ультимативной форме. Дети, у кого есть, – они почти все взрослые. Сыновьям даже разрешалось с отцами жить. Дедов туда же перевезли – за хозяйством стало кому приглядывать. Кто кур, кто цесарок, кроликов, зайцев, всякую поросятину стали разводить для удовольствия.

А слухи-то пошли. По коллегам, по друзьям, по знакомым. Недалеко тоже группа товарищей деревеньку освоила – Калиновку. Взяли её в оборот, а то совсем захирела, – десятка полтора чиновников сговорились на это дело, некоторые даже в фермеры пошли. Ещё компания одна, офицеры в отставке, аж на край области рванула, в Тараксу, – машины у всех, потому что в мелком бизнесе теперь...

И вот сидят как-то вечером стебанутовские мужики в беседке у Дышаева, за жизнь треплются. Спокойная она стала, во всяком случае есть где расслабиться, какая-никакая, а прямо мужская эмансипация. И вдруг видят из-за рва – ров там какой-то исторический выкопан – женское лицо. Одно. Исчезло. Второе...

Выяснилось: жёны (не будем называть фамилии), под сорок каждой, якобы соскучились по своим спутникам жизни. И вообще им интересно, как это мужья без них обходятся.

Утром, конечно, вывезли их, семь женщин, а под вечер обсудили эту проблему. Решили, чего уж тут, не звери – надо что-то вроде дня открытых дверей установить. Только не определились – в месяц раз или в квартал. А то эти... ну дамы, скажем, опять инициативу перехватят. Ну а дальше видно будет.

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

В завершение 2017 года в литературном мире Тамбовщины произошло знаменательное событие – вышел в свет поэтический сборник «Моя малая родина», который объединил стихотворные произведения начинающих и опытных самодеятельных поэтов – жителей различных населённых пунктов региона.

Искусно иллюстрированный сборник издан в рамках проекта Центра поддержки сельской молодёжи «Энергия-68» (руководитель – член областной Общественной палаты Михаил Прудников), а непосредственное участие в формировании книги-новинки приняла редакция литературно-исторического журнала «Александръ», где составителем сборника стал главный редактор Анатолий Труба, а за дизайн и вёрстку отвечала Елена Ермохина.

Читатель познакомится с творчеством 60-ти поэтов (!), представляющих все муниципальные образования Тамбовской области. И это делает книгу по-своему уникальной. Разные голоса – от тихих, лирических, до глубоких, гражданственных, разные формы

построения стихотворений, разнообразная тематика сборника «Моя малая родина» – яркое доказательство того, что и в сельской «глубинке» благополучно живут, созидательно трудятся, растят детей и пишут стихи поклонники отечественной литературы, родного слова, способные вносить поэтические краски в обыденные дела, приглашая читателя задуматься и о прошлом, и о настоящем своего родного края, области, страны...

Авторы книги – люди разных поколений. Для одних стихи – способ самовыражения, для других – крик души, но и те, и другие вместе создают целый калейдоскоп человеческих лиц, картин природы, событий.

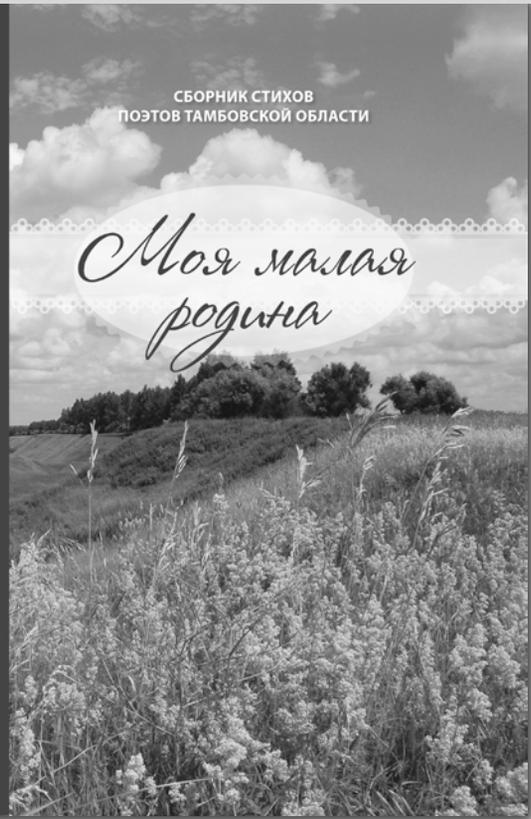
Для литературно-исторического журнала «Александръ» открытие новых талантов является такой же приоритетной задачей, как и подбор, публикация наиболее талантливых произведений. Но поместить на страницах журнала всё присылаемое в адрес редакции не представляется возможным. А вот выпуск подобных книг является практическим ша-

гом «Александра» к достижению поставленной цели.

Поэтический сборник «Моя малая родина» – всего лишь маленькая часть общего литературного процесса, протекающего в городах и весях великой России, и наш долг – донести до читателей самобытный дар местных талантов, которыми так богата наша Тамбовщина.

Презентация книги «Моя малая родина» состоится в Тамбове 23 января 2018 года в 14 часов в библиотеке имени А. С. Пушкина. Приглашаются авторы произведений, профессиональные и самодеятельные литераторы, все желающие. Организаторы встречи постараются, чтобы это культурное событие стало достойным камертоном открытия нового литературного сезона на Тамбовщине!

СБОРНИК СТИХОВ
МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

СБОРНИК СТИХОВ
ПОЭТОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Моя малая родина

Бондарский район

Владимир Клубина

Клавдия Александровна (12.08.192, г. Елецкий, Кромский край – 17.12.2011, с. Бондари, Тамбовская обл.) окончила Саратовский педагогический институт. Приехала по распределению в Тамбовскую область. С 1958 года работала учителем в Бондарской средней школе Мукаевского района. Писала стихи, которые с удивлением печатали в местной газете. В 1965 году переехала в Бондарский район, работала счетоводом в Шаховском СДК, затем заведующей читальным залом в Бондарской центральной библиотеке. «Стихи я пишу с детства, – вспоминала Клавдия Александровна, – писала стихи в самые трудные моменты моей жизни. Они помогали мне жить и бороться с одиночеством и тоской».

Стихи К.А. Валентер печатали каждую: о любви, о жизни, о родном крае, о любви разных профессий, о войне, стихи, посвященные прелесть дроздов любви. Стихи печатались в газете «Народная правда». Библиография входит в сборники стихов К.А. Валентер, часть из которых легла в основу сборника «Архив. Народ. Победа», посвященного 65-летию Великой Победы и значительного в тамбовской историографии. Несколько раз в библиотеке проводила творческие вечера К.А. Валентер.

Стихи мне и родился, и счастья,
В них сила и сила моя.
Нет в мире потерь подобной этой,
Чтоб миру опьянил у меня.

Жердевский район

Валентин Чирва

Его малая родина – это деревни, которые составляли ныне Покрово-Марфинский с/поселок. Там его хранил, там он родился, учился в школе, работал учителем. Фальшивые отчисления получил в Тамбовском государственном педагогическом институте, где в уборку его любовь к русскому языку и литературе. С конца 80-х годов живет в Жердевке. Профессионально занимался журналистикой, десятилетия отдал работе в органах местного самоуправления, ныне работает в акционерном обществе «Роснефтегаз».

С поэзией знаком со школьной скамьи. В студенческие годы это знакомство переросло в любовь с поэтами завести о себе публиковал. Первые стихи печатались в школьной газете «Народный учитель». Затем были публикации в районных и областных газетах, в журнале «Университетской Тамбов» и «Победа», в коллективных сборниках, альманахах «Тамбовские сны». В настоящее время его книгу «Имена» издали разные стихи, вышедшие в основном в 80-е годы. Все, что написано после, еще пока не издали, в том числе поэма «Не такая печальная повесть» и «Тамбовский алмаз».

Бондарский район

Владимир Владимирович Арсканов

Жизнь многих людей, особенно в молодые годы, связана с поиском своего места на земле. Именно поэтому Александру Павловичу пришлось познакомиться по сути с Москвой до своего Запаварья. Но не забыл и родные края Тамбовского края, своего родного села Крайновского, где родился и вырос, Бондарей, где проводил основные годы его детства.

Сегодня он пенсионер, но оживленная жизненная позиция не позволяла стариться, но и возрастать. Удивительно, но за последние несколько лет он выпустил два обычных книги стихов. Первая книга «Верность» посвящена ветеранам Великой Отечественной войны и наследникам их славы, вторая носит название «Прощанье». В ней стихи о людях, которые когда-то появились в стихах и писателях в районе, области, стране. Много стихов о нашем крае, деревенских и просто о любви во всем и во всем. Сегодня я пишу стихами и прощаюсь поэму «Сила».

Гиряевский район

Светлана Степановна

Любовь Степановна Саигина (Панкова в девичестве) родилась 1 июня 1939 года в селе Кольдочьяновка Гиряевского района Тамбовской области.

После окончания школы Люба в 1956 году поступила учиться на бухгалтерия в Тамбовский сельскохозяйственный техникум, где была членом комитета комсомола, комсомольским секретарем и основала и руководила группы. Техникум она окончила с отличием. После этого вернулась в родную Кольдочьяновку, но поступила на работу заместителем главного бухгалтера в семье.

С января 2006 года Любовь Степановна была назначена на должность «дальности» – руководителем территориальной бухгалтерии образовательных и других организаций Гиряевского района.

С 2008 года Светлана была членом Общественной палаты Тамбовской области, членом комитета по развитию и жизни. Имена благодарности от администрации района за свою безупречную работу на руководящей должности, за многолетний и добросовестный труд и большой вклад в социально-экономическое развитие района.

Ижмовский район

Любовь Львовна Амосова

Любовь Амосова родилась 19 декабря 1929 года. Окончила с отличием Ижмовскую среднюю школу-интернат, в 1977 году стала студенткой факультета филологического воспитания Тамбовского ордена «Знак Победы» государственного педагогического института.

С 1981 года работала учителем филологической культуры в Ижмовской средней школе № 2 имени высшему квалификационному критерию.

На данный момент является заместителем председателя Ижмовского районного Совета народных депутатов.

Одна из главнейших стихов стихотворений Н.А. Башкирской – путь души через любовь и красоту к духовному просветлению. Творчество – это стиль ее жизни. Она полюбила, воспитатель по образованию и призванию, поэт по сути и силе творческой любви, видела красоту окружающего мира и стремилась к красоте. Ее стихи учат доброту, ведь именно это так не лишая в нашем мире. Стихи охватывают наивность, включая особый звуковой ряд, поэтому многие из них являются авторами на музыку.

18 ЯНВАРЯ 2018 Г. В 9:00

**СОСТОИТСЯ ПРАЗДНИЧНАЯ БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ
АРХИЕРЕЙСКИМ ЧИНОМ.**

ПОСЛЕ ЛИТУРГИИ – ВЕЛИКОЕ ОСВЯЩЕНИЕ ВОДЫ

Свято-Никольская Мамонтова пустынь, с. Мамонтово

В монастыре Мамонтова пустынь монахи начали селиться с начала XVI века. Здесь старец Мамонт в начале XVII века обрёл образ Николая Можайского. В 1629 году на этом месте по указу царя Михаила Фёдоровича был основан монастырь на землях его матери Ксении Ивановны Романовой (инокини Марфы).

В течение своего существования Мамонтова пустынь получала значительные пожертвования, в том числе от царя Алексея Михайловича. При Екатерине II в результате церковной реформы в 1764 году монастырь был упразднён, но его Свято-Никольский храм долгие годы действовал. Он не вмещал всех желающих здесь помолиться, его дважды перестраивали.

В 1905 году в честь рождения наследника престола на территории Мамонтовой пустыни была создана женская Алексеевская община. Местные жители пожертвовали ей большие средства, на которые в 1915 году был построен каменный храм, разрушенный в 1952–1955 годах.

В годы советской власти окрестные жители создали крестьянскую общину-коммуну, берега озера и бассейн реки Красная Дубрава были распаханы, в водоёме пытались разводить птицу, но безрезультатно: она погибала, как говорили, «не выдержав святости». В местном колхозе имени Вильямса занимались овощеводством и бахчеводством. Храм использовался как овощехранилище и магазин. На месте монастырского некрополя велась частная застройка.

В начале 90-х годов началось возрождение Мамонтовой пустыни: построена часовня, келейный корпус. На Николу Вешнего, 22 мая, собирается до 4 000 человек. С 2005 года во время молебна наблюдается радуга в течение нескольких десятков секунд в любую погоду – одно из чудес этого места.

**Религиозная организация
«Никольский женский монастырь»**
с. Мамонтово Сосновского района
Тамбовской области Мичуринской
епархии Русской православной
церкви (Московский Патриархат).
ИНН 6818028617
КПП 681801001

Банковские реквизиты:
р/с 40703810061000000166
Тамбовское отделение № 8594 ПАО Сбербанк
Место нахождения банка получателя:
392036, г. Тамбов, ул. К. Маркса, д. 130
БИК банка получателя: 046850649 Кор/с 30101810800000000649
ИНН банка 7707083893 КПП банка 682902001
Назначение платежа: Пожертвование на уставную деятельность.

